

ISSN 0131-6117

Рус-
RUSSIAN
СРЪЯ
SPESH
речь

МОСКВА, 2025

МАЙ – ИЮНЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Зав. редакцией: **М. А. Пузина**
Зав. отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2025

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2025

MAY-JUNE

Founded in January 1967

6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS),
Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Zanadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind
peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya
(RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian
Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow,
119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... С. В. Князев. Вопрос или ответ? («Шляпные» конструкции в русской интонации)
- 37..... Т. В. Леонтьева. Сочетание слов *душа* и *прилепиться* в свете языковой концептуализации представлений о душе в русской лингвокультуре
- 48..... Л. Л. Федорова. Структура и семантика русских сложных слов с цветовым компонентом
- 63..... М. Ю. Федосюк, И. И. Бакланова. *Вы не могли бы включить свет, пожалуйста?* (Употребление вводного слова *пожалуйста* в составе косвенных вопросов и просьб)

Из истории русского языка

- 77..... К. И. Коваленко, В. Б. Колосова. О названиях инжира в русском языке
- 90..... Г. А. Мольков. «И горкуши, и кардыки, и цокалы, и сюсюкалы» в описаниях диалектологов XIX века

Язык художественной литературы

- 100..... Е. В. Болнова. «Молотком по зубилу» (история одной поэтической метафоры в творчестве Н. Асеева и В. Сосноры)
- 111..... А. Э. Костюк, Т. В. Скулачева. Скорость деклинации частоты основного тона в русском стихотворном тексте

Наука в лицах

- 126..... Защитник Отечества — защитник культуры русской речи. К 100-летию со дня рождения К. С. Горбачевича (20.05.1925–02.11.2005)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Sergey V. Knyazev*. A Question or an Answer? (“Hat Patterns” in Russian Intonation)
- 37..... *Tatyana V. Leontyeva*. Combination of Words *Dusha* (‘Soul’) and *Prilepit’sya* (‘Adhere’): Conceptualization of Soul Representations in Russian Linguistic Worldview
- 48..... *Liudmila L. Fedorova*. The Structure and Semantics of Russian Compounds with a Color Component
- 63..... *Mikhail Yu. Fedosyuk, Irina I. Baklanova*. *Could You Turn on the Light Please?* (Using Introductory Word *Please* in Indirect Questions and Requests)

From the History of the Russian Language

- 77..... *Kira I. Kovalenko, Valeriya B. Kolosova*. On Fig Names in Russian
- 90..... *Georgiy A. Molkov*. “And Gorkushas, and Kardyks, and Tsokalas, and Syusyukalas” in the Descriptions of Dialectologists of the 19th Century

The Language of Fiction

- 100..... *Ekaterina V. Bolnova*. “With a Hammer on a Chisel” (the Story of a Poetic Metaphor in the Works of N. Aseev and V. Sosnora)
- 111..... *Alexander E. Kostyuk, Tatyana V. Skulacheva*. Pitch Declination Rate in Russian Verse

Science and Persons

- 126..... Defender of the Fatherland — Defender of the Culture of Russian Speech. On the 100th Anniversary of the Birth of K. S. Gorbachevich (20.05.1925–02.11.2005)

Вопрос или ответ? («Шляпные» конструкции в русской интонации)

Сергей Владимирович Князев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук (Москва, Россия), svknia@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611725030013

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию интонации вопросительных предложений и ответных утвердительных диалогических реплик, которые оформляются «шляпным» интонационным контуром, в 12 говорах севернорусского наречия. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что при движении в направлении с севера на юг (от периферии к центру) в русских говорах прослеживается постепенный переход от собственно диалектного оформления вопросов и ответов в диалогах к литературному. При этом, хотя интонация вопроса в одном говоре может совпадать с интонацией ответа в другом, внутри говора и тем более в произношении одного и того же информанта просодия вопросительных и утвердительных реплик различается: несмотря на то что мелодический контур для их оформления в архангельских говорах используется один и тот же, различная его синхронизация со звуковой последовательностью (тайминг) позволяет вполне надежно различать утверждения и вопросы. Сам этот контур, получивший в литературе название «широкой шляпы», в действительности в большинстве случаев характеризуется мелодической структурой, которая была исходно описана как «кепка» ('cap patten'): падение тона в нем ассоциируется не с ударным слогом, а с концом фразы. Мы тем не менее считаем, что устоявшуюся уже терминологию следует сохранить.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: севернорусские говоры, фонетика, интонация, утверждение, общий вопрос

для цитирования: Князев С. В. Вопрос или ответ? («Шляпные» конструкции в русской интонации) // Русская речь. 2025. № 3. С. 7–36. DOI: 10.31857/S0131611725030013.

Issues of Modern Russian Language

A Question or an Answer? ("Hat Patterns" in Russian Intonation)

Sergey V. Knyazev, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia), svknia@gmail.com

ABSTRACT: This paper deals with the phrase intonation of declarative sentences and yes-no questions with "hat patterns" in dialogues, from 12 types of Northern Russian dialects. The study reveals that in the direction from North to South (in other words, from the periphery to the center of the Russian dialectal continuum) the explicit transition is found from purely dialectal intonational patterns to the tunes, characteristic to the Standard Russian variety of language. Meanwhile, despite the fact that the "hat pattern" is characteristic to both polar questions and reactive declaratives in Arkhangel'sk dialects, the consistent difference is found for these tunes in the timing of the "hat" contour for different communicative types within one idiom (being significantly more late in answers than in yes-no questions), although an answer in one dialect may be fully identical to a question in another one. The contour itself being now termed "broad hat" from our point of view better fits the definition of the "cap pattern".

KEYWORDS: Northern Russian dialects, phonetics, intonation, statements, yes-no questions

FOR CITATION: Knyazev S. V. A Question or an Answer? ("Hat Patterns" in Russian Intonation). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 3. Pp. 7–36. DOI: 10.31857/S0131611725030013.

1. «Шляпа»: история термина и его использование в русской интонологии

Термин «шляпа» ('hat') для описания мелодического контура был введен в широкое употребление представителями нидерландской школы перцептивного анализа интонации [Cohen and 't Hart 1967: 183]. Авторы описывают этот интонационный тип как состоящий из

- начального незначительного понижения тона (деклинации) в нижнем регистре,
- резкого повышения тона,
- участка с небольшим понижением (деклинацией) в верхнем регистре,
- резкого понижения тона,
- конечного участка с деклинацией в нижнем регистре, продолжающего начальный [Там же], см. рис. 1.1:

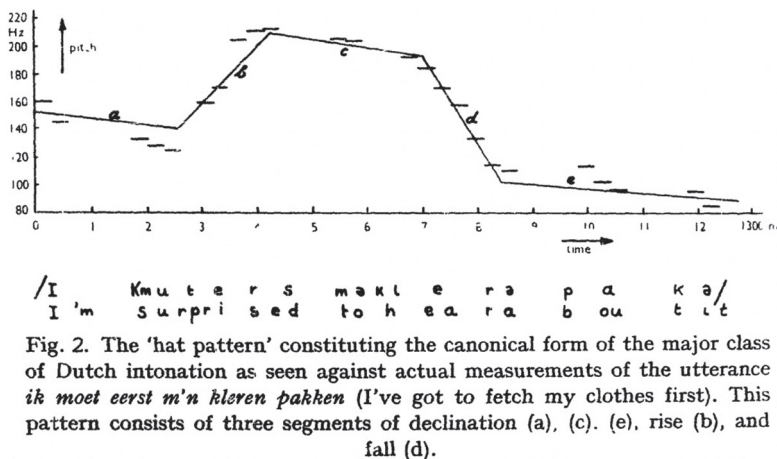

Fig. 2. The 'hat pattern' constituting the canonical form of the major class of Dutch intonation as seen against actual measurements of the utterance *ik moet eerst m'n kleren pakken* (I've got to fetch my clothes first). This pattern consists of three segments of declination (a), (c), (e), rise (b), and fall (d).

Рис. 1.1. «Шляпный» контур по [Cohen and 't Hart 1967: Fig. 2]

Fig. 1.1. "Hat pattern" [Cohen and 't Hart 1967: Fig. 2]

Классики нидерландской интонологии изначально называли «шляпой» восходяще-нисходящий мелодический контур как с задержкой падения, так и без ровного участка между повышением и понижением частоты основного тона (ЧОТ). Впоследствии эти типы были разграничены как 'flat hat' и 'pointed hat' ['t Hart et al 1990], в терминологии М. Пост применительно к русскому материалу — «широкая шляпа» и «острая шляпа» [Пост 2007; Пост 2005, 2008]. Мы в дальнейшем под «шляпой» будем понимать только первый тип, см. (1).

- (1) «Шляпная» конструкция — это мелодический контур, в котором два независимых тональных движения (обычно восходящее и нисходящее) соединены отрезком ровного высокого тона (плато) с возможной деклинацией на нем.

Кроме «шляпы», в нидерландском языке представлены сходные контуры, названия которых можно перевести как «пилотка» (‘valley’) и «кепка» (‘cap’) [Collier and ‘t Hart 1971: 880–881], см. рис. 1.2. В последнем случае просодически выделен только один из слогов — тот, на котором происходит подъем (а падение тона в конце только маркирует интонационную границу); в предпоследнем между подъемом тона и его падением наблюдается «вмятина», а потом инклинация — некоторое повышение ЧОТ [Idid.]

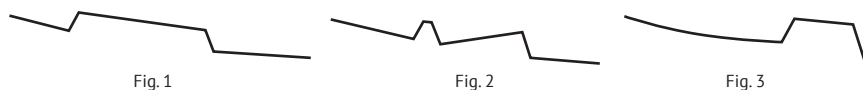

Рис. 1.2. Стилизованные интонационные контуры типов «шляпа» (Fig. 1), «пилотка» (Fig. 2) и «кепка» (Fig. 3) [Collier and ‘t Hart 1971: 880–881]

Fig. 1.2. Stylized melodic contours “hat” (Fig. 1), “valley” (Fig. 1) and “cap” (Fig. 1) [Collier and ‘t Hart 1971: 880–881]

В нидерландском языке «шляпный» мелодический контур является одним самых распространенных, им оформляется до 60% высказываний [Nooteboom 1997: 653]. В литературном русском (СРЛЯ) он не столь частотен и был первоначально описан Е. А. Брызгуновой как пятая интонационная конструкция (ИК-5) для восклицательных предложений, а впоследствии — и для вопросов с вопросительным словом: «ИК-5, в отличие от других интонационных конструкций, имеет два центра, которые следуют друг за другом или разделены несколькими слогами; поэтому ИК-5 возможна в предложении, имеющем минимум два слога. В предцентральной части колебания тона сосредоточены в средне-нижней полосе ее диапазона. Гласный первого центра произносится с восходящим движением тона выше уровня предцентральной части. <...> Уровень тона между центрами выше предцентральной части, но ниже уровня первого центра. На гласном второго центра тон понижается. <...> ИК-5 употребляется преимущественно при повествовании и частично при волеизъявлении и вопросе. При повествовании ИК-5 служит средством выражения высокой степени проявления признака: *Како⁵й скучный фильм!* <...> В предложении с вопросительными местоименными словами ИК-5 служит средством выражения нетерпения, досады: *Когда⁵ же он придет?*» [Брызгунова 1980: 115–116].

С. В. Кодзасов уточняет это описание, отмечая различия между конструкциями ИК-5 в восклицаниях и частных вопросах: «Комбинация /--\ уж давно была описана Е. А. Брызгуновой (ИК-5). В качестве типичного

контекста употребления приводятся обычно восклицательные предложения вида (28) — *Какой(/--) сегодня день(--\)!* При этом не отмечается, что такие восклицания обычно произносятся в медленном темпе и придыхательным голосом (характерна также деклинация тона на «плато»). При отсутствии этих компонентов мы имеем обычный специальный вопрос: (29) — *Скажите, какой(/--) сегодня день(--\)?*» [Кодзасов 2009: 21].

Мы считаем, что в восклицательных предложениях голос может быть не только придыхательным (в случае выражения положительных эмоций), но и скрипучим (при выражении отрицательных); кроме того, вопросительный контур отличается от восклицательного не только характером движения тона на участке, соединяющем тональные акценты, но и типом второго акцента: в восклицаниях падение тона начинается позже (на ударном гласном выделенного слова), чем в частных вопросах (на согласном, предшествующем ударному гласному), см. рис. 1.3 и 1.4. Этим же параметром отличаются друг от друга в литературном русском языке нейтральное утверждение, в котором отсутствует «смысловое противопоставление или сопоставление» (ИК-1) [Брызгунова 1980: 109], и утверждение со смысловым выделением или противопоставлением (ИК-2) [Брызгунова 1980: 111]: в первом случае падение начинается и завершается раньше, чем во втором [Игараши 2002; Igarashi 2005], см. рис. 1.5 и 1.6. Такое различие в соотношении тонального изменения со звуковой последовательностью называется **таймингом**; для русского языка оно впервые описано нидерландской исследовательницей Сесилией Оде [Odé 1989].

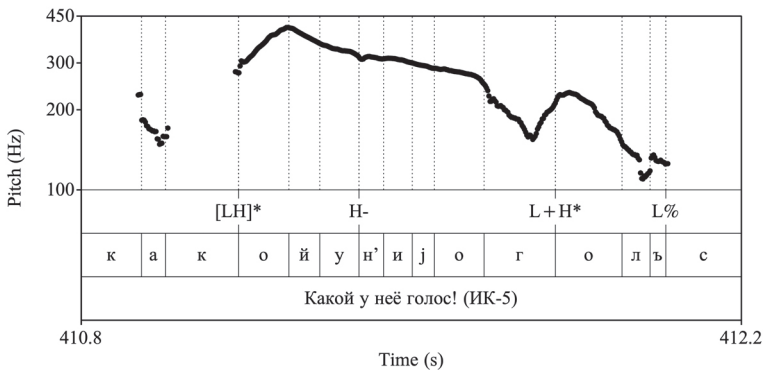

Рис. 1.3. Кривая ЧОТ фразы *Какой у неё голос!* (восклицание, ИК-5, СРЛЯ); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша¹

Fig. 1.3. Pitch contour of the intonational phrase *Kakoi u neyo gos!* (exclamation, Standard Modern Russian, IK-5) from [Bryzgunova 1981], with our intonational transcription

¹ Знаки интонационной разметки пояснены в Приложении, однако последующий текст вполне может быть понятен и без них.

Рис. 1.4. Кривая ЧОТ фразы *Как пройти на Красную площадь?* (специальный вопрос, ИК-5, СРЛЯ); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

Fig. 1.4. Pitch contour of the intonational phrase *Kak proiti na Krasnuyu ploshchad'?* (wh-question, Standard Modern Russian, IK-5) from [Bryzgunova 1981], with our intonational transcription

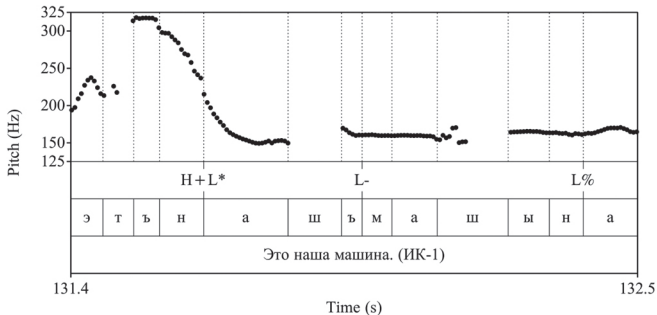

Рис. 1.5. Кривая ЧОТ фразы *Это наша машина.* (нейтральное утверждение, ИК-1, СРЛЯ); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

Fig. 1.5. Pitch contour of the intonational phrase *Eto nasha mashina.* (neutral statement, Standard Modern Russian, IK-1) from [Bryzgunova 1981], with our intonational transcription

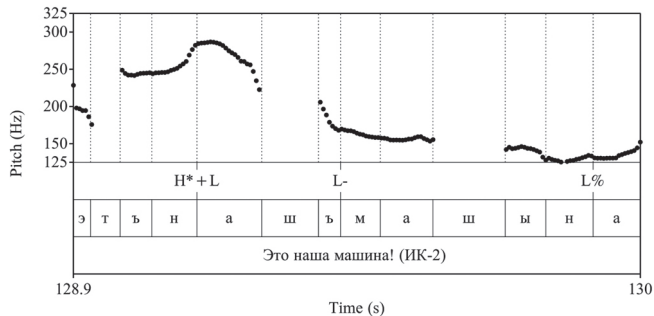

Рис. 1.6. Кривая ЧОТ фразы *Это наша машина!* (ненейтральное утверждение, ИК-2, СРЛЯ); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

Fig. 1.6. Pitch contour of the intonational phrase *Eto nasha mashina!* (non-neutral statement, Standard Modern Russian, IK-2) from [Bryzgunova 1981], with our intonational transcription

2. Вопросы и ответы в северо-восточных говорах

Еще одна нидерландская исследовательница русской интонации Мархье Пост (Marge Post) обнаружила в общем вопросе в севернорусских говорах² мелодический контур с задержкой тона после повышения перед падением на высоком уровне до заударных слогов последнего слова во фразе и назвала его «широкой шляпой» [Post 2005; Пост 2007; Post 2008] (см. ниже пример из нашего материала на рис. 2.1).

Рис. 2.1. Кривая ЧОТ фразы *Видели вы у неё мужика-то?* (общий вопрос, д. Вадюга, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.1. Pitch contour of the intonational phrase *Videli vy u neyo muzhika-to?* (yes-no question, Vadyuga, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

Анализ ответных диалогических реплик в архангельских говорах [Князев 2023д] показал, что утвердительные высказывания в них могут оформляться мелодическим контуром, очень похожим на «шляпный» контур общего вопроса: повышение тона + ровный высокий тон + падение тона (см. рис. 2.2). Такие высказывания вне контекста перцептивно практически неотличимы для носителей СРЛЯ от общих вопросов, а число подобных высказываний в ответных диалогических репликах достигает до 80% всех случаев [Князев, Пронина 2021].

В этой связи может быть поставлен вопрос о том, существуют ли вообще интонационные различия между вопросительными и ответными репликами в северо-восточных русских диалектах. В ходе нашего исследования были проанализированы шляпные контуры в вопросах и ответах на обширном материале³ в следующих архангельских говорах:

- 1) д. Сельцо Виноградовского района⁴ [Князев 2023а],
- 2) д. Веегора Пинежского района⁵ [Князев 2023б],

² На материале говора д. Варзуга Терского р-на Мурманской обл.

³ Всего 197 вопросительных и 436 ответных реплик.

⁴ Запись С. В. Князева, 1989 г.

⁵ Запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1999 г. и В. Голубевой, С. Саркисянц 1986 г.

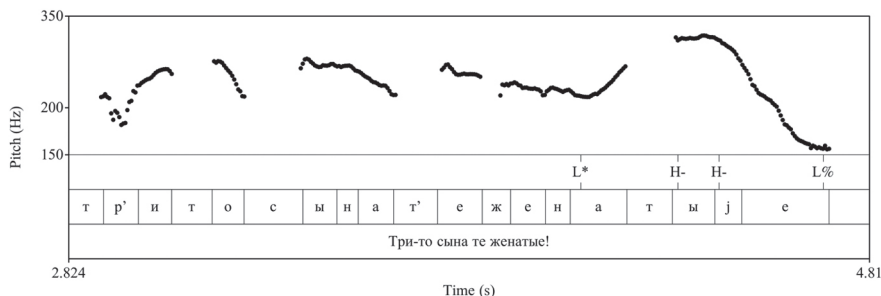

Рис. 2.2. Интонограмма высказывания *Три-то сына те женатые!* (утверждение, д. Тимошино, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.2. Pitch contour of the intonational phrase *Tri-to syna te zhenaty!* (statement, Timoshino, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

- 3) дд. Вадюга и Тинева Верхнетоемского района⁶ [Князев 2021a],
- 4) д. Вершина⁷ и с. Горка⁸ Верхнетоемского района,
- 5) д. Кеба Лешуконского района⁹ [Князев 2022a],
- 6) д. Мосеево Мезенского района¹⁰ [Князев 2022б],
- 7) д. Ваймуша Пинежского района¹¹ [Князев 2023в],
- 8) с. Климовское Коношского района¹²,
- 9) д. Кондаково Вилегодского района¹³,
- 10) д. Парфеньево Вельского района¹⁴.

В качестве информантов были выбраны самые старшие носители этих говоров, родившиеся не позднее 1921 г., поскольку можно предположить, что в их речи диалектные особенности сохраняются наиболее полно.

Дополнительно был использован материал из

- 1) д. Семёнова Гора Нюксенского района Вологодской области¹⁵;
- 2) д. Ковжи и с. Артюшина Белозерского района Вологодской области¹⁶.

⁶ Запись С. В. Князева и С. К. Пожарицкой, 1987 и 1990 гг.

⁷ Запись О. Г. Гецовой 1967 г., аудиозаписи хранятся в архиве филологического факультета МГУ.

⁸ Запись Е. А. Нефедовой 1968 г., аудиозаписи хранятся в архиве филологического факультета МГУ.

⁹ Запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1986 г.

¹⁰ Запись С. В. Князева, С. К. Пожарицкой 1989 г.

¹¹ Запись Р. Ф. Касаткиной 1966 г., аудиозаписи хранятся в архиве ИРЯ РАН.

¹² Запись М. А. Штудинера 1970 г.

¹³ Запись И. Б. Левонтиной, И. Б. Лухминской, А. В. Тер-Аванесовой 1985 г.

¹⁴ Запись И. В. Бегунц и Н. А. Седуковой.

¹⁵ Запись С. В. Дьяченко и И. И. Исаева 2013 г.

¹⁶ Запись И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой и Е. В. Колесниковой 2010 г., хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН.

Материал из соседних **Вершины** и **Горки** примечателен временем записи (1967 и 1968 гг.) и, соответственно, временем рождения основных информантов — 1903 и 1901 гг. Общий вопрос в произношении МО1901 приведен на рис. 2.3, на котором хорошо видно, что «шляпная» конструкция в говоре Горки почти полностью соответствует приведенному в самом начале классическому описанию:

- (а) незначительная деклинация в нижнем регистре на первых пяти слогах,
- (b) резкое повышение тона на всем ударном слоге слова *они* (L^*+H),
- (с) участок с ровным высоким тоном (плато) на следующих двух слогах (H^-),
- (d) резкое понижение тона на двух последних словах фразы,
- (е) ровный низкий тон в самом конце ($L\%$).

Отметим, однако, что падение тона после высокого плато происходит не на ударном, а на заударном гласном, что позволяет поставить вопрос о том, не является ли этот контур скорее «кепкой», нежели «шляпой».

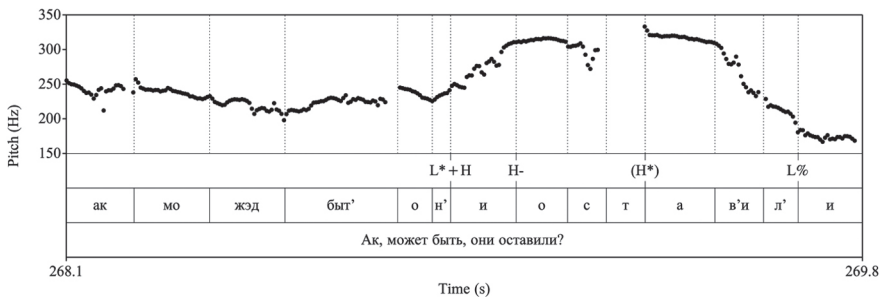

Рис. 2.3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ак, может быть, они оставили?* (МО1901-Горка, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.3. Pitch contour of the intonational phrase *Ak, mozhet byt', oni ostavili?* (yes-no question, Gorka, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

В ответных репликах в **Горке** наблюдается некоторая вариативность. Во-первых, изредка встречается вариант оформления, сходный с описанным выше (см. рис. 2.4). Однако в подавляющем большинстве случаев картина фиксируется несколько иная: в первой части ударного слога тон ровный низкий, его повышение начинается с середины ударного гласного и продолжается на заударном слоге, так что можно предположить, что в ответных диалогических репликах используется тот же мелодический контур, что и в вопросительных, но с **более поздним таймингом**, то есть несколько смещенный вправо (см. рис. 2.5–2.7).

Рис. 2.4. Кривая ЧОТ части ответной реплики да не поглянулось дак. (МО1901-Горка, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.4. Pitch contour of the intermediate phrase *da ne poglyanulos' dak*. (statement, Gorka, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

Рис. 2.5. Кривая ЧОТ ответной реплики Не узнала, что это Пуровская. (МО1901-Горка, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.5. Pitch contour of the intonational phrase *Ne uznala, chto eto Purovskaya*. (statement, Gorka, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

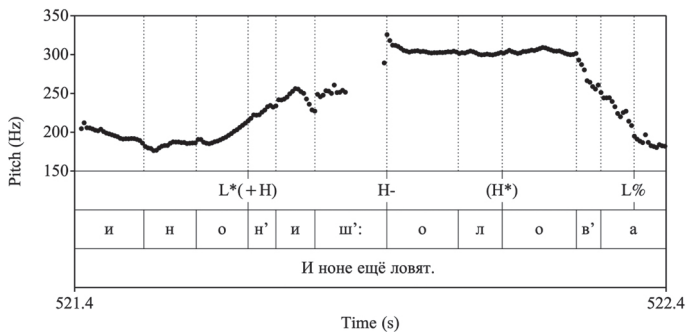

Рис. 2.6. Кривая ЧОТ ответной реплики И ноне ещё ловят. (МО1901-Горка, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.6. Pitch contour of the intonational phrase *I none yeshco lovyat*. (statement, Gorka, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

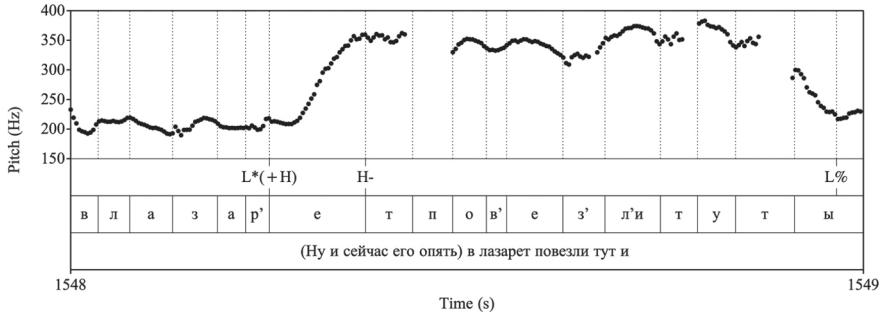

Рис. 2.7. Кривая ЧОТ ответной реплики в лазарет повезли тут и¹⁷ (МО1901-Горка, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.7. Pitch contour of the intermediate phrase *v lazaret povezli tut i* (statement, Gorka, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

В Вершине в общем вопросе зафиксирована конструкция, аналогичная отмеченной в Горке (см. рис. 2.8) с той небольшой разницей, что восходящий тональный акцент в произношении ЛЕП1903 характеризуется несколько более ранним таймингом (повышение тона завершается в середине ударного слога). Снова можно отметить, что падение тона не сопровождается просодическим выделением, ударного слога в этой части высказывания нет совсем, так что этот контур в большей степени соответствует типу «кепка», а не «шляпа».

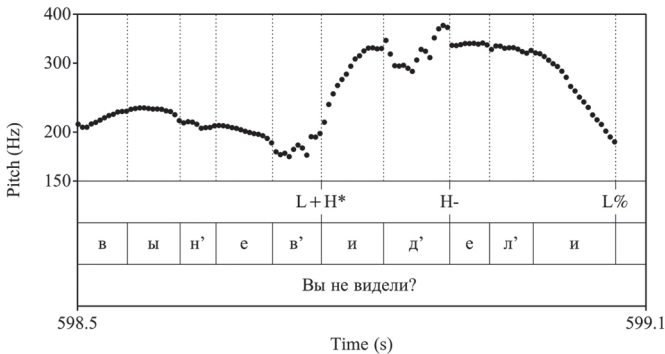

Рис. 2.8. Кривая ЧОТ общего вопроса Вы не видели? (ЛЕП1903-Вершина, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.8. Pitch contour of the intonational phrase *Vy ne videli?* (yes-no question, Vershina, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

В ответных репликах представлен тот же тип, который чаще всего встречается в Горке (см. рис. 2.9). Особую ценность для нашего анализа

¹⁷ В севернорусских говорах союз и/или частица и может занимать постпозитивную позицию.

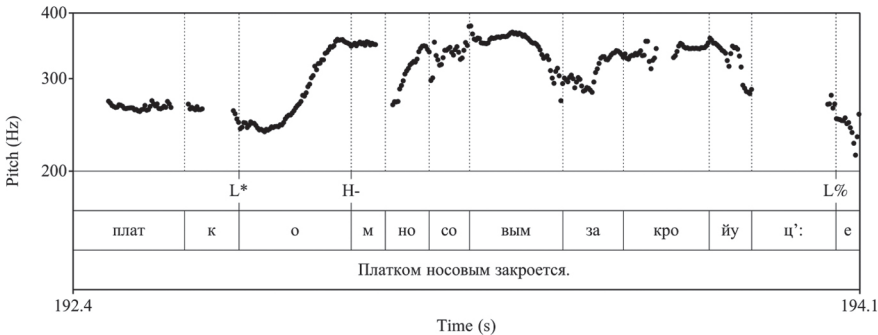

Рис. 2.9. Кривая ЧОТ ответной реплики *Платком носовым закроеся.* (ЛЕП1903-Вершина, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.9. Pitch contour of the intonational phrase *Platkom nosovym zakroetsya.* (statement, Vershina, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

представляют реплики, состоящие из нескольких частей, когда первая часть завершается высоким тоном (см. рис. 2.10); в этом случае хорошо видно, что главной тональной целью акцента ответных реплик является именно низкий тон, в отличие от высокого в вопросительных.

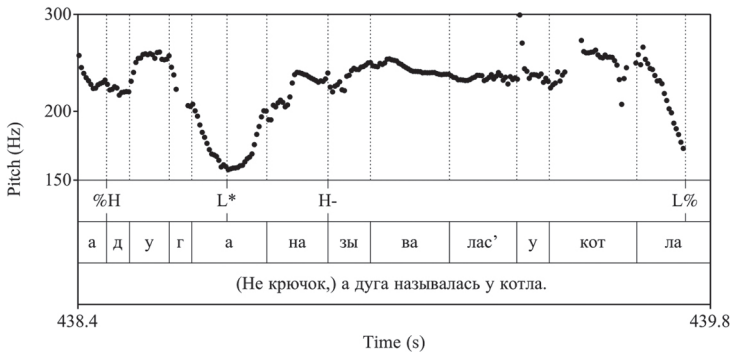

Рис. 2.10. Кривая ЧОТ фрагмента ответной реплики *а дуга называлась у котла.* (ЛЕП1903-Вершина, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.10. Pitch contour of the intermediate phrase *a duga nazyvalas' u kotla.* (statement, Vershina, Verkhnetoemsky district, Arkhangel'sk region)

Говор д. **Ваймуша** записан в 1966 г. Общий вопрос в произношении ин-форманта НАТ1899 очень сходен с тем, что зафиксирован в Вершине (по-вышение тона завершается к середине ударного гласного) — см. рис. 2.11. Здесь, впрочем, наблюдается понижение тона на ударном гласном послед-него слова фразы (возможно, потому что заударный слог в этом случае только один).

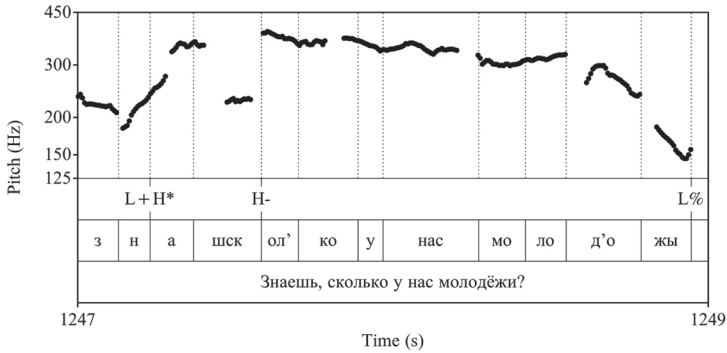

Рис. 2.11. Кривая ЧОТ общего вопроса *Знаешь, сколько у нас молодёжи?* (НAT1899-Ваймуша, Пинежский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.11. Pitch contour of the intonational phrase *Znayesh, skol'ko u nas molodezhi?* (yes-no question, Vaimusha, Pinezhsky district, Arkhangel'sk region)

Ответные реплики отличаются от вопросов еще более радикально, чем в Вершине и Горке: тон начинает повышаться в самом конце ударного гласного, а максимума достигает даже не на первом, а на втором или третьем заударном слоге (см. рис. 2.12, 2.13).

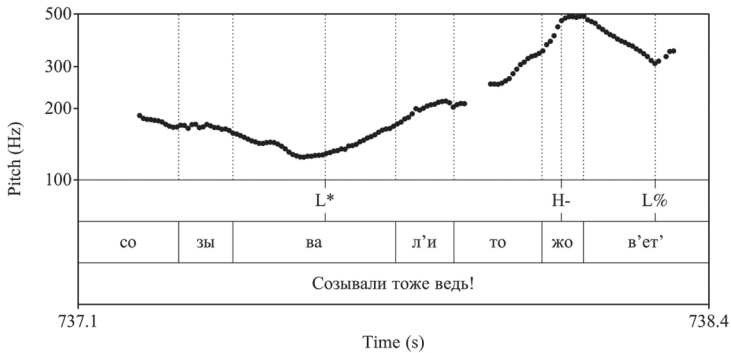

Рис. 2.12. Кривая ЧОТ ответной реплики *Созывали тоже ведь!* (НAT1899-Ваймуша, Пинежский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.12. Pitch contour of the intonational phrase *Sozyvali tozhe ved'!* (statement, Vaimusha, Pinezhsky district, Arkhangel'sk region)

В говоре д. **Мосеево** контур общего вопроса также сходен с тем, который наблюдается в Вершине (повышение тона начинается и завершается рано, понижение происходит на заударном слоге последнего слова фразы) — см. рис. 2.14. Ответные реплики отличаются от вопросов: тон начинает повышаться на первом заударном гласном, а максимума достигает даже не на первом, а на втором заударном слоге (см. рис. 2.15).

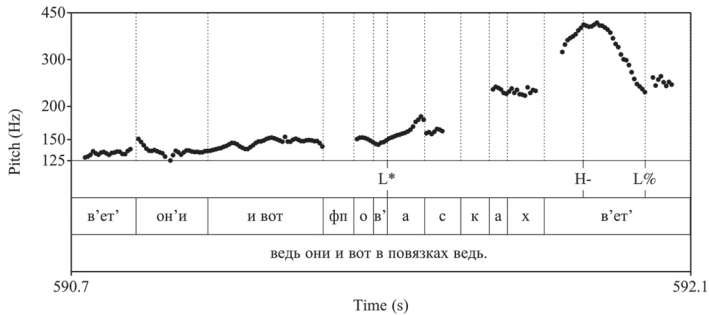

Рис. 2.13. Кривая ЧОТ ответной реплики *ведь они и вот в поязках ведь.* (НАТ1899-Ваймуша, Пинежский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.13. Pitch contour of the intonational phrase *ved' oni i vot v povyazkakh ved'.* (statement, Vaimusha, Pinezhsky district, Arkhangel'sk region)

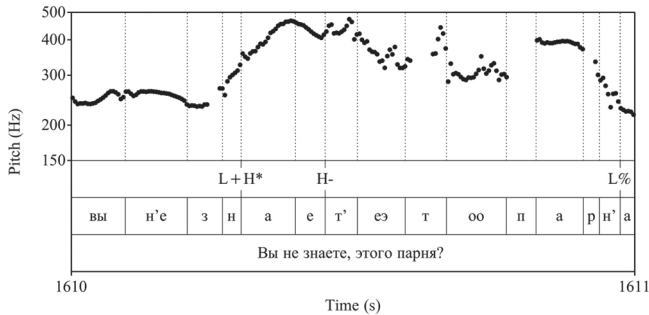

Рис. 2.14. Кривая ЧОТ общего вопроса *Вы не знаете этого парня?* (МАН1910-Мосеево, Мезенский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.14. Pitch contour of the intonational phrase *Vy ne znayete etogo parnya?* (yes-no question, Moseevo, Mezensky district, Arkhangel'sk region)

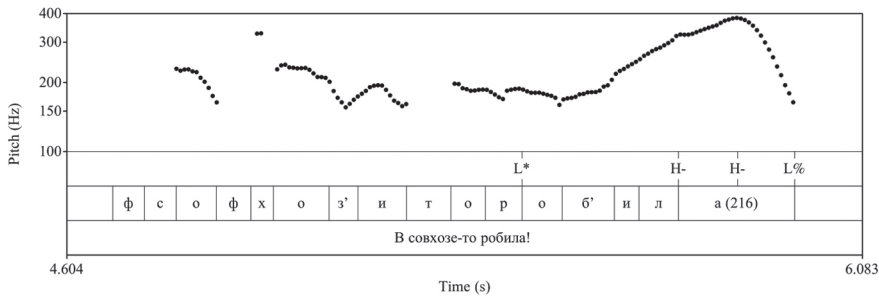

Рис. 2.15. Кривая ЧОТ ответной реплики *В совхозе-то робила!* (МНТ1915-Мосеево, Мезенский р-н, Архангельская обл.¹⁸)

Fig. 2.15. Pitch contour of the intonational phrase *V sovkhaze-to robili!* (statement, Moseevo, Mezensky district, Arkhangel'sk region)

¹⁸ Здесь и далее в скобках — длительность соответствующего гласного.

В **Веегоре** в вопросах повышение тона также завершается к середине ударного гласного, падение происходит на заударной части последнего слова фразы (см. рис. 2.16). В ответных репликах в середине ударного гласного тон только начинает повышаться, максимум приходится на заударный слог (см. рис. 2.17, 2.18).

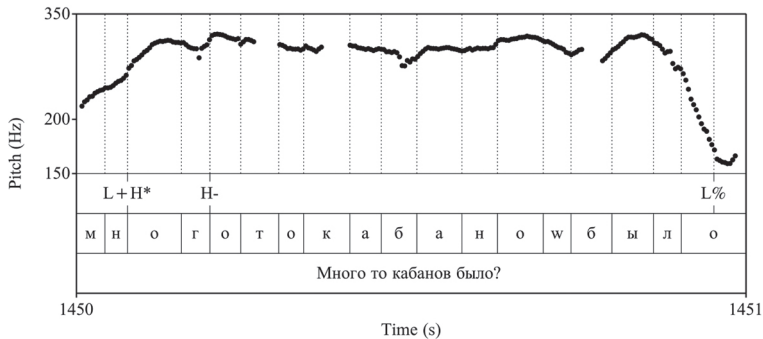

Рис. 2.16. Кривая ЧОТ общего вопроса *Много то кабанов было?* (НП1920-Веегора, Пинежский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.16. Pitch contour of the intonational phrase *Mnogo o kabanov bylo?* (yes-no question, Veegora, Pinezhsky district, Arkhangel'sk region)

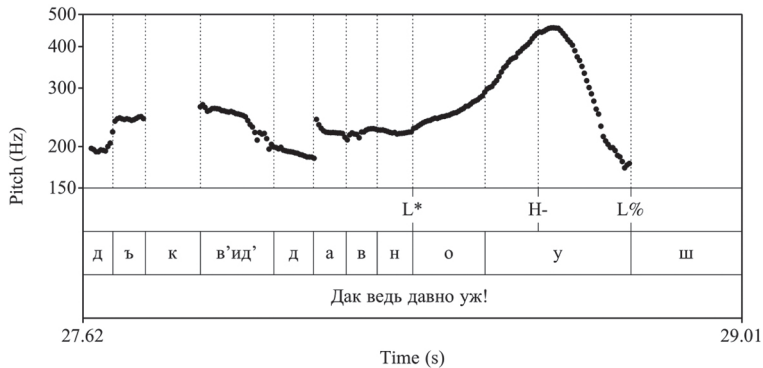

Рис. 2.17. Кривая ЧОТ ответной реплики *Да ведь давно уж!* (РАА1919-Веегора, Пинежский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.17. Pitch contour of the intonational phrase *Dak ved' davno uzhl!* (statement, Veegora, Pinezhsky district, Arkhangel'sk region)

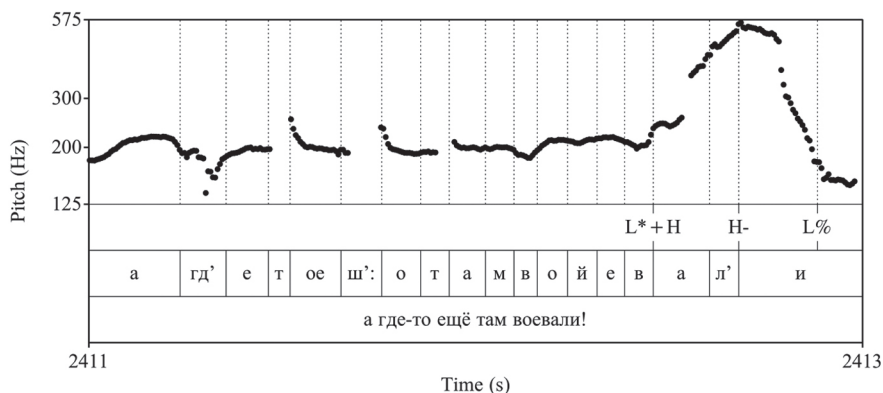

Рис. 2.18. Кривая ЧОТ части ответной реплики *а где-то ещё там воевали!* (РУК1913-Веегора, Пинежский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.18. Pitch contour of the intonational phrase *a gde-to yeshche tam voyevali!* (statement, Veegora, Pinezhsky district, Arkhangel'sk region)

В **Сельце** контур общего вопроса тот же (см. рис. 2.19), в ответах на ударном слоге тон преимущественно низкий, повышение приходится на заударный слог (см. рис. 2.20–2.22). Так же устроено это различие и в **Кебе** (см. рис. 2.23, 2.24).

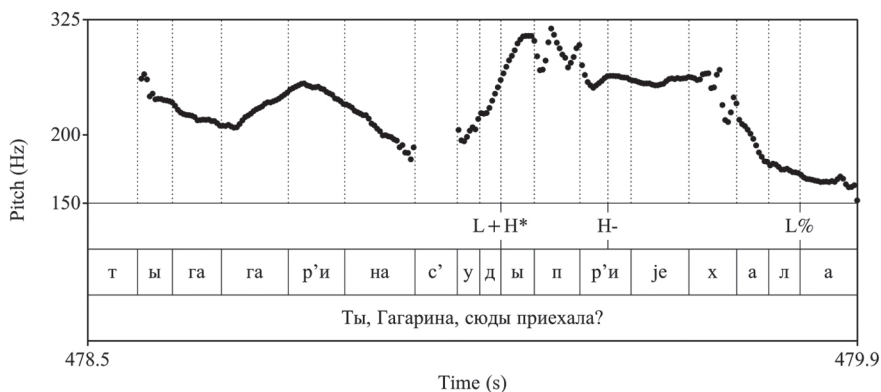

Рис. 2.19. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты, Гагарина, откуда приехала?* (ГОИ1912-Сельцо, Виноградовский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.19. Pitch contour of the intonational phrase *Ty, Gagarina, syudy priekhala?* (yes-no question, Sel'tso, Vinogradovsky district, Arkhangel'sk region)

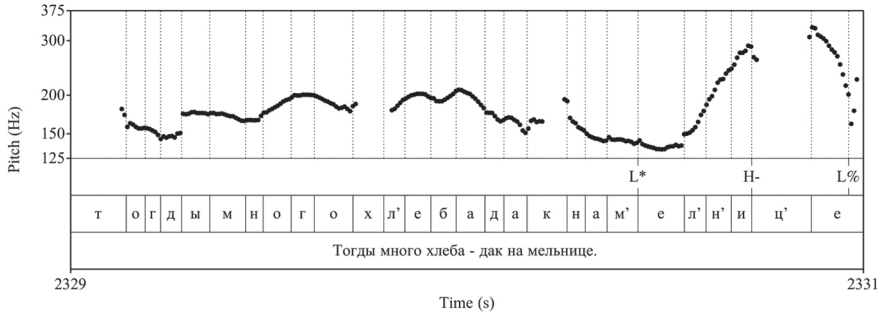

Рис. 2.20. Кривая ЧОТ ответной реплики *Тогда много хлеба – дак на мельнице.* (ЛВ1914-Сельцо, Виноградовский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.20. Pitch contour of the intonational phrase *Togdy mnogo khleba – dak na mel'nitse.* (statement, Sel'tso, Vinogradovsky district, Arkhangel'sk region)

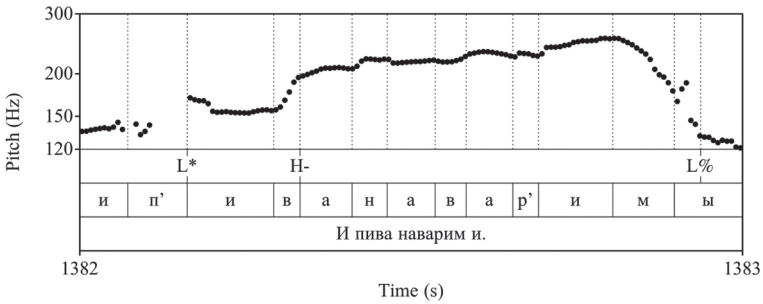

Рис. 2.21. Кривая ЧОТ ответной реплики *И пива наварим и.* (БМ1910-Сельцо, Виноградовский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.21. Pitch contour of the intonational phrase *I piva navarim i.* (statement, Sel'tso, Vinogradovsky district, Arkhangel'sk region)

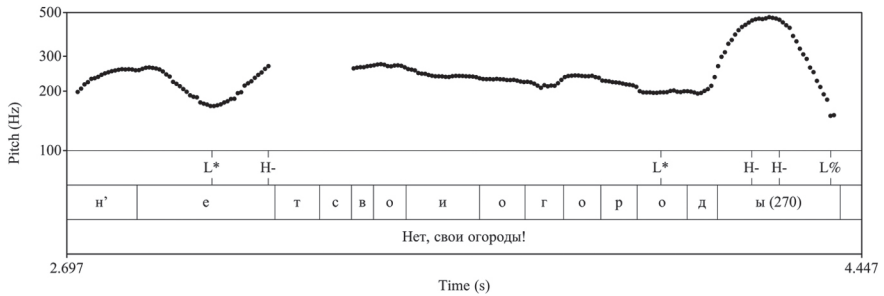

Рис. 2.22. Кривая ЧОТ ответной реплики *Нет, свои огороды!* (ММЛ1914-Сельцо, Виноградовский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.22. Pitch contour of the intonational phrase *Net, svoi ogorody!* (statement, Sel'tso, Vinogradovsky district, Arkhangel'sk region)

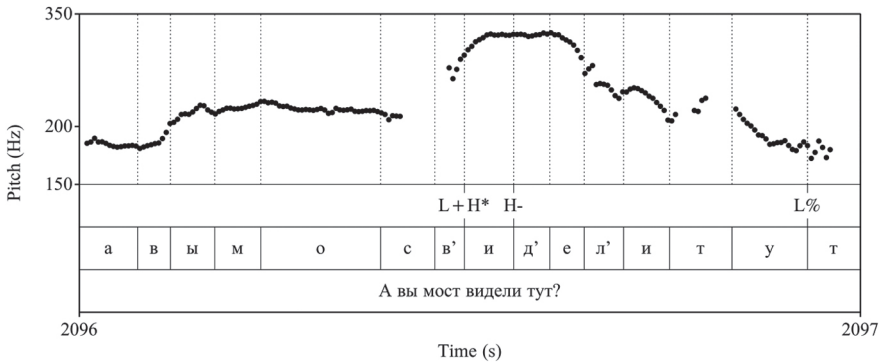

Рис. 2.23. Кривая ЧОТ общего вопроса *А вы мост видели тут?* (МНС1916-Кеба, Лешуконский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.23. Pitch contour of the intonational phrase *A vy most videli tut?* (yes-no question, Keba, Leshukonsky district, Arkhangel'sk region)

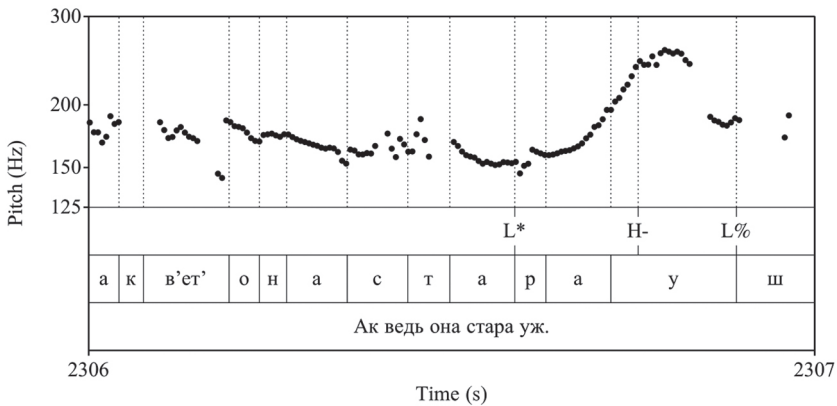

Рис. 2.24. Кривая ЧОТ ответной реплики *Ак ведь она стара уж.* (МНС1916-Кеба, Лешуконский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.24. Pitch contour of the intonational phrase *Ak ved' ona stara uz.* (statement, Keba, Leshukonsky district, Arkhangel'sk region)

Говоры деревень Парфеньево и Кондаково — самые южные из обследованных диалектов Архангельской области. Они, в отличие от описанных выше, относятся к Вологодской группе севернорусского наречия. И ситуация с интонационным оформлением высказываний в них тоже несколько иная.

В **Парфеньеве** основное различие между контурами вопросительных (см. рис. 2.25) и утвердительных (см. рис. 2.26, 2.27) реплик заключается не столько в тайминге тонального подъема, в обоих случаях приходящегося на ударный гласный выделенного слова, сколько в характере тона

Рис. 2.25. Кривая ЧОТ общего вопроса *Налью, у вас простыло, наверное?* (AM1921-Парфеньев, Вельский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.25. Pitch contour of the intonational phrase *Nal'yu, u vas prostylo, navernoje?* (yes-no question, Parfenyev, Vel'sky district, Arkhangel'sk region)

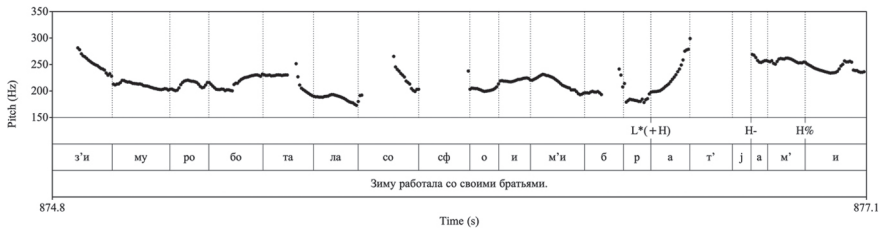

Рис. 2.26. Кривая ЧОТ ответной реплики *Зиму работала со своими братьями.* (AM1921-Парфеньев, Вельский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.26. Pitch contour of the intonational phrase *Zimu rabotala so svoimi brat'yami.* (statement, Parfenyev, Vel'sky district, Arkhangel'sk region)

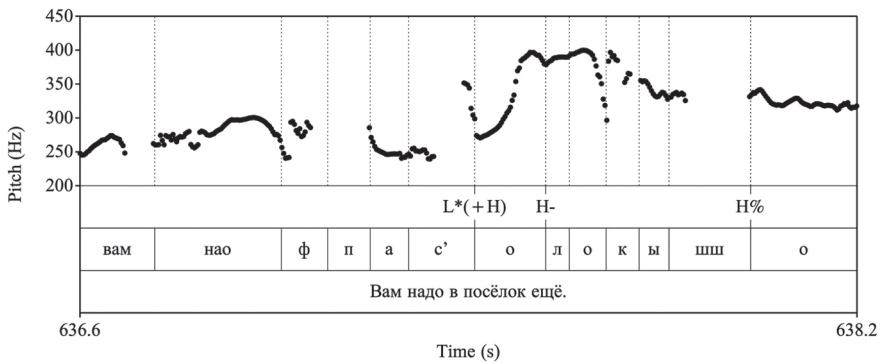

Рис. 2.27. Кривая ЧОТ ответной реплики *Вам надо в посёлок ещё.* (AM1921-Парфеньев, Вельский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.27. Pitch contour of the intonational phrase *Vam nado v poselok yeshche.* (statement, Parfenyev, Vel'sky district, Arkhangel'sk region)

на последнем слоге фразы (конечного пограничного): в вопросах он низкий (L%), в утверждениях — высокий (H%).

В говоре деревни **Кондаково** в общем вопросе представлен интонационный тип, который в наибольшей степени соответствует исходному представлению о «шляпном» контуре: в нем и восходящий тон (с очень ранним таймингом), и нисходящий ассоциированы с ударными гласными (см. рис. 2.28). В ответных репликах восходящий тон характеризуется относительно поздним таймингом, а падение начинается уже на первом заударном слоге, а не привязано к конечному слогу во фразе (см. рис. 2.29).

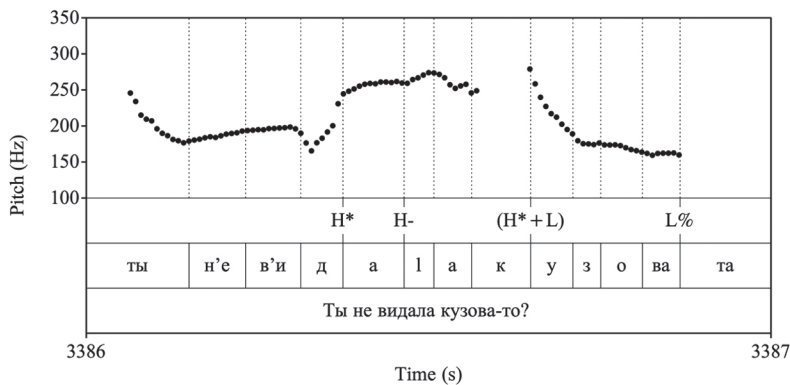

Рис. 2.28. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты не видала кузова-то?* (ТАИ1917-Кондаково, Вилегодский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.28. Pitch contour of the intonational phrase *Ty ne vidala kuzova-to?* (yes-no question, Kondakovo, Vilegodsky district, Arkhangel'sk region)

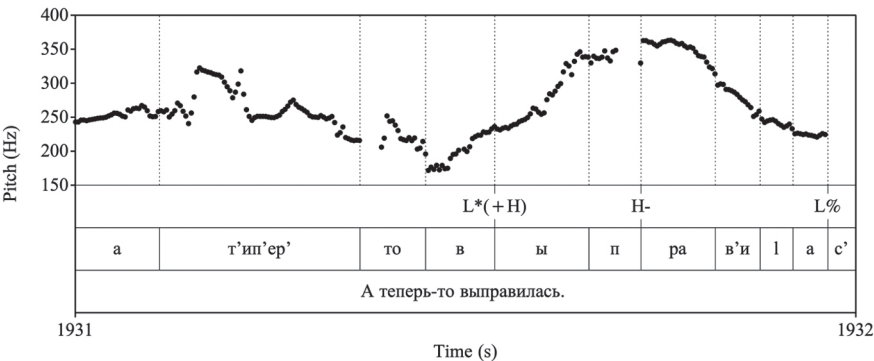

Рис. 2.29. Кривая ЧОТ ответной реплики *А теперь-то выправилась.* (БСА1919-Кондаково, Вилегодский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.29. Pitch contour of the intonational phrase *A teper'-to vypravilas'.* (statement, Kondakovo, Vilegodsky district, Arkhangel'sk region)

В еще более южных говорах — собственно вологодском д. **Семенова Гора** и белозерско-бежецком дд. **Ковжа** и **Артюшино** — в ответных диалогических репликах используется мелодический контур, совпадающий с литературной интонационной конструкцией (ИК-4), которая в СРЛЯ в ответных репликах имеет обычно значение очевидности ответа, «подчеркивая при этом противопоставление, категоричность утверждения, удивление, вызов» [Брызгунова 1980: 115]: на ударном слоге выделенного слова тон уже нисходящий, а повышение происходит на заударных слогах, последующее падение отсутствует (см. рис. 2.30–2.33).

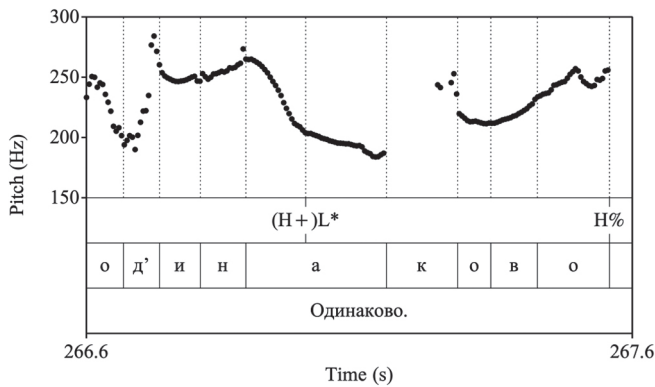

Рис. 2.30. Кривая ЧОТ ответной реплики *Одинаково.* (УПН1937-Семенова Гора, Нюксенский р-н, Вологодская обл.)

Fig. 2.30. Pitch contour of the intonational phrase *Odinakovo.* (statement, Semyonova Gora, Nyuksensky district, Vologda region)

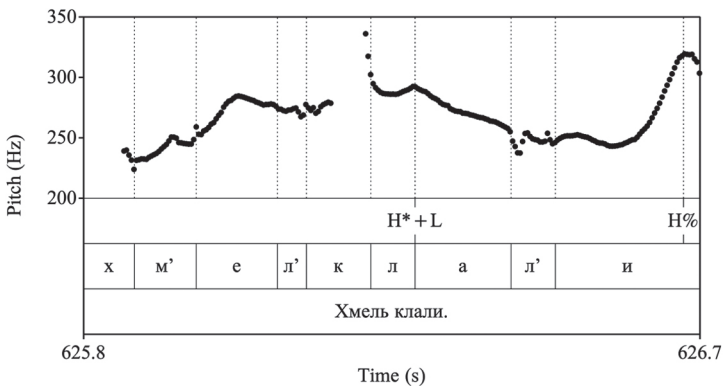

Рис. 2.31. Кривая ЧОТ ответной реплики *Хмель кляли.* (УПН1937-Семенова Гора, Нюксенский р-н, Вологодская обл.)

Fig. 2.31. Pitch contour of the intonational phrase *Khmel' klali.* (statement, Semyonova Gora, Nyuksensky district, Vologda region)

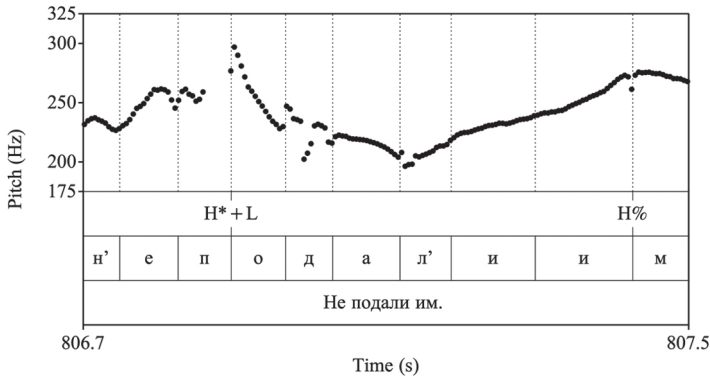

Рис. 2.32. Кривая ЧОТ ответной реплики *Не подали им.* (УПН1937-Семенова Гора, Нюксенский р-н, Вологодская обл.)

Fig. 2.32. Pitch contour of the intonational phrase *Ne podali im.* (statement, Semyonova Gora, Nyuksensky district, Vologda region)

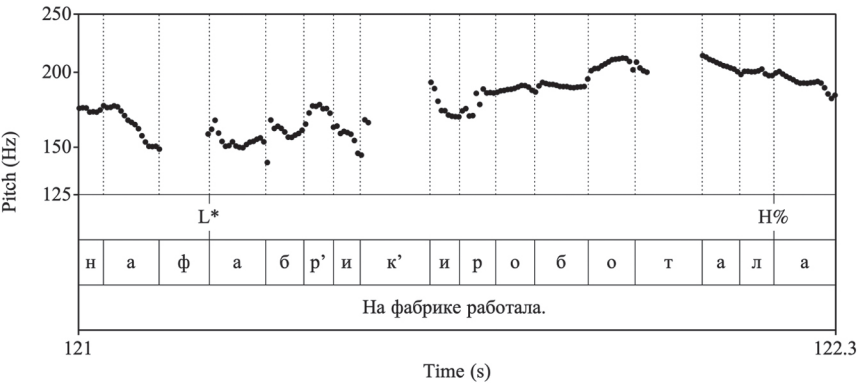

Рис. 2.33. Кривая ЧОТ ответной реплики *На фабрике работала.* (АИ-Артюшино, Белозерский р-н, Вологодская обл.)

Fig. 2.33. Pitch contour of the intonational phrase *Na fabrike rabotala.* (statement, Artyushino, Belozersky district, Vologda region)

В общих вопросах при этом представлен «шляпный» контур с поздним таймингом восходящего тона, который в архангельских говорах используется в ответных репликах (см. рис. 2.34, 2.35).

Наконец, в говоре села **Климовского** (на западной границе территории Вологодской группы говоров) и в вопросах, и в ответах представлен мелодический контур, промежуточный между типично северным (с ровным высоким тоном после повышения) и литературным вопросом ИК-3 (с немедленным падением после подъема, см. рис. 2.36): в нем после повышения тон понижается постепенно по направлению к концу фразы —

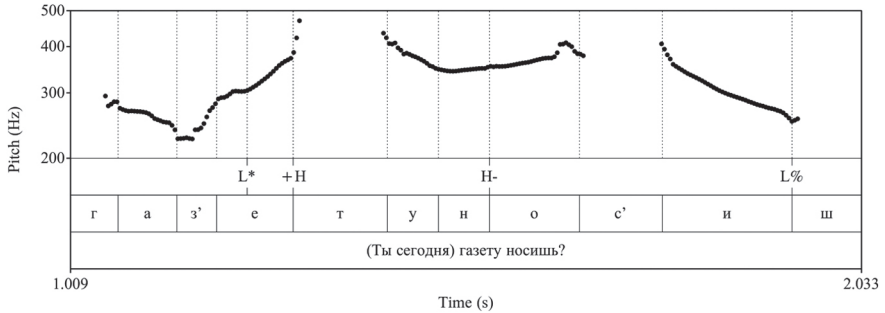

Рис. 2.34. Кривая ЧОТ общего вопроса (Ты сегодня) газету носишь? (АИ-Артюшино, Белозерский р-н, Вологодская обл.)

Fig. 2.34. Pitch contour of the intonational phrase (Ty segodnya) gazetu nosish? (yes-no question, Artyushino, Belozersky district, Vologda region)

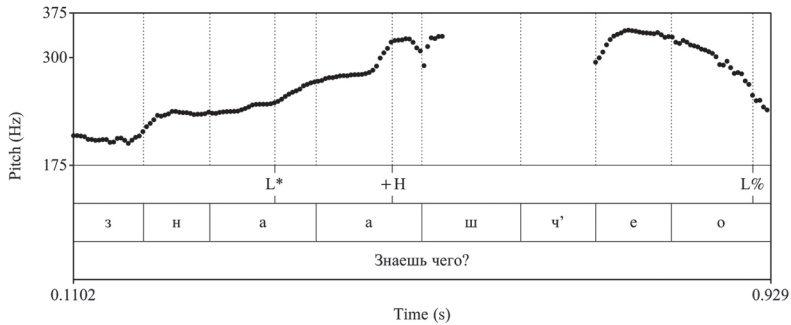

Рис. 2.35. Кривая ЧОТ общего вопроса Знаешь чего? (МЯК1931-Ковжа, Белозерский р-н, Вологодская обл.)

Fig. 2.35. Pitch contour of the intonational phrase Znaesh chego? (yes-no question, Kovzha, Belozersky district, Vologda region)

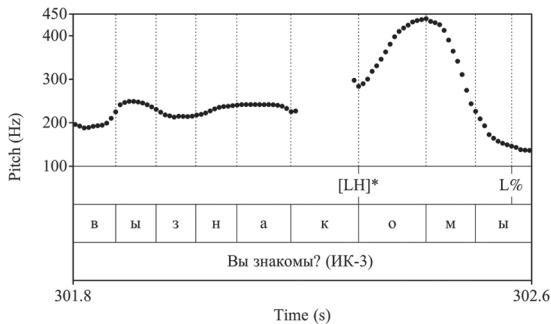

Рис. 2.36. Кривая ЧОТ фразы Вы знакомы? (общий вопрос, ИК-3, СРЛЯ); звуковой пример из [Брызгунова 1981], интонационная разметка наша

Fig. 2.36. Pitch contour of the intonational phrase Vy znakomy? (yes-no question, Standard Modern Russian) from [Bryzgunova 1981], with our intonational transcription

см. рис. 2.37, 2.38. По аналогии с уже имеющимися терминами этот тип можно было бы назвать *косой шляпой* [Князев 2023].

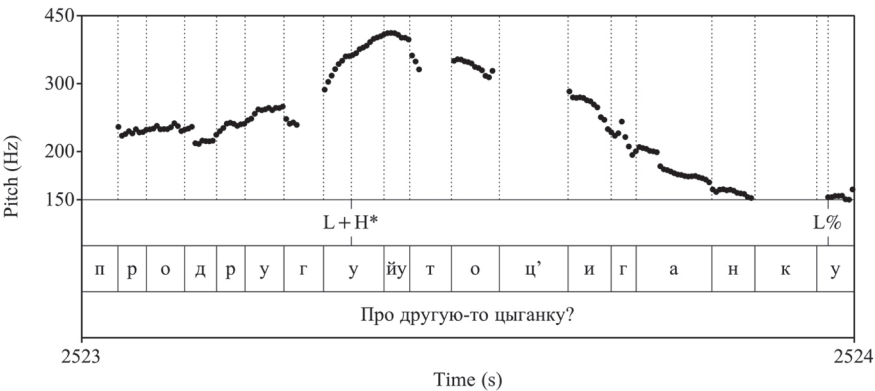

Рис. 2.37. Кривая ЧОТ общего вопроса *Про другую-то цыганку?* (Климовское, Коношский р-н, Архангельская обл.¹⁹)

Fig. 2.37. Pitch contour of the intonational phrase *Pro druguyu-to tsyganku?* (yes-no question, Klimovskoe, Konoshsky district, Arkhangel'sk region)

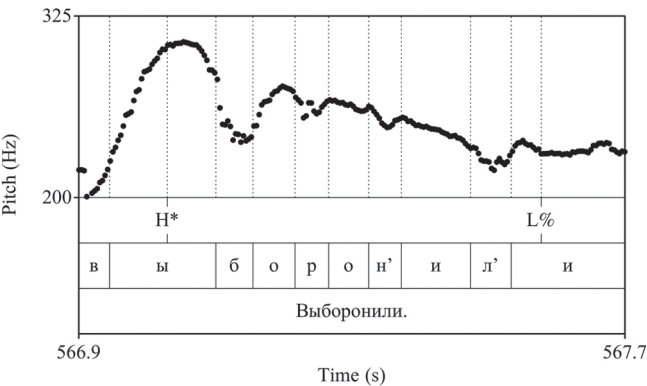

Рис. 2.38. Кривая ЧОТ ответной реплики *Выборонили.* (Климовское, Коношский р-н, Архангельская обл.)

Fig. 2.38. Pitch contour of the intonational phrase *Vyboronili.* (statement, Klimovskoe, Konoshsky district, Arkhangel'sk region)

3. Выводы

Итак, в самых северных русских диалектах «шляпный» контур полностью преобладает как в вопросительных, так и в утвердительных диалогических репликах. Однако при движении с севера на юг (точнее — от пе-

¹⁹ К сожалению, данные об информантах, записанных в этом говоре, отсутствуют.

риферии к центру) прослеживается постепенный переход в направлении от собственно диалектного оформления как ответов, так и (в меньшей степени) вопросов в диалогах к литературному.

При этом, хотя интонация вопроса в одном говоре может совпадать с интонацией ответа в другом, внутри диалектной системы и тем более в произношении одного и того же информанта просодия вопросительных и утвердительных реплик различается: несмотря на то что мелодический контур для их оформления в архангельских говорах используется один и тот же, различная его синхронизация со звуковой последовательностью (тайминг) позволяет вполне надежно отличать утверждения и вопросы.

Сам этот контур, получивший в литературе название «широкой шляпы» [Post 2008: 233], в действительности в большинстве случаев характеризуется мелодической структурой, которая была исходно описана как «кепка» ('cap'): падение тона в нем ассоциируется не с ударным слогом, а с концом фразы. Мы тем не менее считаем, что устоявшуюся уже терминологию не следует менять.

4. Вместо заключения

Мы рассмотрели разные виды «шляп» (острая, широкая, косая) в общих вопросах и ответах в русских диалектах. Столь же велико их разнообразие и в вопросах с вопросительным словом. Так, С. В. Кодзасов, считавший «шляпную» конструкцию типа ИК-5 (см. выше рис. 1.4) стандартным контуром специального вопроса в литературном русском языке [Кодзасов 2009: 21, 108, 180–181], отмечал, что ее реализация может быть различной — в зависимости от типа первого тонального акцента, который может быть не только восходящим, но и нисходящим: «Если спрашивающий не занимает доминирующей позиции, то используется восходящий тон: (22) — Скажите, когда/ прибывает поезд из Берли\на? Скользящие тоны соединены здесь ровным <...> то есть используется так называемая «шляпная» конструкция: /=\ . Если же говорящий выступает с позиции «хозяина» ситуации, то на вопросительном слове используется нисходящий тон: (23) — Ты опять уходишь. Когда\ ты верне\шься? Здесь после начального падения следует ровный тон, и второе падение происходит уже в низком регистре» [Кодзасов 2009: 108]. В диалектах эта конструкция может быть основным типом оформления частного вопроса, такова, например, ситуация в воронежских говорах (см. рис. 4.1); эта шляпа может быть названа «ступенчатой». В других диалектах, например, в говоре Любытинского р-на Новгородской обл.²⁰ в этой

²⁰ Запись И. А. Букринской, И. И. Исаева и О. Е. Кармаковой 2014 г.

функции используется контур с ровным высоким (а не восходящим или нисходящим) тоном на ударном гласном вопросительного слова — «обрезанная» шляпа, рис. 4.2. Это, впрочем, уже другая история.

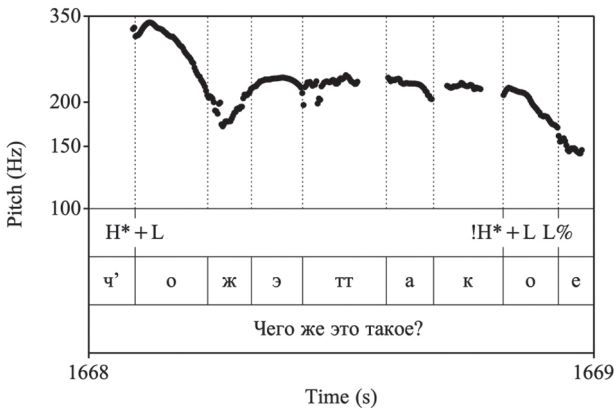

Рис. 4.1. Кривая ЧОТ фразы *Чего же это такое?* (специальный вопрос, МВК1923, с. Краснолипье, Репьёвский р-н, Воронежской обл.²¹)

Fig. 4.1. Pitch contour of the intonational phrase *Chego zhe eto takoye?* (wh-question, Krasnolip'ye, Re'yovsky district, Voronezh region)

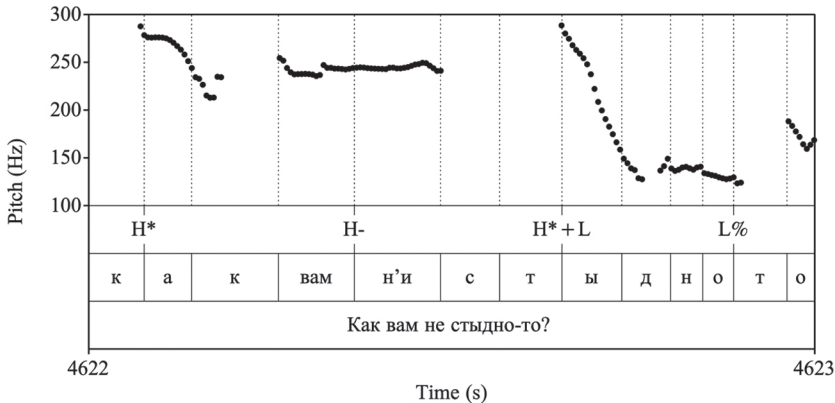

Рис. 4.2. Кривая ЧОТ фразы *Как вам не стыдно-то?* (специальный вопрос, ВАЛ1922-Любытино, Любытинский р-н, Новгородская обл.)

Fig. 4.2. Pitch contour of the intonational phrase *Kak vam ne stydno-to?* (wh-question, Lyubytino, Lyubytinsky district, Novgorod region)

²¹ Запись С. В. Дьяченко, И. И. Исаева (ИРЯ РАН), О. А. Слюсаревой и А. Д. Черенковой (Воронежский государственный педагогический университет) 2012 г.

Источники

Князев С. В. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/vaduga/> (дата обращения: 12.12.2023).

Князев С. В. Корпус говора села Кеба. 2022а. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/keba> (дата обращения: 01.04.2024).

Князев С. В. Корпус говора Средней Пёзы. 2022б. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/pyoza> (дата обращения: 03.01.2024).

Князев С. В. Корпус говоров среднего течения Северной Двины. 2023а. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/dvina> (дата обращения: 16.01.2024).

Князев С. В. Корпус говора деревни Веегора. 2023б. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/veegora> (дата обращения: 24.04.2024).

Князев С. В. Корпус говоров Средней Пинеги. 2023в. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/pinega> (дата обращения: 15.03.2024).

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Т. 1: Фонетика, фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. С. 103–118.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1981. 278 с.

Игараши Й. Так называемая «нейтрализация интонации» — фонологическое описание русской интонации // Бюллетень Японской ассоциации русистов. Т. 34. 2002. С. 15–21.

Князев С. В. Интонация юго-западного архангельского говора // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2023. № 4. С. 175–195.

Князев С. В. Фразовый завершитель в архангельских говорах: фонетическая реализация и фонологическая интерпретация // Русский язык в научном освещении. 2023. Т. 44. № 1. С. 32–65.

Князев С. В., Пронина М. К. Интонация *да* и *нет* в архаическом говоре с пословным тональным оформлением // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Вып. 20. М.: РГГУ, 2021. С. 251–263.

- Кодзасов С. В. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009. 492 с.
- Пост М. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.
- Cohen A. and J. 't Hart. On the Anatomy of Intonation // *Lingua*. 1967. № 19. P. 177–192.
- Collier René and 't Hart Johan. Perceptual Experiments on Dutch Intonation // *Proceedings of the seventh International Congress of Phonetic Sciences / Actes du Septième Congrès international des sciences phonétiques: Held at the University of Montreal and McGill University, 22–28 August 1971 / Tenu à l'Université de Montréal et à l'Université McGill, 22–28 août 1971*, edited by André Rigault and René Charbonneau, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1972. P. 880–884.
- Hart J. 'T, Collier R. and Cohen A. A Perceptual Study of Intonation: An Experimental Phonetic Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 212 p.
- Igarashi Y. How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment // *Programme & Book of Abstracts: Between and Stress and Tone. The Between Stress and Tone (BeST)*. June 18, 2005, The International Institute for Asian Studies, Leiden, Netherlands. Leiden, 2005. P. 32–33.
- Nooteboom S. G. The prosody of speech: melody and rhythm. Eds. W. J. Hardcastle and J. Laver. *The Handbook of Phonetic Sciences*. Basil Blackwell Limited, Oxford, 1997. P. 640–673.
- Odé C. Russian intonation: A perceptual description. Amsterdam: Rodopi, 1989. 304 p.
- Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Ph.D. diss. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005. 592 p.
- Post M. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008. P. 233–236.

References

- Bryzgounova E. A. [Intonation]. *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar. Vol. 1: Phonetics, phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 103–118. (In Russ.)
- Bryzgounova E. A. *Zvuki i intonatsiya russkoi rechi* [Sounds and intonation of Russian speech]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981. 278 p.
- Cohen A. and J. 't Hart. On the Anatomy of Intonation. *Lingua*, 1967, no. 19, pp. 177–192. (In Eng.)

- Collier René and 't Hart Johan. "Perceptual Experiments on Dutch Intonation". *Proceedings of the seventh International Congress of Phonetic Sciences / Actes du Septième Congrès international des sciences phonétiques: Held at the University of Montreal and McGill University, 22–28 August 1971 / Tenu à l' Université de Montréal et à l' Université McGill, 22–28 août 1971*, Berlin, Boston, De Gruyter Mouton Publ., 1972, pp. 880–884. (In Eng.)
- Hart J. 'T, Collier R., and Cohen A. *A Perceptual Study of Intonation: An Experimental Phonetic Approach*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1990. 212 p.
- Igarashi Y. [The so-called "neutralization of intonation" is a phonological description of Russian intonation]. *Byulleten' Yaponskoi assotsiatsii rusistov*, vol. 34, 2002, pp. 15–21. (In Russ.)
- Igarashi Y. How many falling intonation patterns in Russian?: categories of F0 alignment. *Programme & Book of Abstracts: Between and Stress and Tone. The Between Stress and Tone (BeST)*. June 18, 2005, The International Institute for Asian Studies, Leiden, Netherlands, pp. 32–33. (In Eng.)
- Knyazev S. V. [Phrase intonation of a South-West Arkhangel'sk dialect]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*, 2023, no. 4, pp. 175–195. (In Russ.)
- Knyazev S. V. [Phrase finalizer in Arkhangel'sk dialects: phonetic realisation and phonological interpretation]. *Russkii jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2023, no. 1, pp. 32–65. (In Russ.)
- Knyazev S. V., Pronina M. K. The intonation of *yes* and *no* in an archaic Russian dialect. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"*. Vol. 20. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., pp. 251–263. (In Russ.)
- Kodzasov S. V. *Issledovaniia v oblasti russkoi prosodii* [Research in the field of Russian prosody]. Moscow, Yazyki Slavianskikh Khul'tur, 2009. 492 p.
- Nooteboom S. G. The prosody of speech: melody and rhythm. *The Handbook of Phonetic Sciences*. Basil Blackwell Limited, Oxford, 1997, pp. 640–673. (In Eng.)
- Odé C. *Russian intonation: A perceptual description*. Amsterdam, Rodopi Publ., 1989. 304 p.
- Post M. [On the problem of describing the intonation of a common question in a Northern Russian dialect]. *Fonetika segodnia* [Phonetics Today]. Moscow, Institute of the Russian Language Russian Academy of Sciences Publ., 2007, pp. 156–157. (In Russ.)
- Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. *Ph.D. diss.* Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005. 592 p.
- Post M. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation. *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008, pp. 233–236. (In Eng.)

Приложение

Знаки интонационной разметки

- $L+H^*$ = восходяще-нисходящий тональный акцент: повышение и понижение тона происходит внутри ударного гласного просодически выделенного слова;
- L^*+H = восходящий тональный акцент с более поздним таймингом: повышение тона начинается обычно в середине ударного гласного просодически выделенного слова и заканчивается в его конце;
- $L^*(+H)$ = восходящий тональный акцент с еще более поздним таймингом: повышение тона начинается обычно в конце ударного гласного и продолжается на заударном слоге;
- $[LN]^*$ = восходящий тональный акцент с повышением тона на всем протяжении ударного гласного;
- H^*+L = нисходящий тональный акцент с нейтральным таймингом: понижение тона на всем протяжении ударного гласного, которое начинается обычно в самом его начале;
- $H+L^*$ = нисходящий тональный акцент с более ранним таймингом: понижение тона начинается обычно до начала ударного гласного и заканчивается до его конца;
- $!H^*+L$ = падение с более низкого уровня, чем в предыдущем тональном акценте;
- H^* = ровный высокий тон на большей части ударного гласного просодически выделенного слова;
- L^* = ровный низкий тон на большей части ударного гласного просодически выделенного слова;
- $L\%$ = низкий или нисходящий тон на последнем слоге фразы без просодического выделения (конечный пограничный тон);
- $H-$ = высокий ровный фразовый тон между двумя тональными акцентами или между тональным акцентом и конечным пограничным тоном.

Сочетание слов *душа* и *прилепиться* в свете языковой концептуализации представлений о душе в русской лингвокультуре

Татьяна Валерьевна Леонтьева, Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), t.v.leontieva@urfu.ru

DOI: 10.31857/S0131611725030024

АННОТАЦИЯ: Статья вносит вклад в изучение наивно-языкового образа души через анализ сочетаемости слов. Одной из его составляющих в русской лингвокультуре является представление о ее способности к единению с другими душами. Этот аспект контекстной образной семантики изучаемого слова слабо освещен в научной литературе. В статье проанализировано 54 примера функционирования сочетания существительного *душа* с глаголом *прилепиться*. Материал извлечен из Национального корпуса русского языка. Образ из вещного мира (склеивание мокрого, вязкого) маркирует высокую степень плотности примыкания объектов друг к другу, в переносном же смысле — крепкую привязанность. В текстах встречаются два варианта сочетаний: *прилепиться душой* и *душа прилепилась* (к кому, к чему). Семантика выбора человеком человека воплощается в описаниях дружеской и любовной привязанности, духовной близости между наставником и младшим товарищем, верности прислуги хозяевам, преодоления сословных различий. С душой как главной мерой сверяет человек и другие объекты, не только окружающих людей. В числе прочих объектов, выбор которых зависит от души, кроме человека, находятся вера,

географическое место, дело, идея, занятие, которое может стать пред-метом соблазна, увлечь душу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: душа, лексическая семантика, лексика дружбы, лексика любви, синтагматика, русский язык

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Леонтьева Т. В. Сочетание слов *душа* и *прилепиться* в свете языковой концептуализации представлений о душе в русской лингвокультуре // Русская речь. 2025. № 3. С. 37–47. DOI: 10.31857/S0131611725030024.

Issues of Modern Russian Language

Combination of Words *Dusha* ('Soul') and *Prilepit'sya* ('Adhere'): Conceptualization of Soul Representations in Russian Linguistic Worldview

Tatyana V. Leontyeva, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia), t.v.leontieva@urfu.ru

ABSTRACT: This article contributes to the study of the naïve linguistic image of the soul through an analysis of word combinability. One of its components in Russian Linguistic Worldview is the notion of the soul's inclination towards unity with other souls. This aspect of contextual figurative semantics concerning the word in question has been inadequately addressed in the scholarly literature. The study analyzes 54 instances of the the word *dusha* ('soul') combined with the verb *prilepit'sya* ('adhere'). The article uses Russian National Corpus as a source of material. The image derived from the physical world (the adhesion of wet, sticky substances) denotes a high degree of closeness between objects, while in a figurative sense, it signifies strong attachment. Two variants of combinations are found in the texts: *dushoy prilepit'sya* ('adhere with the soul') and *dusha prilepilas'* ('the soul

adhered') (to someone, to something). The semantics choosing another person is embodied in descriptions of friendship and romantic attachment, spiritual closeness between a mentor and a junior companion, loyalty of servants to their masters, and the overcoming of class distinctions. The soul serves as the primary measure against which individuals evaluate themselves and other objects, not limited to surrounding people. Among other objects, besides human beings, whose selection is influenced by the soul are faith, geographical location, endeavor, idea, and activity that may become an object of temptation and captivate the soul.

KEYWORDS: soul, lexical semantics, vocabulary of friendship, vocabulary of love, syntagmatics, Russian language

FOR CITATION: Leontyeva T. V. Combination of Words *Dusha* ('Soul') and *Prilepit'sya* ('Adhere'): Conceptualization of Soul Representations in Russian Linguistic Worldview. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 3. Pp. 37–47. DOI: 10.31857/S0131611725030024.

1. Введение

Слову *душа*, его этимологии, семантике, сочетаемости, иноязычным аналогам, лингвокультурному содержанию посвящен ряд научных публикаций [Вежбицкая 1999; Вежбицкая 2002; Дементьев 2013: 44; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 135–140; Макаровска 2018; Радбиль, Ахметжанова, Жумагулова, Сералиева, Сералиева 2020; Руссо 2013; Урысон 1999; Anglin 2014 и др.].

В данной статье мы уделим внимание сочетаниям слов *душа* и *прилепиться*, имеющим наиболее длительную традицию употребления в русском языке (ср. переводы Ветхого Завета, тексты с начала XIX века до сегодняшнего дня). Материал исследования извлечен из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], в котором обнаруживается 54 подобных контекста.

Через этот образ описываются, например, отношения дружбы и любви, обретение веры и даже выбор своего дела. Реализуемый через это сочетание мотив сближения душ, воплощенных в телесных оболочках, весьма устойчив в прозаических текстах XIX–XX веков.

Использование слова *прилепиться* в составе рассматриваемой конструкции представляется примечательным. Следует предположить, что в его корневой морфеме скрыто такое значение, которое наиболее точно выражает «качество» единения.

В словаре глагол *прилепляться* имеет два значения: прямое — ‘пристать, прилипнуть’ и переносное разговорное — ‘привязаться, пристраститься, почувствовать привязанность к кому-, чему-либо’ [Евгеньева (ред.) 1987: 419], а слово *прилипнуть* (использованное в словарном толковании при репрезентации первого — прямого — значения), в свою очередь, имеет дефиницию ‘крепко пристать, плотно присоединиться (о чем-л. липком, клейком, вязком, мокром или к чему-л. липкому, клейкому, вязкому, мокрому’ [Там же: 420]) и способно развивать переносное значение ‘заинтересовавшись, увлекшись и т. п., неотступно следовать за кем-, чем-л.’ [Там же: 420]. Образ из вещного мира — склеивание мокрого, вязкого — маркирует высокую степень плотности примыкания объектов друг к другу, в переносном же смысле — крепкую привязанность.

Дружеская привязанность. В первой книге Царств с помощью анализируемого сочетания слов охарактеризованы отношения между двумя персонажами, давшими друг другу клятву дружбы: *Когда кончил Давид разговор с Саулом, душа Ионафана прилепилась к душе его, и полюбил его Ионафан, как свою душу* (1Цар. 18:1) [Михельсон 1912: 172].

В текстах XIX века сочетание *прилепиться душой* соседствует в пределах предложения со словами *друг, дружба*, описывая, в частности, духовную близость между наставником и младшим товарищем: *Он любил... и ему изменили; прилепился душою к другу — друг оказался эгоистом!* (Ф. В. Булгарин. Воспоминания, 1846–1849)¹; *Познав Грибоедова, я прилепился к нему душою, был совершенно счастлив его дружбою...* (Ф. В. Булгарин. Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове, 1830); *Алеша полюбил пустынножитие и всю душою прилепился к старцу Зосиме и пребывал с ним до самой его смерти* (М. А. Антонович. Мистико-аскетический роман, 1881).

Интересно, что не последнее место в таких примерах занимает семантика рода занятий. Примеры словоупотреблений указывают на то, что ощущение родства душ с кем-либо возникает у человека (обычно мужчины), испытывающего почтение, уважение к тому делу, которым занят другой человек, состоявшийся в какой-либо сфере деятельности (см. примеры выше: старец Зосима, дипломат и писатель А. Грибоедов). Посредством предикации *прилепиться душой* описываются отношения между людьми, проникшимися общим делом, имеющими сходные интересы.

Привязанность подчиненных хозяевам (почтение). Тем же языковым оборотом обозначается и привязанность, возникающая у людей, которые находятся в услужении у кого-либо, в частности привязанность

¹ Здесь и далее, если не указано иное, примеры приводятся из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

крепостных к их хозяевам: *После Фелицата обратилась в Фелицату Никаноровну, прилепилась всюю душой к барской семье и навек осталась девицей* (А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги, 1889).

Привязанность к социальной среде (понимание и принятие). «Социальное лицо» души очерчивается еще яснее, если контекст описывает такое положение дел, когда почву для «сближения душ» составляет благосклонность, основанная на понимании, хорошей осведомленности об образе жизни и быте людей того или иного социального класса: *Три года я жил с ними и работал для них, и прилепился душою к нищим и убогим* (Вс. М. Гаршин. Сказание о гордом Аггее, 1886). Метафора сближения душ манифестирует в этом случае изменение отношения к людям более низкого социального статуса через преодоление классовых стереотипов.

Любовная привязанность. Сочетание слов *душа* и *прилепиться* способно описывать любовное чувство, ср. в Ветхом Завете: *И прилепилась душа его к Дине, дочери Иакова, и он полюбил девицу и говорил по сердцу девицы* (Быт. 34:3).

В контекстах с любовной тематикой оборот *прилепиться душой* фиксируется вплоть до настоящего времени: *Выслушай ее наивные рассказы и тревоги, приласкай ее, когда ей нужна ласка, погорюй с ней, когда у нее является горе — и она всею душой прилепится к тебе* (А. К. Шеллер-Михайлов. Лес рубят — щепки летят, 1871); *Моя душа старого таракана прилепилась к ее душе, и я с трудом переносил увеличение физической пустоты, которая возникала между нами во время ее странствий по комнатам* (А. Геласимов. Рахиль // Октябрь, 2003).

Обратимся к грамматическим характеристикам анализируемых конструкций.

Все контексты с глаголом *прилепиться* делятся на две группы (в соответствии с двумя синтаксическими моделями):

- (1) [*душа* + *прилепилась* + *к кому/чему*]: Кажется, эта первобытная, наивная *душа* успела уже *прилепиться к* своему *покровителю* (А. И. Куприн. Яма, 1909–1915); ...Человек, которого она бесконечно уважала <...> был привязан к её дому, насколько только *может прилепиться к чему-то* человеческая *душа* и без остатка себя отдать (А. Варламов. Купавна // Новый мир, 2000);
- (2) [*человек* + *прилепился* + *душой* + *к кому/чему*]: Знаешь ли, что его письмо, которое я отдал Днепровской, до того ее растрогало, что она поклялась забыть тебя и *прилепиться* всей *душой к* этому добродушному и благородному *человеку*? (М. Н. Загоскин. Искуситель, 1838); И в числе этих был именно Троицкий, *к которому* полтора года назад *я прилепился душой*, с которым всем делился, которому отдал

своей кушак даже (Н. П. Гиляров-Платонов. Из пережитого, 1886); ...к **Виктору Юрьевичу немедленно душой прилепиться** (А. М. Соболев. Любовь на Арбате, 1922); *Мудрено ли, что я после первых же встреч всей душой прилепился к Маршаку, и в ленинградские белые ночи <...> мы стали часто бродить по пустынному городу, не замечая пути, и зачитывали друг друга стихами* (К. И. Чуковский. Высокое искусство, 1968).

Конструкции второй группы характеризуются большей частотностью. Душа, таким образом, мыслится как средство, инструмент, предназначенный для «со-единения», сближения человека с другими людьми.

Семантика выбора человеком человека. Заметим, что в ряде примеров субъект и объект действия *прилепиться* отчетливо манифестируются языком как сущности одного порядка: *душа* стремится к *душе*. Но иногда языковые фиксации упускают из виду «иерархическую упорядоченность» объектов в том смысле, что можно наблюдать контекстные связи типа «*душа* прилепилась к *человеку*». Эта лакуна — отсутствие элемента, который мы легко реконструируем («душа ищет *душу* человека»), — имеет метонимическую основу: поиск души душой как раз и означает поиск человека человеком, поэтому слова *душа* и *человек* выступают взаимными заместителями. В результате сформировалось четыре варианта соотношения актантов, связь между которыми вербализуется глаголом *прилепиться*:

- (1) «*душа* → *душа*» (см. выше: ...*душа* Ионафана *прилепилась к душе* его [Давида] (1Цар. 18:1));
- (2) «*человек* → *душа*» (*Пьяненький был, бахвалился, чего трезвый никогда себе не позволял, <...> нежным, податливым становился, **норовил к родственной душе прилепиться**, чтобы послушали его, похвалили, обогрели ответной нежностью и любовью* (В. Астафьев. Затеси // Новый мир, 2000);
- (3) «*душа* → *человек*» (*Кажется, эта первобытная, наивная **душа успела уже прилепиться к своему покровителю*** (А. И. Куприн. Яма, 1909–1915));
- (4) «*человек* → *человек*» (*С такой же силой потянуло **его** теперь прилепиться душой к **Короленко*** (К. И. Чуковский. Короленко в кругу друзей, 1940–1969)).

Таким образом, душа является мерой выбора в поиске человеком человека — критерием, образцом, камертоном, эталоном. Метафора поиска семантически производна от трактовки души как эталона меры, «инструмента измерения», ср.: *по душе, не по душе, не к душе*. На это уже указывалось в ряде работ, ср.: «В традиционной картине мира, в той мере,

в какой ее отражает лексика и фразеология русского языка и диалектов, душа осмысливается как некий орган², содержащий в себе инструмент нравственной оценки» [Кабакова 2018: 57]. Примеривание другого человека к себе путем запроса к своей душе — это действие, предваряющее и предсказывающее возможность сближения с другим человеком в общении.

С душой как главной мерою сверяет человек и некоторые объекты, например веру, географическое место, дело, идею, занятие, которое может стать предметом соблазна, увлечь душу.

Когда выражение *прилепиться душой* используется в составе высказываний о выборе веры, «объектами присоединения души» выступают Бог, Христос, Богоматерь, Церковь, вера, религия: *Прежняя бурная жизнь противопоставляла ей вдосталь, так что она <...> всю душой прилепились к вере хлыстовской* (В. В. Крестовский. Петербургские трущобы, 1864); *Протопоп Аввакум был верным ее другом и наставником. Другие ревнители старой веры поддерживали и подкрепляли ее <...> И она прилепилась сильною, но темною душою к этому миру поклонов* (В. М. Гаршин. Заметки о художественных выставках, 1887); *Шрамъ <...> сложилъ съ себя «полковничій урядъ», принялъ постриженіе въ священники, и прильпился всею душою къ церкви* (П. А. Кулиш. Черная рада, 1846–1857); *Я начал потихонечку петь на клиросе, освоил нотную грамоту. Так и прилепился душой к Церкви* (М. В. Жилкина. Наше дело — молиться // Журнал Московской патриархии, 2004); *И про одежку свою, вероятно, забыл, прилепившись к Господу всей душою...* (Митрополит Вениамин (Федченков). Два сорокоуста, 1927–1948); *Послушала православную проповедь и прилепилась душою ко Христу, сделалась усердною молитвенницею* (Архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневники святого Николая Японского, 1911).

Другой объект устремления души — географическое место: *Его глазами увидевши Коктебель, его Коктебель, я душой прилепился к этому месту* (А. Белый. Дом-музей М. А. Волошина, 1934); *Швейцарские деревни из окна поезда смотрелись совсем иначе <...> Впервые прилепилась к этой стране душа...* (М. С. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей // Новое литературное обозрение, 2002); *И душа моя прилепилась*

² О душе как умопостигаемом «невидимом органе» пишет Е. В. Урысон: «В перечень органов “наивной анатомии” наряду с обычными органами могут входить сущности двух типов: нематериальные, невидимые органы (душа) и обычные, материальные органы, которым приписываются особые функции, имеющие отношение к психике человека (ср. сердце)» [Урысон 2003: 27]. Душа концептуализируется в виде ряда различных образов, при этом контекстно может актуализироваться любой один из них в зависимости от потребностей говорящего, поэтому противоречие между разными способами концептуализации понятия не возникает: «Значение всех таких существительных (*душа, память, совесть, ум, воображение, слух*. — Т. Л.) строится по следующей общей схеме ‘способность человека... или невидимый орган, с помощью которого...’. В некоторых контекстах реализуется лишь одна часть толкования» [Апресян (ред.) 2003: 302].

к этому месту, когда здесь не было никаких даже намеков на возрождение церковной жизни, — рассказал Патриарх в конце проповеди (Г. Сапожникова // Комсомольская правда, 2013).

Еще один значимый для человека выбор — его профессиональное предназначение, работа: *И прилепилась душой к неврологии* (Н. П. Бехтерева. Магия мозга и лабиринты жизни, 1994); *Если хочешь мнѣ угодить, прильпись тѣломъ и душою къ одному какому-либо изданію, запасись задоромъ и занимайся отвѣтами, замѣтками, антирецензіями и антикритиками* (А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике, 1850).

Наиболее сложной и интересной семантической категорией, выступающей объектом «прилепления души», является идеальная сущность, которая актуализируется в силу того, что человек — мыслящее существо, он оценивает и выбирает принципы, жизненные установки, интересы. Открытую грамматическую позицию при глаголе (*прилепиться душой к чему?*) занимают в этом случае *мысль, ценность, истина, интересы, достижение*: *Ничего не осталось светлого, хорошего, ценного, к чему душе бы крепко прилепиться, а жизни жаль, и страшно умирать...* (Ф. Д. Крюков. Неопалимая купина // Русское Богатство, 1913); *Здесь роятся обрывочные смыслы, и горе тому кто прилепится к ним душой, его там растерзают и погубят* (В. В. Биbihин. Из записей на тему самопознания, 1970–1992); *Он ожил, стал бегать по моим поручениям и, так как главное мое занятие в то время был Некрасов, — прилепился душою к некрасовским темам* (К. И. Чуковский. Дневник, 1947); *Человек в жизни может преодолевать самые невероятные препятствия и трудности, но пережить власть и славу, чтобы не увязнуть в них, «не прилепиться» к ним душой, оказывается, самое трудное из всех жизненных испытаний* (Панков В. Гордый — значит грешный? // Труд-7, 2004.12.22); *Вот куда брошена немощная душа, не прилепившаяся еще к крепкой истине. Ее несет и кружит, бросает туда и сюда, смотря по тому, куда дует вихрь слов и мнений* [Блаженный Августин 2013: 54].

Такой набор объектов весьма показателен: выделенные по сопряженности с «выбором души», по критерию ее участия в оценке готовности человека к «встрече» с этими реалиями, они составляют набор параметров, совокупность характеристик человека как индивидуальности, личности, наделенной душой, чтобы прожить жизнь, выбирая для себя путь, принимая решения в соответствии с «качеством» своей души.

Итак, наблюдения над русскоязычным материалом выявили декларируемую языком способность души в своей земной жизни временно сблизиться с другой такой сущностью (или такими же). Душа осмысливается как инструмент выбора, предопределяющий сближение или отдаление

людей. Она представляется и как точный «измерительный прибор», эталон меры, позволяющий человеку делать любой иной выбор — профессии, занятия, веры, места жительства и т. д. Сочетания с семантикой сближения — *прилепиться душою к вере / к месту / к истине / к неврологии* и т. д. — вербализуют идею выбора на основании «меры души», ср. идиомы *по душе* и *не по душе*.

Источники

Михельсон М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. СПб.: Типография акционерного общества «Брокгауз–Ефрон», 1912. 1046 с.

Литература

- Азадовский К. М. Переводима ли «русская тоска»? // Шаги-Steps. 2020. № 6 (3). С. 170–183.
- Апресян Ю. Д. (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 488 с.
- Блаженный Августин. Исповедь. СПб.: Наука, 2013. 376 с.
- Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. Под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки славянской культуры, 1999. 780 с.
- Вежицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.
- Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 338 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1987. Т. 3. 752 с.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2005. 554 с.
- Кабакова Г. И. Душа как орган оценки и оценка души // Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy — dusza w aksjosferze. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2018. С. 57–72.
- Макаровска О. Ценность человеческой души в зеркале (де)мотивационных постеров // Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy — dusza w aksjosferze. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2018. С. 325–344.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.08.2021).
- Радбиль Т. Б., Ахметжанова Г. А., Жумагулова Ж. Ж., Сералиева А. Е., Сералиева Г. Е. ДУША и ТЕЛО в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры: материалы

- к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий // Научный диалог. 2020. № 3. С. 127–150.
- Руссо М. М. Исчезающие и возникающие органы // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков (Электронное научное издание). М.: Институт языкознания РАН, 2013. Т. 5. С. 173–199.
- Урысон Е. В. Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 11–25.
- Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
- Anglin S. M. I think, therefore I am? Examining conceptions of the self, soul, and mind // *Consciousness and Cognition*. 2014. Vol. 29. P. 105–116.

References

- Anglin S. M. [I think, therefore I am? Examining conceptions of the self, soul, and mind]. *Consciousness and Cognition*, 2014, vol. 29, pp. 105–116. (In Eng.)
- Apresyan Yu. D. (ed.). *Novyi obyasnitelnyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2003. 488 p.
- Azadovsky K. M. [Is “Russian melancholy” translatable?]. *Shagi-Steps*, 2020, no. 6 (3), pp. 170–183. (In Russ.)
- Blessed Augustine. *Ispoved'* [Confession]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013. 376 p.
- Dement'ev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative values of Russian culture: the category of personality in vocabulary and pragmatics]. Moscow, Global Com Publ., 2013. 338 p.
- Evgenyeva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. T. 3* [Dictionary of the Russian language. Vol. 3]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999. 752 p.
- Kabakova G. I. [The soul as an organ of assessment and assessment of the soul]. *Anthropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy – dusza w aksjosferze*. Warszawa, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk Publ., 2018, pp. 57–72. (In Russ.)
- Makarovska O. [The value of the human soul in the mirror of (de)motivational posters]. *Anthropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie miedzykulturowej, tom trzeci: aksjosfera duszy – dusza w aksjosferze*, Warszawa, Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk Publ., 2018, pp. 325–344. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorp.ru/> (accessed 12.08.2021).
- Radbil T. B., Akhmetzhanova G. A., Zhmagulova Z. Zh., Seralieva A. E., Seralieva G. E. [DUSHA (“SOUL”) and TELO (“BODY”) in the Aspect of Contrastive Analysis of Cultural Concepts:

Т. В. Леонтьева. Сочетание слов *душа* и *прилепиться* в свете языковой концептуализации представлений о душе...
T. V. Leontyeva. Combination of Words *Dusha* ('Soul') and *Prilepit'sya* ('Adhere'): Conceptualization of Soul Representations...

- Materials for the Linguo-Cultorological Phraseological Dictionary of Russian-Kazakh Correlations]. *Nauchnyi dialog*, 2020, no. 3, pp. 127–150. (In Russ.)
- Russo M. M. [Disappearing and Emerging Organs]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov (Elektronnoe nauchnoe izdanie)* [Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages (Electronic Scientific Publication)], Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013, vol. 5, pp. 173–199. (In Russ.)
- Uryson E. V. [Spirit and Soul: Towards the Reconstruction of Archaic Concepts of Man]. *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke*. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 11–25. (In Russ.)
- Uryson E. V. *Problemy issledovaniya yazykovoi kartiny mira: Analogiya v semantike* [Problems of Studying the Linguistic Picture of the World: Analogy in Semantics]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2003. 224 p.
- Vezhbetskaya A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 1999. 780 p.
- Vezhbetskaya A. [Russian cultural scripts and their reflection in the language]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, no. 2 (4), pp. 6–34. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevyye idei russkoi yazykovoi kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2005. 554 p.

Структура и семантика русских сложных слов с цветовым компонентом

Людмила Львовна Федорова, Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва), lfvoux@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725030033

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются структурно-семантические модели сложных слов русского языка с компонентом, обозначающим цвет. Русские сложные слова анализируются как в типологическом плане, учитывающем характер связи между компонентами сложного слова, так и в словообразовательном отношении.

Сложные слова, обозначающие цвет, могут включать две (или более) цветовые основы либо одну с модификатором, уточняющим признак цвета: его светоносность, насыщенность, другие особенности; модификатор может содержать образ сравнения. Композиты с двумя цветовыми основами могут быть координативными или атрибутивными. Отдельный класс представляют экспрессивные модели редупликации.

В результате исследования были выделены 13 моделей композитов с цветовым компонентом (прилагательных, наречий, существительных). Часть из них специфичны только для «цветовых» композитов, часть входят в более широкие по семантике модели. Опрос по определению цветового образца показал высокую продуктивность модели с формантом интенсивности, а также формирование нового цветового эталона.

Проведенный анализ помогает оценить возможности русской системы цветообозначений, включающей типологически разнообразные модели. Главной особенностью большинства моделей является их

высокая продуктивность, основанная на свободном сочетании компонентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русские сложные слова, типология словосложения, лингвистическая цветология, модели цветообозначений

для цитирования: Федорова Л. Л. Структура и семантика русских сложных слов с цветовым компонентом // Русская речь. 2025. № 3. С. 48–62. DOI: 10.31857/S0131611725030033.

Issues of Modern Russian Language

The Structure and Semantics of Russian Compounds with a Color Component

Liudmila L. Fedorova, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow),
lfvoux@yandex.ru

ABSTRACT: The paper aims to investigate structural and semantic schemas of Russian compounds with a color-denoting component.

Russian compounds are analyzed both in typological terms, taking into account the nature of the connection between the components of a compound word, and in word-formation terms.

Compounds can include two (or more) color bases, or one with a modifier specifying the color attribute: its luminosity, saturation, and other features; the modifier may contain an image of comparison. Compounds with two color bases can be coordinative or attributive.

As a result of the study, 13 schemas of compounds with a color component (adjectives, adverbs, nouns) were identified. Some of them are specific only for “color” compounds, some are included in broader semantic types. The survey to determine the color sample showed high productivity of the schema with the intensity modifier, as well as the formation of a new color standard.

The analysis helps to assess the possibilities of the Russian color designation system, which includes typologically diverse schemas. The main feature of most of them is their high productivity based on a free combination of components.

KEYWORDS: Russian compounds, typology of compounding, linguistic colorology, color designation schemas

FOR CITATION: Fedorova L. L. The Structure and Semantics of Russian Compounds with a Color Component. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 3. Pp. 48–62. DOI: 10.31857/S0131611725030033.

Постановка задачи

Данная работа посвящена одному из семантических классов сложных слов, объединяющему композиты с цветовым компонентом. Тем самым она относится к типологии словосложения, но при этом в аспекте лингвистической цветологии. Нас будут интересовать словообразовательные возможности русского языка для выражения цветовых значений, что могло бы в дальнейшем представлять интерес для этнолингвистических и типологических сопоставлений.

В плане цветологии структурные классификации цветообозначений предлагаются, в частности, в работах [Гак 1984; Косых 2002; Арнаутова 2014], в них обычно различаются номинации простые, сложные и аналитические (составные с существительным «цвет»). Попытка классификации сложных цветообозначений предпринята в работе [Соснина 2015], где автор проводит разделение на универбализационные композиты (свернутые сравнения: *пепельно-серый* < *серый*, как *пепел*) и квазикомпозиты (обозначения комбинированного цвета или цвета с интенсификатором). Вопросы семантики сложных цветообозначений рассматривает В. В. Краснянский в монографии «Сложные цветообозначения русской речи» [Краснянский 2000]. Однако структурные возможности русских сложных цветообозначений все же остаются недостаточно изученными.

Структурно-семантические модели

Приоритетной частью речи, выражающей признаковое значение цвета, является прилагательное, хотя цветовые значения могут выражать и существительные, наречия, глаголы; но сложные глаголы для русского языка не характерны, цветовые компоненты в них имеют переносные

значения, сами глаголы производны и окказиональны (напр., отмеченные у Даля *чернокнижить* и *чернокнижничать*, *краснобаить* и *краснобаитьствовать* с нецветовым значением основы, неологизм В. Маяковского *черносотенствовать*, окказионализмы *белогвардействовать*, *беломорничать*, *белошвейничать*).

В структурном отношении все цветовые композиты могут быть разделены на состоящие из двух (или более) цветовых основ и на включающие только одну такую основу, дополненную формантом-модификатором, передающим различные дополнительные характеристики (для русского языка это левый формант). В соответствии с наиболее принятым типологическим разделением по типу связи между компонентами композитов [Scalise, Bisetto 2009] цветовые композиты могут представлять два типа структур: координативные и атрибутивные. Однако возможен и третий тип сложных цветообозначений, основанный на редупликации и обычно не включаемый в типологические классификации сложных слов.

В нашем анализе мы выделим три основных класса моделей: I — модели прилагательных и наречий, включающие две цветовые основы, II — модели прилагательных с одной цветовой основой, III — модели существительных, включающие цветовую основу. В их числе отметим 13 моделей.

I. Структурные модели прилагательных и наречий, включающие две (или более) цветовые основы

По своей семантике это модели: 1. интенсификации цвета; 2. сочетания цветов в объекте; 3. переходного цвета.

1. Экспрессивная интенсификация цвета: модели редупликации

Выделяется несколько моделей редупликации цветовой основы.

1) Удвоение прилагательного, отличающееся от синтаксического повтора, ср.: *Небо синее-синее!* и *Синее, синее небо* (различаются графически и интонационно).

2) Повтор прилагательного с префиксом *пре-*: *черный-пречерный дом*, *белый-пребелый бант*.

3) Идиоматичная редупликация кратких прилагательных и наречий: *черным-черно*, *белым-бело*.

Основное значение, выражаемое моделями редупликации, это интенсивность признака, к которой добавляется эмоционально-экспрессивный компонент в зависимости от контекста — удивление, восхищение, страх и др. Если при синтаксическом повторе степень интенсивности как бы складывается, то при редупликации умножается, передавая тотальную

полноту признака [Федорова 2005]. Такие образования свойственны разговорной речи, обычно детской, эмоционально насыщенной, а также встречаются в неформальных текстах (в дневниках, переписке) и литературе для детей.

По мнению В. Г. Кульпиной, «только основные термины цвета способны образовывать редуцированные формы с усилительно-экспрессивной семантикой (напр., *синий-синий*, *желтый-прежелтый*, *зеленым-зелено*» [Кульпина 2019: 130]. Возможно, это связано с представлением о чистоте цвета, выражаемой признаком интенсивности, и с критериями выделения основных цветов. В то же время в корпусном исследовании В. Ю. Аперсян [Аперсян 2018], также ориентированном на основные (basic) цвета, исключаются как неспособные к редупликации *фиолетовый*, *оранжевый*, *розовый* (базовые, по Берлину и Кею), не находятся примеры на *коричневый-коричневый*, но отмечены *голубой-голубой* и *рыжий-рыжий*. В этой связи переосмысливается само понятие основных цветов, требующее учета культурно значимых и собственно семантических параметров (в частности, способности к градуированию интенсивности). При этом критерий частотности исключает рассмотрение окказионализмов.

Мы склонны считать, что нет абсолютного запрета на использование конкретных цветowych прилагательных в данной конструкции, хотя оно затруднено для производных, сохраняющих относительное значение, типа *малиновый*, *оливковый*, *кирпичный*. Оно также затруднено для многосложных названий, которые трудно вписать в резко взлетающий интонационный контур, отражающий эмоциональный всплеск. Но в окказиональном употреблении в живой речи вполне возможны и нестандартные редупликации. Прагматический аспект тоже значим: появление «моды» на какой-то цвет может активизировать его экспрессивное выражение; так можно объяснить примеры *розовый-розовый*, *сиреневый-сиреневый*, представленные в корпусе.

По наблюдению О. Ю. Крюковой, редуцированные слова «идиоматичны относительно своего состава», т. е., например, «*красный-красный*» соотносимо лишь с одним, собственно «цветовым» значением слова *красный* [Крюкова 2004: 65].

В то же время не только цветowe значения могут быть представлены в таких моделях. Редупликация, повтор — это один из самых простых и архаичных способов выразить интенсивность признака: *длинный-длинный*, *добрый-предобрый*, *полным-полно*.

В отличие от моделей редупликации прилагательных, модель наречий (*белым-бело*) не продуктивна и имеет идиоматичный характер в связи с особенностями структурной и ритмической организации. В целом роль ритмических ограничений при редупликации нельзя недооценивать.

2. Сочетание цветов в объекте: координативная модель

4) Модель двух (и более цветов) в объекте

Объединение в сложном прилагательном двух (или более) основ, называющих разные цвета, характеризует объект, сочетающий фрагменты разных, обычно контрастных, цветов, так что границы между ними четко различимы: *красно-синий мяч, черно-белое кино, бело-красно-синий флаг*.

Данная модель предполагает координативную связь между компонентами (соответствующую союзу «и»), т. е. в принципе компоненты равноправны, хотя их порядок может иногда указывать на больший объем последнего (основного) цвета; но обычно выбирается ритмически уравновешенное сочетание (так, естественней звучит *бело-голубой*, чем *голубо-белый*).

3. Модели переходного цвета: атрибутивные модели передачи оттенка

5) Модель оттеночной модификации

Внешне аналогичная 4-й модели с двумя цветовыми основами, но семантически отличающаяся, обозначает один смешанный, переходный цвет: *желто-зеленый лимон, красно-оранжевая луна*. Если оба цвета относятся к спектрально близким, то первый компонент выступает как модификатор и воспринимается как дополнительный оттенок, поэтому она может быть отнесена к атрибутивным (определяющим).

Но обычно дополнительный оттенок уточняется собственно оттеночными цветами: *бежево-белый, бордово-красный, лазурно-синий*.

Интересно, что в польском языке модели 4 и 5 различаются орфографически: координативная (двухцветная) передается дефисным написанием, а атрибутивная (с оттенком цвета) — слитным, что представляется логичным: *żółto-zielona cytryna* ‘желто-зеленый лимон’ — часть лимона желтая, часть зеленая; а *żółtozielona koszula* ‘желто-зеленая рубашка’ — ‘зеленая с оттенком желтого’.

Эта модель показывает недостаточную определенность цвета, его неоднозначность в глазах оценивающего. Пределом такой неопределенности является шутивное обозначение *серо-буро-малиновый* или даже *серо-буро-малиновый в крапинку*, которое может значить как ‘неопределенного цвета’, так и ‘неважно какого цвета’ или даже ‘неопределенной пестроты’ (такую возможность предоставляет контраст между серо-бурым и малиновым).

6) Модель ослабленного оттенка

Другая атрибутивная модель двухцветовых композитов может использоваться в качестве модификатора основы прилагательного с суффиксом *-оват-*, передающим слабую степень признака: *розовато-лиловый, коричневатого-желтый*. Так снимается омонимия двухцветного объекта и одного смешанного цвета.

7) Модель переходного оттенка

Еще одна атрибутивная модель, ныне устаревшая, использовалась ранее для обозначения оттенка цветового перехода; она сохранилась в прилагательном *иссиня-черный*. Исторически ее можно рассматривать как сращение синтаксической конструкции типа «из синя черный», где первая форма — краткое прилагательное в родительном падеже с предлогом — равноценна наречию (ср. с наречиями аналогичного происхождения: *издалва, издадека* [Иванов 1990: 364–367]); она встречается и с глаголом:

...листва, готовясь ко сну, начала *цъпеньтъ*; въ вѣтвяхъ и ниже ихъ стали *изъ-синя темнѣть* сумерки; степь погасла. [С. Р. Минцловъ. Изъ «Сновъ Земли». Отрывокъ (11.1924) // Вѣстникъ Главнаго Правленія Общества Галлиполійцевъ, 1924]

Однако чаще это уточнение прилагательного. Неравноправие компонентов здесь отчетливо видно:

Выставил в окно *из-синя багровое* лицо с налитыми кровью глазами. [Л. Н. Сейфуллина. Виринея (1924)]

Возможно, эти сложные прилагательные и ранее были достаточно редки или являются авторскими окказионализмами; так, мы находим и другие примеры: у Тургенева — *избура-красное, иссера-беловатое лицо, иссера-черные, изжелта-карие глаза, изжелта-серый песок* (подробнее см. [Федорова 2022]), у Шолохова — *изжелта-красный сазан, изжелта-коричневый утенок*.

Краснянский выделяет переходное значение с частичным наложением цветов в объекте и у некоторых употреблений типа *зелено-голубые глаза, бело-голубое небо* [Краснянский 2000: 17–24].

II. Модели прилагательных с одним цветовым компонентом

Другой большой класс цветовых композитов-прилагательных составляют такие, где собственно цветовым является лишь один из компонентов. Среди них выделяются качественные собственно цветовые (8–9) и относительные (10–11).

8) Модель с формантом, уточняющим характер цвета

К атрибутивным относится модель, в которой первый компонент уточняет цвет по одному из дополнительных признаков.

В типологических описаниях цвета кроме главного компонента — тона — обычно выделяют в качестве зависимых интенсивность, насыщенность (степень несмешанности с белым: *темно-, густо-, светло-*) и яркость (количество отраженного света: *ярко-, бледно-* [Апресян 1995: 9]). Для

русского языка Р. М. Фрумкина отмечает светлоту и яркость [Фрумкина 1984]; основными являются, по-видимому, парные противопоставления: *светлый* — *темный*, *яркий* — *бледный/тусклый*. Различие этих признаков не всегда четко осознаваемо; так, трудно определить различие между *светло-зеленым* и *бледно-зеленым*, между *густо-синим* и *темно-синим*.

В современных толковых словарях не вполне четко разграничиваются эти пары значений: в отношении к цвету *светлый* толкуется как «Менее яркий по цвету по сравнению с другими, бледный, не темный. *Светлые волосы. Светлые краски. Светлое платье*»; *бледный* — «Слабо окрашенный. *Бледное небо*» [Шведова 2007]; *темный* — «По цвету близкий к чёрному, очень густой по окраске (противоп.: светлый). ... *Темная синева неба. Темная зелень куста*»; *густой* — «Чрезвычайно обильный, интенсивный. *Густой цвет* (насыщенный, яркий, сочный)» [Кузнецов (ред.) 2000].

Кажется, светлые тона все же могут быть яркими и не бледными, а темные — необязательно густыми. Можно представить *светлый* оттенок цвета как смешанный с белым, а *темный* оттенок — как смешанный с черным; *густой* — как концентрированный цвет, не смешанный с другим; *яркий* — как концентрированный и наделенный блеском; *бледный* как неконцентрированный и неяркий. Следует оговориться, что в данном случае мы говорим о языковой картине мира носителя языка, а не о специфических терминах живописи, где приняты более четкие критерии разделения признаков цвета. В обычной речи, так же как и в поэтической, употребление этих определителей может быть весьма своеобразным. Так, у А. К. Толстого:

*Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?*

— дается очень интересное цветовое сочетание: голубой цвет обычно осознается как светлый по отношению к синему. Да и типичные колокольчики мы сейчас вряд ли назвали бы голубыми, скорее сиреневыми. Но стихотворение написано в 1840-е гг., а тогда прилагательное *сиреневый* в цветовом значении еще не употреблялось. Отсюда, возможно, и возникло такое определение цвета: не светло-синего и не темно-синего, ближе к густо-голубому, но особенного оттенка, для которого еще не было выбрано отдельного имени.

Интересно то, что светлый оттенок цвета не универсально связан со светом, светоносностью; так, в армянском языке цветовые прилагательные со значением 'светлый' в первом компоненте переводятся со словом

bats, имеющим значения ‘открытый, растворенный, жидкий’ (ср. «открытый магазин», «жидкий чай»), т. е. в оппозиции к понятию ‘густой’ (по признаку насыщенности); а производные от *lujs* ‘свет’ связываются не с цветом, а, скорее, с сиянием.

Кроме отмеченных признаков интенсивности цвета в этой модели могут быть уточнения и с другими определителями зрительного восприятия: *прозрачно-розовый, мутно-белый, матово-зеленый, глянцево-черный, грязно-желтый, чисто-белый, блекло-голубой, ослепительно-белый, переливчато-зеленый* и др. Возможны и метафорические переносы на другие каналы восприятия: тактильный (*мягко-, нежно-, вязко-, холодно-, бархатисто-*), вкусовой (*ядовито-, сочно-*), слуховой (*приглушенно-, ср. кричаще красный*), а также этические и ментальные оценки: *прелестно-голубые глаза* (В. Катаев), *невинно-белые церкви* (С. Н. Сергеев-Ценский).

Эта модель весьма продуктивна и в то же время характерна именно для цветообозначений: на основе атрибутивной связи можно образовать различные цветковые прилагательные, уточняя характер цвета.

9) Модель с формантом, уточняющим цвет по эталону

Еще одна атрибутивная модель композитов основана на сравнении. Этот способ передачи оттенка цвета соотносит его с эталоном, данным в первом компоненте: *лимонно-желтый, небесно-голубой, пепельно-серый, жемчужно-белый, изумрудно-зеленый*. В отличие от предыдущей, первый формант, хотя и представляет собой основу прилагательного, сохраняет предметную референцию, является относительным в своем первом значении. Такая модель может быть развернута в сравнительную конструкцию «Adj как N»: *желтый как лимон, белый как снег* и проч. Хотя некоторые эталонные прилагательные уже имеют переносные цветковые значения (напр., *жемчужные зубки, изумрудная листва*), однако для них типично прямое относительное значение (ср. *жемчужное ожерелье, изумрудный перстень*); для обозначения цвета они нередко сочетаются с классификатором *цвет* («брусничного цвета с искрой» фрак Чичикова). Эта модель, как и предыдущая, специфична для цветковых композитов.

Один и тот же цвет может иметь разные оттеночные эталоны, уточняющие качество (например, *лимонно-желтый, соломенно-желтый, песочно-желтый, янтарно-желтый; молочно-белый, снежно-белый, лилейно-белый*).

Модель создает большой простор для авторских образований со свободными ассоциациями. Так, у В. Катаева находим в описании растений: *тигрово-абрикосовый цвет, буддийски-красный цвет, шафранно-красные соцветия*, а также *янтарно-охряные доски* («Трава забвенья»). Особенно много примеров можно найти в «Словаре отражений» В. В. Краснянского: *алмазно-белый, бумажно-белый, землисто-желтоватый, кирпично-розовый, медно-коричневый* и др. [Краснянский 2000: 151–226].

Интерес представляет пара *снежно-белый* и *белоснежный*. Если *снежно-белый* построено в соответствии с рассматриваемой моделью, то *белоснежный* образовано не от *снежный* с уточнением цвета, а непосредственно от сочетания «*белый снег*» сложением и присоединением относительного суффикса *-н-*. В фокусе — качество, относящееся к белому снегу, в данном случае именно цвет. Эта конструкция принадлежит уже к следующей модели.

10) Модель относительных прилагательных, включающих цветовой компонент

Такие прилагательные отмечают цветовую характеристику материала или цветной объект в составе референта: *беломраморный дворец* (дворец из белого мрамора), *белокаменный город* (из белого камня), *белоствольная береза* (с белым стволом), *черноплодная рябина* (с черными плодами).

Это модель ограниченного употребления, она ориентируется на определенные устойчивые образы. В то же время она не ограничивается только цветовыми характеристиками (ср. *грубошерстный*, *тонколистный*). В отличие от предыдущего класса (модели 8–9), в котором прилагательные достаточно легко конструируются в речи, слова этой модели являются лексикализованными словарными единицами. Но и в ней возможны окказионализмы и метафорические употребления:

Синезвездная ночь чуть стала бледнеть на востоке (В. В. Каменский. Степан Разин. 1928).

Относительные прилагательные этой модели могут использовать в качестве производящей основы двусоставные номинации — имена собственные, включающие цветовой компонент в символическом или образном значении: *Красная Армия* > *красноармейский*, *Белая гвардия* > *белогвардейский*, *Черное море* > *черноморский*.

Эти прилагательные образованы сложно-суффиксальным способом.

11) Экзоцентрическая модель «неотчуждаемой принадлежности»

Это особая модель композитов, которую составляют относительные прилагательные, выделяющие у референта объект, обычно часть тела, характеризующийся по внешнему признаку: *чернобровый*, *кареглазый*, *сизокрылый*, *белокрышый городок* (Шолохов). Как и предыдущая, она производна от сочетания прилагательного и существительного: *кареглазый* — ‘имеющий карие глаза, с карими глазами’. Это классическая модель выражения принадлежности — *bahuvrihi*, в современной типологии сложных слов — экзоцентрическая, т. е. референт сложного слова (обладатель) не обозначен никаким компонентом в самом этом слове; для него постулируется формальный нулевой суффикс в отличие от обычного относительного суффикса *-н-* (ср. *остронос-Ø-ый* — внешний признак и *остроум-н-ый*

с суффиксом *-н-* — оценочный признак, не воспринимаемый непосредственно) [Федорова 2015].

Языковая специфика этой модели проявляется в сопоставлении, например, с английской: так, *green-eyed* ('зеленоглазый') имеет материальный суффикс *-ed*, который соотносит композит с референтом (обладателем); тем самым композит считается эндоцентрическим в отличие от русского *зеленоглазый* с нулевым суффиксом. Впрочем, существует точка зрения, по которой русские прилагательные этого типа могут рассматриваться как сложно-флексийные [Немченко 1984: 137], поскольку именно флексия указывает на отнесенность целого к определяемому референту.

III. Существительные с цветовым компонентом

12) Атрибутивная модель существительных

Цветовые компоненты возможны и в составе сложных существительных: *чернослив*, *чернозем*, *желтобрюх*, *Черномор*, *Зеленоград*. Они образуются на основе атрибутивной связи между компонентами, но приобретают сдвиг значения, характерный для экзоцентрических композитов: *чернослив* — не «черная слива», а сорт слив, *чернозем* — не просто «черная земля», а вид почвы (в отличие от *краснозема*, *серозема*). Морфологически словосложение может сопровождаться усечением основы или конверсией — переходом в мужской род (можно и здесь представить нулевой суффикс как словообразовательный формант). Эти слова, как и в предыдущем случае, входят в более широкую модель, использующую не только цветовые признаки (ср. *косогор*, *острослов*, *толстосум*), однако их число ограничено.

13) Сложно-суффиксальная модель существительных

Сюда относятся образования с разными суффиксами: *белорыбица*, *краснопёрка*, *краснодеревщик*, *белошвейка*, а также топонимы: *Зеленогорск*, *Белозерск*, *Краснокаменск* и ряд фамилий: *Белобородов*, *Белохвостиков*, *Белощапов*, *Синезубов*, *Красноперов* и под. (преимущественно от прилагательных неотчуждаемой принадлежности; иногда они восходят к прозвищам владельцев голубей по названию их пород [Унбегаун 1995]). Так же, как и две предыдущих, она возможна и с нецветовым первым компонентом (ср. *чужестранец*, *Дивногорск*).

Оценка продуктивности

Итак, мы рассмотрели основные структурные модели сложных слов с цветовым компонентом. Внешне они сводятся к двум орфографиче-

ским типам: дефисные (сложносоставные) и слитные (собственно сложные), однако по своей словообразовательной структуре и по семантике передают разные смыслы.

Некоторые модели характерны только для цветовых значений (сложноцветные, оттеночные модели, характеристики по эталону), так что их структурное описание представляет интерес и для цветологии, и для типологии словосложения.

Общей особенностью большинства цветовых моделей сложных прилагательных является их высокая продуктивность, обусловленная опорой на свободные конструкции, легко порождаемые в речи; обычно они не фиксируются в словарях.

Для оценки продуктивности обратимся к результатам пилотного эксперимента по описанию образца цвета респондентами в соцсетях¹. Респондентам (100) был предложен образец в зоне розового цвета с заданием описать цвет наиболее точно, используя по возможности сложные цветообозначения. В итоге были получены различные номинации, среди которых одноосновные (подразумевающие существительное «цвет») — *фуксия* (26%), *барбикор* (1%) — и двухосновные (73%). Среди всех наиболее часто (56%) использовалась модель 8 — с формантом, уточняющим характер цвета (обычно к *-розовый*): *ярко-* (34%), *темно-*, *светло-*, *неоново-*, *кислотно-*, *глубоко-*, *насыщенно-*, *вырвиглазно-* (!). Второй по распространенности была модель 5 передачи оттенка (9%) с цветовыми формантами: *фиолетово-розовый*, *пурпурно-малиновый*, *розово-алый*, *сиренево-розовый*. Третьей по частоте была модель 9 — с модификатором-эталонном (8%): *барби-розовый* и *малиново-розовый*. Можно предположить формирование нового цветового эталона (Барби, в 6 ответах), возможно, конкурента для «*фуксия*».

Проведенный эксперимент показывает, что поиск цветовой номинации опирается не столько на готовую клишированную лексическую единицу, сколько на выбор одной из нескольких продуктивных моделей и заполнение ее разными, в том числе окказиональными, формами, что и раскрывает возможности самой модели.

Таким образом, цветовые композиты представляют собой открытые классы лексем, свободно формирующихся на основе разных моделей с высокой продуктивностью.

¹ Эксперимент проводился в две серии: весной 2024 г. в рамках дипломной работы студентки РГГУ Д. С. Власовой под руководством автора и зимой 2025 г. автором.

Литература

- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Языки славянской культуры, 1995. 481 с.
- Арнаутова Н. В. Колоризм: понятие и основы типологии // Концепт. 2014. № 30. С. 1–9.
- Гак В. Г. Беседы о французском слове: Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М.: Ленанд, 2020. 336 с.
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
- Косых Е. А. Система цветообозначений в русском языке (к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета») // Вестн. Барнаульского государственного педагогического университета. Сер. Психолого-педагогические науки. 2002. № 2. С. 18–28.
- Краснянский В. В. Сложные цветообозначения в русской речи. Орехово-Зуево: О-ЗГПИ, 2000. 234 с.
- Крючкова О. Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 63–85.
- Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь современного русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkoviy-slovar> (дата обращения 15.06.2024).
- Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология. От истории к современности цветовых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019. 386 с.
- Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1984. 256 с.
- Соснина Л. В. Структурные разновидности композитных цветообозначений // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2015. № 2. С. 56–64.
- Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс; Универс, 1995. 448 с.
- Федорова Л. Л. Эмоции в грамматике // Эмоции в языке и речи. М.: РГГУ, 2005. С. 178–199.
- Федорова Л. Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 8. С. 61–74.
- Федорова Л. Л. Живописная палитра прозы Тургенева и Достоевского // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. № 1. С. 183–193.
- Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
- Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.
- Apresjan V. Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. № 3. С. 653–674.
- Scalise S., Bisetto A. The classification of compounds. Chapter 3 // The Oxford Handbook of Compounding / ed. by R. Lieber, P. Steckauer. Oxford University Press, 2009. P. 49–82.

References

- Apresjan V. Russian Constructions with Syntactic Reduplication of Colour Terms: A Corpus Study. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics*, no. 22 (3), pp. 653–674. (In Eng.)
- Apresjan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Selected works. Vol. 1. Lexical semantics: Synonymous means of language.] Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 1995. 481 p.
- Arnautova N. V. [Colorism: the concept and foundations of typology]. *Kontsept*, 2014, no. 30, pp. 1–9. (In Russ.)
- Fedorova L. L. [Emotions in Grammar]. *Emotsii v yazyke i rechi* [Emotions in Language and Speech]. Moscow, RSUH, 2005, pp. 178–199. (In Russ.)
- Fedorova L. L. [Compound adjectives of inalienable belonging in the Russian language]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*, 2015, no. 8, pp. 61–74. (In Russ.)
- Fedorova L. L. [The pictorial palette of Turgenev and Dostoevsky's prose]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2022, no. 1, pp. 183–193. (In Russ.)
- Frumkina R. M. *Tsvet, smysl, skhodstvo: Aspekty psikholingvisticheskogo analiza* [Color, meaning, similarity: Aspects of psycholinguistic analysis]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 175 p.
- Gak V. G. *Besedy o frantsuzskom slove: Iz sravnitel'noi leksikologii frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Conversations about the French word: From the comparative lexicology of the French and Russian languages.] Moscow, Lenand Publ., 2020. 336 p.
- Ivanov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language.] Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990. 400 p.
- Kosykh E. A. [The system of color designations in the Russian language (towards the creation and publication of the “Russian Encyclopedia of Color”).] *Vestnik Barnaul'skogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta. Ser. Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2002, no. 2, pp. 18–28. (In Russ.)
- Krasnyanskii V. V. *Slozhnye tsvetooboznacheniya v russkoi rechi* [Compound color-terms in the Russian speech]. Orekhovo-Zuevo, Publ. House of the O-ZSPI, 2000. 234 p.
- Kryuchkova O. Yu. [Issues of linguistic interpretation of lexical reduplication in the Russian language]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 2 (8), pp. 63–85. (In Russ.)
- Kul'pina V. G. *Lingvisticheskaya tsvetologiya. Ot istorii k sovremennosti tsvetovykh kontseptosfer* [Linguistic Colorology. From history to modernity of color conceptspheres]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2019. 386 p.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the modern Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. Available at: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar><http://www.gramota.ru/slovari> (accessed 15.06.2024).

- Nemchenko V. N. *Sovremennyyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word formation]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1984. 256 p.
- Scalise S., Bisetto A. The classification of compounds. Chapter 3. *The Oxford Handbook of Compounding*. Ed. by R. Lieber, P. Steckauer. Oxford, Oxford University Press, 2009. P. 49–82. (In Eng.)
- Shvedova N. Yu. (ed.). *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. 1175 p.
- Sosnina L.V. [Structural varieties of composite color designations]. *Vestnik RUDN. Seriya Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, 2015, no. 2, pp. 56–64. (In Russ.)
- Unbegaun B. O. *Russkie familii* [Russian surnames: translated from English]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1995. 448 p.

Вы не могли бы включить свет, пожалуйста?

(Употребление вводного слова *пожалуйста* в составе косвенных вопросов и просьб)

Михаил Юрьевич Федосюк¹, Ирина Ивановна Бакланова²,

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова¹, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»² (Россия, Москва), m.fedosyuk@yandex.ru¹, ibaklanova@yandex.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725030043

АННОТАЦИЯ: Статья направлена на объяснение причин, по которым в современной русской обыденной речи в составе косвенно выраженных вопросов и просьб довольно часто стало употребляться вводное слово *пожалуйста*, например: *Вы не могли бы включить свет, пожалуйста?* С точки зрения русской языковой нормы такое построение является неправильным из-за его избыточности: семантика просьбы здесь получает выражение, с одной стороны, имплицитно, при помощи косвенного речевого акта, а с другой стороны, эксплицитно, посредством вводного слова *пожалуйста*. Как показано в статье, современную тенденцию к ненормативному употреблению слова *пожалуйста* можно объяснить непрерывно возрастающей с конца XIX века неоднородностью русского языкового коллектива. Из-за процесса внутренней миграции российского населения, начавшегося в период индустриализации России, а также по причине устойчиво расширяющегося в последние десятилетия использования дистанционных средств массовой коммуникации (радио, телевидение, интернет) у многих носителей русского языка выработалась потребность постоянно принимать во внимание

то, что знания их адресатов могут не полностью совпадать с их собственными знаниями. Это влечет за собой стремление, насколько это возможно, сокращать употребление имплицитных средств выражения смыслов и отдавать предпочтение средствам эксплицитным. Поскольку идиоматически выраженная всей структурой предложения семантика косвенной просьбы может быть не понята неосведомленным адресатом, в предложение дополнительно включается избыточный эксплицитный показатель просьбы — слово *пожалуйста*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская быденная речь, косвенные речевые акты, вопросы, просьбы, вводное слово *пожалуйста*, идиоматичность, неидиоматичность, аналитизм, неоднородность языкового коллектива, языковая норма

для цитирования: Федосюк М. Ю., Бакланова И. И. *Вы не могли бы включить свет, пожалуйста?* (Употребление вводного слова *пожалуйста* в составе косвенных вопросов и просьб) // Русская речь. 2025. № 3. С. 63–76. DOI: 10.31857/S0131611725030043.

Issues of Modern Russian Language

Could You Turn on the Light Please? (Using Introductory Word Please in Indirect Questions and Requests)

Mikhail Yu. Fedosyuk¹, Irina I. Baklanova², M. V. Lomonosov Moscow State University¹,
National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)² (Russia, Moscow),
m.fedosyuk@yandex.ru¹, ibaklanova@yandex.ru²

ABSTRACT: The article is aimed at explaining the reasons why the introductory word *please* began to be used quite often as a part of indirectly expressed questions and requests in the modern Russian everyday speech. From the point of view of the Russian language norm, such construction is incorrect due to its redundancy: the semantics of the request here is expressed, on the one hand, implicitly, using an indirect speech act, and on the other

hand, explicitly, through the introductory word *please*. As the article shows, the modern tendency towards non-normative use of the word *please* can be explained by the continuously increasing since the end of the 19th century heterogeneity of the Russian linguistic community. Due to the process of internal migration of the Russian population, which began during the period of industrialization of Russia, as well as due to the steadily expanding use of remote means of mass communication (radio, television, Internet) in recent decades, many Russian speakers have developed a need to take into account that the knowledge of their recipients may not completely coincide with their own knowledge. This entails the desire, as far as possible, to reduce the use of implicit means of expressing meanings and give preference to explicit means. Since the semantics of the request, idiomatically expressed by the entire structure of the sentence, may not be understood by an uninformed addressee, the sentence additionally includes an excessive explicit indicator of the request — the word *please*.

KEYWORDS: Russian everyday speech, indirect speech acts, questions, requests, introductory word *please*, idiomatism, non-idiomatism, analyticism, heterogeneity of the language community, language norm

FOR CITATION: Fedosyuk M. Yu., Baklanova I. I. *Could You Turn on the Light Please?* (Using Introductory Word *Please* in Indirect Questions and Requests). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 3. Pp. 63–76. DOI: 10.31857/S0131611725030043.

В 1990-е годы один из авторов этой статьи был приглашен преподавать русский язык в Польше. Польским языком этот автор владел, однако в первые недели своего пребывания в стране он неожиданно начал сталкиваться с такими польскими фразами, смысл которых был ему решительно непонятен. Одной из подобных фраз был вопрос *Czy pan ma zegarek?* ('У вас есть часы?'), который русскому преподавателю нередко задавали на остановках городского транспорта или просто на улицах. Часы у русского преподавателя, разумеется, были, но его ответ *Да, есть* вызывал у спрашивавших нескрываемое разочарование: было очевидно, что их вопрос о наличии часов предполагал какой-то другой ответ. Далеко не сразу преподаватель догадался, что в польской речи вопрос *У вас есть часы?* равнозначен русскому вопросу *Который час?* — именно на него и следовало отвечать. Сказанное подтверждалось еще и тем, что

этот вопрос обычно задавали женщины, а в те годы многие польки считали неэлегантным носить наручные часы, мобильных же телефонов у них еще не было.

Понятно, что в польской речи вопрос *У вас есть часы?* представляет собой косвенный речевой акт — так известный американский философ и логик Джон Серль предложил именовать произнесение высказываний, истинная цель которых не получает в них непосредственного выражения и должна логически выводиться с опорой на знания адресата [Серль 1986]. В самом деле, явно выраженная цель вопроса *У вас есть часы?* состоит в стремлении говорящего узнать, имеются ли у его адресата часы, однако если этот вопрос задается на улице совершенно незнакомому человеку, то тот, очевидно, должен догадаться, что действительная цель данного высказывания иная и что его собеседник, по-видимому, хочет узнать, который час.

Разумеется, косвенные речевые акты широко используются не только в польском, но и во многих других языках, в том числе и в русском. Так, обратившись к студенту со словами *Вы не напомнимте мне, как ваша фамилия?*, преподаватель ожидает услышать не ответ *Конечно, напомнимю*, а фамилию студента. Приведенное высказывание преподавателя естественно воспринимать не как прямой вопрос о том, что студент в ближайшее время собирается сделать, а как косвенно выраженный вопрос о фамилии студента.

Приведем еще два примера. На слова *Вы не могли бы включить свет?* было бы странно ответить *Могу* и при этом ничего не сделать. Дело в том, что перед нами не прямой вопрос, а косвенная просьба включить свет. А высказывание *Вы знаете, что заседание перенесено на 18:30?* скорее всего представляет собой не вопрос, а косвенный способ передачи сообщения о времени начала заседания.

Уже на основании только что приведенных примеров можно судить о назначении косвенных речевых актов: они добавляют к сказанному важные стилистические оттенки. Косвенный вопрос *Вы не скажете, как ваша фамилия?* звучит менее категорично, чем прямой вопрос *Как ваша фамилия?*; косвенная просьба *Вы не могли бы включить свет?* выглядит вежливее, чем прямое побуждение *Включите свет!*, а косвенное сообщение *Вы знаете, что заседание перенесено на 18:30?* допускает предположение, что адресат уже осведомлен о новом времени начала заседания.

Отвечая на вопрос о том, каким образом адресат косвенного речевого акта выводит из его явного содержания скрытую информацию, Дж. Серль пишет, что для каждого смыслового типа речевых актов «имеется набор условий, необходимых для успешного и уместного осуществления акта» [Серль 1986: 209]. Эти условия ученый называет *условиями*

успешности и далее показывает, что косвенные речевые акты представляют собой вопросы или утверждения, направленные на условия успешности соответствующих прямых речевых актов. Компактный перечень условий успешности разных типов речевых актов можно найти, например, в работе [Падучева 1985: 25], откуда почерпнуты все приводимые ниже цитаты.

Так, одним из условий успешности речевого акта вопроса является условие «Ни для Г<говорящего>, ни для С<лушающего> не очевидно, что С<лушающий> сам сообщит нужную информацию, не будучи спрошен». Именно поэтому вопрос *Вы не скажете, как ваша фамилия?* может восприниматься как косвенный вариант прямого вопроса *Как ваша фамилия?*

В число условий успешности речевого акта побуждения входит условие «Г<говорящий> считает, что С<лушающий> в состоянии совершить Д<действие>». Поскольку именно с этим условием связан косвенный речевой акт *Вы не могли бы включить свет?*, он воспринимается как носитель просьбы *Включите свет!*

Далее, одно из условий успешности речевого акта сообщения — это условие «Для Г<говорящего> не очевидно, что С<лушающий> знает, что *p* (и не нуждается в напоминании)», и именно на передачу (или напоминание) информации о времени начала заседания направлено косвенно выраженное сообщение *Вы знаете, что заседание перенесено на 18:30?*

Попытаемся выяснить, что именно помогает адресату понять, что обращенное к нему высказывание — это не прямой, а косвенный речевой акт. Прежде всего, такой подсказкой, конечно же, являются знания адресата о действительности и о ситуации общения. Из этих знаний вытекает, например, то, что в нормальных условиях говорящего едва ли может интересовать простая способность его адресата включить или не включать свет. Именно данное знание и побуждает получателя воспринимать высказывание *Вы можете включить свет?* не как вопрос, а как косвенную просьбу.

Однако в некоторых случаях одной только установки на знания адресата оказывается недостаточно, и тогда возникает потребность в дополнительных показателях того, что речевой акт является косвенным. В русской речи в качестве таких показателей обычно используются отрицательная форма вопроса, а также сослагательное наклонение сказуемого. Так, по-русски высказывание *Вы можете включить свет?* вполне может быть воспринято адресатом как прямой вопрос о том, знает ли тот, где находится выключатель или способен ли он до выключателя дотянуться. А вот отрицательные вопросы *Вы не можете включить свет?* или *Вы не могли бы включить свет?* с большой долей вероятности будут восприняты как косвенные просьбы.

В других языках ситуации с показателями косвенных речевых актов могут выглядеть не совсем так, как в русском. Так, в английском языке косвенная просьба, как и в русском, может быть либо выражена простым вопросом (*Can you turn on the light?* — ‘Вы можете включить свет?’), либо дополнительно маркирована сослагательным наклонением (*Could you turn on the light?* — ‘Вы могли бы включить свет?’). Однако, в отличие от русского языка, показателем английского косвенного вопроса не способна служить отрицательная форма вопроса. По этой причине буквальный английский эквивалент русской косвенной просьбы *Вы не могли бы включить свет?*, который звучит по-английски как *Couldn't you turn on the light?*, скорее всего, будет воспринят не как просьба, а как упрек: ‘Неужели вы не смогли включить свет?’ [Булыгина, Шмелев 1997: 283–291].

До последнего времени имелось и еще одно важное различие между речевыми актами русского и английского языков. В английском языке в качестве показателя как явной, так и косвенной просьбы широко употребляется вводное слово *please* ‘пожалуйста’. Так, по-английски можно сказать и *Turn on the light please* (‘Включите свет, пожалуйста’), и *Could you turn on the light please?* (буквально ‘Вы могли бы включить свет, пожалуйста?’). Что же касается русского языка, то в нем употребление в составе косвенно выражаемых вопросов и просьб слова *пожалуйста* (например, **Вы не могли бы включить свет, пожалуйста?*) еще в начале 2000-х годов воспринималось как речевая ошибка.

Однако в последние годы запрет на употребление слова *пожалуйста* при построении косвенно выражаемых вопросов и просьб в русской обыденной устной и письменной речи массово перестал соблюдаться.

Приведем почерпнутые из разных источников примеры современных косвенных вопросов и просьб, включающих в свой состав слово *пожалуйста*:

1. Материалы, собранные авторами этой статьи (время фиксации — 2013–2024 гг.):

1.1. Записи обыденной устной речи:

- *Можете, пожалуйста, поставить мне оценку в зачетку?* (Речь студентки).
- *Вы можете не бежать, пожалуйста?* (Речь пешехода на уличном переходе).
- *Хотя бы один пример можно, пожалуйста?* (Речь преподавателя).
- *Можно, пожалуйста, вашу работу?* (Речь преподавателя).
- *Можно попросить, пожалуйста, мороженое?* (Речь посетителя кафе).
- *А можно, пожалуйста, похолоднее чай?* (Речь посетителя кафе).

1.2. Выписки из электронной переписки студентов с преподавателями:

- Здравствуйте! Можете отправить, **пожалуйста**, на доработку мою аттестационную работу, я, к сожалению, забыла указать тему и ФИО руководителя.
- Я сдавала академическую разницу в этом семестре по русскому языку, но в деканате сказали, что оценка не стоит. Можно, **пожалуйста**, узнать, все ли у меня в порядке?
- Не могли бы вы, **пожалуйста**, лично связаться с техотделом для решения этой проблемы?
- Не могли бы вы перезачесть эту дисциплину, **пожалуйста**?
- Я сдал только второй тест, к сожалению, не успел написать первый. Не подскажете, **пожалуйста**, как я могу закрыть Ваш предмет?

1.3. Выписки фрагментов стилизованной устной речи из современных российских фильмов:

- Можно мне водички, **пожалуйста**, кипяченой? (Из сериала «Балабол»).
- Господин Старцев, можно Ваше оружие, **пожалуйста**? (Из сериала «Бигль»).
- Коля, а можно тебя на минутку, **пожалуйста**? (Из сериала «Разоблачение единорога»).
- А можно, **пожалуйста**, рассказать, как это произошло? (Из сериала «Абонемент на расследование»).
- А извините, вы могли бы нас, **пожалуйста**, сфотографировать? (Из к/ф «Жизнь под чужим солнцем»).

2. Материалы 2000–2024 гг. из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка:

- [Алиса, жен.] Позвонила Андрюше/ там из района чувак/ говорю/ «Слушай/ Андрюш/ можешь зайти/ посмотреть/ **пожалуйста**/ чё у меня?» [Разговор подруг (2009)]
- [Пчела (Павел Майков, муж.)] Правда? Можно меня тогда изолировать здесь / **пожалуйста**? [Алексей Сидоров, Игорь Порублев. Бригада, к/ф (2002)]
- [Ирина Богуславская (Светлана Тимофеева-Летуновская, жен.)] Может быть / зайдёте в мой кабинет / **пожалуйста**. [Николай Досталь, Михаил Кураев. Петя по дороге в Царствие Небесное, к/ф (2009)]

3. Материалы 2000–2024 гг. из подкорпуса «Социальные сети» Национального корпуса русского языка (сохранена пунктуация оригиналов):

- меня мою сестру мою маму моего папу бабушку и деда это очень оскорбило можно его забанить **пожалуйста** [Чат для художников. telegram Чат для художников (08.10.2022)]

- (мне кто-то включил медленный режим, сообщения раз в 30 секунд отправляются, можно выключить, **пожалуйста**?) [интернет-кафе. telegram интернет-кафе (25.05.2021)]
- может быть Вы сможете помочь, **пожалуйста**? [Cyprus Animals. telegram Cyprus Animals (23.07.2022)]
- Можете написать где ещё ошибки кроме глаза, **пожалуйста**? [Чат для художников. telegram Чат для художников (18.09.2022)]
- Нужна помощь! Развалился ролик в двери на балкон. Теперь она почти не открывается... Кто-то может починить, **пожалуйста**. [CypRus Helpers. telegram CypRus Helpers (22.10.2021)]

Широкое и быстрое распространение нового, необычного употребления слова *пожалуйста* было замечено многими. Оно получило отражение и одновременно диаметрально противоположные оценки на страницах интернет-форумов. Представляется, однако, что для того, чтобы аргументированно оценить степень потенциального соответствия этого явления норме, необходимо определить его причины. А эти причины пользователи интернета видят по-разному.

Одни участники интернет-дискуссий связывают употребление слова *пожалуйста* с влиянием английского языка, где его эквивалент, слово *please*, довольно широко используется в косвенно выраженных вопросах и просьбах. Другие квалифицируют это слово как «вежливое слово», добавочный показатель учтивости, который для выражения высокой степени проявления вежливости в некоторых ситуациях необходим. Третьи безоговорочно оценивают использование слова *пожалуйста* в предложениях рассматриваемого типа как нежелательную смысловую избыточность — плеоназм [Корректность...¹; «Можно, пожалуйста»...²].

Согласиться с гипотезой о появлении нового употребления слова *пожалуйста* под влиянием английского языка довольно сложно. Во-первых, круг наших современников, нетрадиционно использующих русское вводное слово *пожалуйста*, значительно шире, чем совокупность россиян, свободно владеющих английским языком. Во-вторых, трудно представить себе возможность проникновения в русский язык не словообразовательных калек английских языковых единиц (типа *skyscraper* → *небоскреж*, *semiconductor* → *полупроводник*), а калек синтаксических, т. е. таких построений, когда под влиянием английского языка русские станут

¹ Корректность употребления слова «пожалуйста» после «не могли бы Вы» [Электронный ресурс]. URL: <https://pishu-pravilno.livejournal.com/4402398.html?noscroll#comments> (дата обращения: 28.01.2025).

² «Можно, пожалуйста»? Есть такое слово! (часть II) [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2019/05/03/est-takoe-slovo-chast-ii> (дата обращения: 28.01.2025).

говорить, например, не *Как дела?*, а **Как ты делаешь?* (ср. *How do you do?*), не *Прошлым летом я ездил в Пятигорск*, а **Прошлым летом я ходил в Пятигорск* (ср. *Last summer I went to Pyatigorsk*).

Вызывает возражения и квалификация слова *пожалуйста* как дополнительного показателя вежливости, к которому говорящие могут прибегать при необходимости усилить степень учтивости своей речи. По авторитетному свидетельству толковых словарей русского языка слово *пожалуйста* используется не как универсальный показатель учтивости любого высказывания, а «как форма вежливого обращения при просьбе, приказании, разрешении в значении: прошу тебя, прошу вас», (*Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч*. Лермонтов, Бэла), а также «для выражения вежливого согласия» (*Может, дадите мне книжку какую-нибудь? — Пожалуйста, — охотно отозвался Павел*. М. Горький. *Мать*. [Евгеньева 1983: 234]). Только что приведенное утверждение одного из словарей легко подтвердить лингвистическим экспериментом — невозможностью употребить слово *пожалуйста* при попытках построить вежливые высказывания, которые не принадлежат к жанру побуждений и не содержат в своем составе глаголов в повелительном наклонении. Так, употребления слова *пожалуйста* не допускают приветствия (**Добрый день, пожалуйста!*, **Как дела, пожалуйста?*), формулы знакомства (**Будем знакомы, пожалуйста*, **Как вас зовут, пожалуйста?*), комплименты и одобрения (**У вас очень красивое платье, пожалуйста*, **Вы очень хороший специалист, пожалуйста*), прощания (**Всего хорошего, пожалуйста!*, **До встречи, пожалуйста!*) и т. п. Употребление слова *пожалуйста* за пределами побуждений и согласий возможно только в высказывании *Здравствуйтесь пожалуйста*, но оно, как известно, представляет собой не формулу вежливости, а выражение недоуменного недовольства по поводу чего-либо неожиданного и неприятного (*Сегодня ты дежурный. — Здравствуйтесь пожалуйста! Опять я?!*).

Пытаясь найти другие объяснения современной экспансии слова *пожалуйста*, сравним явно выраженную просьбу *Включите, пожалуйста, свет* с ее косвенным эквивалентом *Вы не могли бы включить свет?* и попытаемся представить себе, какой из только что приведенных вариантов удобнее использовать при общении с человеком, о котором известно, что он не очень хорошо владеет русским языком.

Скорее всего предпочтение в этом случае будет отдано высказыванию *Включите, пожалуйста, свет*, поскольку оно содержит прямой показатель просьбы — слово *пожалуйста*. Что же касается варианта *Вы не могли бы включить свет?*, то в нем показатель просьбы неявно выражен всей конструкцией предложения, и потому имеется риск, что это высказывание

будет ошибочно воспринято не как просьба, а буквально — как вопрос о наличии у адресата возможности включить свет.

При сопоставлении рассматриваемых вариантов языковых выражений удобно воспользоваться термином *идиоматичность*. Напомним, что идиоматичностью называется «способ выражения смысла, основанный на нерегулярных правилах сложения элементов содержания» [Баранов, Добровольский 2020: 198]. «В основе всех пониманий идиоматичности», — пишут цитируемые авторы, — лежит идея осложненности способа выражения содержания — не в смысле максимального усложнения языковых форм, а в плане «концентрированности» выражения смысла. <...> Идиоматичным в любом понимании является также такой текст, <кото>рый содержит значительную имплицитную информацию — пресуппозиции, следствия, имплицитные дискурсы, намеки, аллюзии и т. п. <...> В этом смысле косвенный речевой акт идиоматичнее прямого: “Что-то здесь дует” вместо “Закрой окно”» [Там же].

Опираясь на термин *идиоматичность*, можно утверждать, что косвенно выраженная просьба *Вы не могли бы включить свет?* представляет собой языковое построение с высокой степенью идиоматичности. По этой причине оно не вполне подходит для общения с недостаточно квалифицированными носителями языка, тогда как удобная для такого общения прямая просьба *Включите, пожалуйста, свет* обладает низкой степенью идиоматичности и без особого труда может быть понята каждым. Однако из этого утверждения не может не вытекать предположение о том, что повышение в каком-либо языке продуктивности неидиоматичных языковых выражений является следствием увеличения неоднородности соответствующего языкового коллектива. В этом отношении причины роста в языке продуктивности неидиоматичных выражений и причины роста аналитизма совпадают [Федосюк 2022].

О повышении степени неоднородности языкового коллектива как о причине увеличения степени аналитизма, т. е. типологического свойства, проявляющегося «в раздельном выражении основного (лексического) и дополнительного (грамматического, словообразовательного) значений слова» [Гак 1990: 31], писали еще ученые XIX в., основоположники сравнительно-исторического метода в языкознании. В XX в. мысль о социальных причинах развития в языках аналитизма была подтверждена и углублена Г. П. Мельниковым и его последователями [Мельников 2003]. «Рассмотрение языковой карты мира, — пишет один из учеников Г. П. Мельникова А. А. Поликарпов, — обнаруживает, что областям, замкнутым в экономическом и этнолингвистическом отношении, соответствуют, как правило, языки довольно сложного, синтетического грамматического

устройства (многие кавказские, сибирские, индейские языки). Наоборот, в областях, в которых давно интенсивно осуществляются процессы этнохозяйственной языковой интеграции народов, языки приобретают ярко выраженное аналитическое устройство (многие европейские языки, языки Юго-Восточной Азии и т. д.)» [Поликарпов 1979: 45].

К сказанному следует добавить, что причиной повышения степени неоднородности языкового коллектива может служить не только физическое смешение носителей разных языков, как это было, например, в истории английского или романских языков, но и два других, относительно новых, фактора. Первый из них — это внутренняя миграция населения и, как результат, смешение на одной территории выходцев из разных регионов страны. Можно утверждать, что именно внутренняя миграция началась в России на рубеже XIX и XX вв., когда под влиянием индустриализации многие крестьяне стали переезжать в города и становиться промышленными рабочими. Эта миграция положила начало тому процессу развития аналитизма в русском языке XX в., о котором неоднократно писали лингвисты [Валгина 2003; Ильина 1996; Панов 1968; Федосюк 2019].

Второй, относительно поздней, причиной развития неоднородности русского языкового коллектива есть основания считать характерное для второй половины XX века постоянно расширявшееся распространение средств массовой коммуникации (радио, затем телевидения, а потом и интернета). Под влиянием этой причины круг дистанционных участников общения к концу XX века расширился до глобальных масштабов, и в результате у многих отправителей сообщений стала вырабатываться потребность постоянно принимать во внимание то, что знания их адресатов могут не полностью совпадать с их собственными знаниями. Естественнo, что эта потребность влечет за собой стремление, насколько это возможно, сокращать количество идиоматичных средств выражения смыслов и отдавать предпочтение средствам неидиоматичным.

Под влиянием только что упомянутых причин на протяжении XX в. в русской речи постепенно вышли из употребления такие идиоматичные по своему строению, а потому ставшие не всем понятными термины родства, как *шурин*, *деверь*, *золовка*, *сноха*, и им на смену пришли более прозрачные по содержанию неидиоматичные номинации *брат жены*, *брат мужа*, *сестра мужа* и *жена сына*.

Под влиянием тех же причин в топонимической системе русского языка утратила свою продуктивность старая модель образования внутригородских топонимов в форме согласованных определений (*Зацепский Вал*, *Ходынская улица*) и ей на смену пришла модель топонимов в форме несогласованных определений (*площадь Журавлева*, *улица Жуковского*).

Дело в том, что многие относительные прилагательные, выступающие в роли топонимов, обладают высокой степенью идиоматичности, их внутренняя форма непрозрачна, но до 1917 г. это нисколько не мешало им выполнять номинативную функцию. Однако, когда после 1917 г. названиям улиц и площадей были приданы еще и мемориальная и агитационная функции, топонимическую модель пришлось изменить. Приведем пример. В 1956 г., когда давали названия улицам, расположенным возле высотного здания Московского университета, одна из улиц была названа по старой модели согласованного определения *Менделеевской улицей*, а другая — по новой модели несогласованного определения *улицей Лебедева*. Очевидно, что при выборе топонимических моделей были приняты во внимание знания неоднородного населения Москвы. Название *Менделеевская улица* предполагало широкую известность фамилии выдающегося российского химика Д. И. Менделеева, и потому это название было оценено как неидиоматичное, легко понятное всем. Однако назвать другую улицу *Лебедевской улицей* было невозможно. Фамилия русского физика П. Н. Лебедева (1866–1912) мало известна в России. Такое название могло быть воспринято как образованное не от фамилии Лебедев, а от нарицательного существительного *лебедь*, фамилии *Лебедь* или от топонима *Лебедево*. Именно поэтому предпочтение было отдано неидиоматичной топонимической модели несогласованного определения, информирующей о том, что улица названа в честь известного (пусть даже неясно, в какой области) человека по фамилии Лебедев. Эта топонимическая модель в последующие годы стала в России ведущей [Федосюк 2022; Федосюк, Бакланова 2021].

У читателей может возникнуть вопрос о том, обоснованно ли при рассмотрении активных процессов, происходящих в русском языке, обращение к фактам топонимии. Мы склонны ответить на этот вопрос положительно. Подсистемы топонимов гораздо быстрее, чем некоторые другие компоненты лексической системы языка, реагируют на изменения в жизни общества, и это помогает лингвистам судить о направлениях и динамике развития языка. Не случайно при описании развития аналитизма в современном русском языке многие исследования подробнейшим образом анализируют вопрос о постепенной утрате склонения географическими названиями на *-ино*, *-ово* [Валгина 2000; Ильина 1996; Панов 1968].

Возвращаясь к вопросу о причинах появления в русском языке наших дней косвенно выраженных вопросов и просьб со словом *пожалуйста* и принимая во внимание все сказанное выше, мы можем прийти к выводу о том, что постоянно расширяющееся в современной русской обыденной

речи употребление вводного слова *пожалуйста* в косвенно выраженных вопросах и просьбах представляет собой результат характерного и для наших дней увеличения неоднородности русского языкового коллектива и, как следствие, установки говорящих, насколько это возможно, использовать неидиоматичные средства выражения смыслов. А если это так, то можно ожидать, что через некоторое время такое употребление станет претендовать на соответствие норме.

Литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Идиоматичность // Русский язык: Энциклопедия / Под общ. ред. А. М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 198–199.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
- Гак В. Г. Аналитизм // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 31.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. М.: Русский язык, 1983. 752 с.
- Ильина Н. Е. Рост аналитизма в морфологии // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 326–344.
- Мельников Г. П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
- Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского языка. М.: Наука, 1968. 368 с.
- Поликарпов А. А. Элементы теоретической социолингвистики. М.: Изд-во Московского университета, 1979. 154 с.
- Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.
- Федосюк М. Ю. «Недаром помнит вся Россия про день ...Бородино», или Почему перестают склоняться топонимы на *-ино, -ово* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2019. № 5. С. 333–341.
- Федосюк М. Ю. О причинах роста аналитизма и продуктивности неидиоматичных номинаций в русском языке наших дней // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 4. С. 9–19.
- Федосюк М. Ю., Бакланова И. И. *Театральный проезд или проезд Театра?* (Согласованные и несогласованные определения во внутригородской топонимии) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 2. С. 87–97.

References

- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. [Idiomaticity]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [The Russian Language: Encyclopedia]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 198–199. (In Russ.)
- Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow, School "Languages of Russian Culture" Publ., 1997. 576 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. In 4 volumes. Vol. 3. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 752 p.
- Fedosyuk M. Yu. ["Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den' ... Borodino", or Why toponyms ending on *-ino, -ovo* stop to be declined]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Russkaya filologiya"*, 2019, no. 5, pp. 333–341. (In Russ.)
- Fedosyuk M. Yu. [On the reasons for the growth of analyticism and productivity of non-idiomatic nominations in the Russian language of our days]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, seriya 19 "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"*, 2022, no. 4, pp. 9–19. (In Russ.)
- Fedosyuk M. Yu., Baklanova I. I. [*Teatral'nyi Proezd* or *Proezd Teatra?* (Concorded and Unconcorded Attributes in Russian Street Names)]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, 2021, Iss. 80, no. 2, pp. 87–97. (In Russ.)
- Gak V. G. [Analyticism]. *Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Yartseva V. N. (ch. ed.). Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopediya Publ., 1990, p. 31. (In Russ.)
- Il'ina N. E. [The growth of analyticism in morphology]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [The Russian language at the end of the twentieth century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1996, pp. 326–344. (In Russ.)
- Mel'nikov G. P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: Printsipy, metody, modeli* [Systemic typology of languages: Principles, methods, models]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 395 p.
- Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The statement and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 272 p.
- Panov M. V. (ed.). *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo yazyka* [Russian Language and Soviet Society: Morphology and Syntax of the Modern Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 368 p.
- Polikarpov A. A. *Ehlementy teoreticheskoi sotsiolingvistiki* [Elements of theoretical sociolinguistics]. Moscow University Publishing House, 1979. 154 p.
- Searle J. R. [Indirect speech acts]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], vol. 17, Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 195–222. (In Russ.)
- Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke* [Active Processes in the Modern Russian Language]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.

О названиях инжира в русском языке

Кира Иосифовна Коваленко¹, Валерия Борисовна Колосова²,
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), kira.kovalenko@gmail.com¹, chakra@eu.spb.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725030054

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются названия инжира *Ficus carica* L. в русском языке в диахроническом аспекте. Как и многие другие привозные растения, в XI–XVIII вв. инжир — как дерево, так и его плоды — имел множество названий различного происхождения. Самые ранние упоминания этого растения под названиями *смокы* и *смоковъница* восходят к одной из ранних датированных восточнославянских книг Остромирово Евангелие (1056–1057). Эти и родственные слова широко использовались в письменных текстах вплоть до XVII в., когда в русский язык проникли многие другие: *вавцына*, *винное дерево*, *винная ягода*, *еикъ*, *олинфа*, *сика*, *фига*, *фиговое дерево*. Распространенное в настоящее время слово *инжир* появилось только в конце XVIII в. и позднее заменило почти все синонимы, кроме *смоквы* и *фиги*, редко употребляемых и обычно контекстуально обусловленных.

Мы полагаем, что выбор названия растения отчасти был обусловлен традицией, сложившейся в конкретных жанрах, и тематикой произведения. Анализ проиллюстрирован материалами из лексикографических источников, а также из базы данных PhytoLex, являющейся результатом двух проектов: «Русские фитонимы в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)» (Институт лингвистических исследований РАН) и «Растения и люди в Российской Империи XVIII века: сословная дистрибуция знаний и практик» (Европейский университет в Санкт-Петербурге).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этноботаника, история русского языка, лексические заимствования, XVIII век, ботаническая терминология, историческая лексикология, инжир, *Ficus carica* L.

для цитирования: Коваленко К. И., Колосова В. Б. О названиях инжира в русском языке // Русская речь. 2025. № 3. С. 77–89. DOI: 10.31857/S0131611725030054.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено в рамках проекта «Растения и люди в Российской империи XVIII века: сословная дистрибуция знаний и практик», реализуемого в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

From the History of the Russian Language

On Fig Names in Russian

Kira I. Kovalenko¹, Valeriya B. Kolosova², European University at St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg), kira.kovalenko@gmail.com¹, chakra@eu.spb.ru²

ABSTRACT: The paper analyses the names of *Ficus carica* L. in diachronic aspect in the Russian language. As many other imported plants, in the 11th – 18th cc. common fig as the whole tree and its fruit had plenty of names of various origin. The earliest records of the plant names — *смоки* (*smoky*) and *смоковница* (*smokovnitsa*) go back to the one of the oldest dated East Slavic book *Ostromir Gospels* (1056–1057). These words and their cognates were highly used in written texts up to the 17th century, when many others penetrated the Russian language: *вавцына* (*vavtsyna*), *винное дерево* (*vinnoe tree*), *винная ягода* (*vinnaia berry*), *еукъ* (*eik*), *олинфа* (*olinfa*), *сика* (*sika*), *фига* (*figa*), *фиговое дерево* (*figovoye tree*). The word *инжиръ* (*inzhir*), which is common nowadays, appeared late in the 18th century only, and later replaced almost all synonyms but *smokva* and *figa*, rarely used and contextually determined.

We presume that the choice of a plant name was partly caused by the tradition formed in specific genres as well as the topic of the literary works. The analysis is illustrated by citations from the *PhytoLex* database, which

is the result of two projects: “Russian phytonyms in diachronic aspect (11th – 17th c.)” at the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (completed) and “Plants and people in the Russian Empire of the 18th century: knowledge and practice distribution among social classes” at the European University at St. Petersburg (ongoing).

KEYWORDS: ethnobotany, the Russian language history, lexical borrowings, 18th century, botanical nomenclature, history of words, fig, *Ficus carica* L.

FOR CITATION: Kovalenko K. I., Kolosova V. B. On Fig Names in Russian. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 3. Pp. 77–89. DOI: 10.31857/S0131611725030054.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was carried out within the framework of the project “Plants and people in the Russian Empire of the 18th century: class distribution of knowledge and practices”, implemented at the European University in St. Petersburg.

В словарях современного русского языка для растения *Ficus carica* L. и его плодов можно найти довольно большое количество названий. Растение может быть названо инжиром, смоковницей или фиговым деревом, а плод — инжиром, смоквой, фигой или винной ягодой [Чернышев (гл. ред.) 1951 (2): 379, 1956 (5): 351, 1962 (13): 1401–1402, 1964 (16): 1337, 1339; Горбачевич (гл. ред.) 1991 (2): 259; Горбачевич, Герд (гл. ред.) 2005 (2): 575, 2007 (7): 278–279, 2019 (26): 377–378]. Такое разнообразие в названиях появилось не сразу. В нашей статье мы проследим историю возникновения различных названий инжира в русском языке.

1. Смоква и смоковница

Названия *смоква* и *смоковница* фиксируются уже в одном из первых датированных памятников Древней Руси — Остромировом Евангелии (1056–1057 гг.). Поскольку Остромирово Евангелие принадлежит к типу апракосов, то есть содержит зачала (фрагменты) для чтения на литургии, один и тот же фрагмент может приводиться несколько раз. Так и фрагмент встречи Иисуса с Нафанаилом дается дважды: «глаголюмоу нафанаилъ. како ма знающе. отъвѣщавъ же ѿс рече юмоу. прѣже даже не възгласи тебе филипъ. сѣща подѣ смоковницею видѣхъ та... отъвѣща ѿс и рече юмоу. зане рѣхъ яко видѣхъ та подѣ смоковницею вѣроующе. больша

сихъ оузьриши» [ОЕ 7а–7б] и «глаголюмоу наѡанаилъ како ма знаѡиши отъвѣща иисъ. прѣжде даже не възгласи тебе филипъ. сѣща подѣ смокъвиѣ видѣхъ та... отъвѣща иисъ и рече юмоу занѣ рѣхъ ти ѡако видѣхъ та подѣ смокъвиѣ вѣроуѡиши больша сихъ оузьриши» [ОЕ 128в–128г]. Среди отличий в этих фрагментах — перевод греческого *συκή* ‘растение *Ficus carica* L.’ как *смоковница* и *смокы* (позднее, в силу ряда фонетических и грамматических причин, видоизменившееся в *смоковь* и *смоква*). Именно эти два старославянских фитонима были единственными зафиксированными в ранних памятниках письменности названиями для *Ficus carica* L. Со временем от них было образовано большое количество производных: *смоковный* (XIV в.), *смоковинъ* (XV в.), *смоковине/смоковение* (XV в.), *смоковичие* (XV в.), *смоквица* (XV в.), *смокыня* (XV–XVI вв.), *смоквица/смоквица* (XVII в.) [Богатова (гл. ред.) 2000: 199–200].

В XVIII в. появилось еще одно название, связанное с разделением инжира на мужские и женские растения, — *смоковникъ*: «Особливого примѣчания достойно, какъ насѣкомыя смоковницу опложаютъ. У нея женскіе цвѣтки на одномъ деревѣ рождаются, а мужскіе на другомъ. Первое называется по Римски *Ficus* смоковница, а другое *Caprificus*, что можно по нашему назвать смоковникъ» [Комов 1788: 109]. В русском языке неологизм И. М. Комова не прижился, и приведенная цитата из его книги «О земледелии» является единственной, где используется слово *смоковникъ*.

В Словаре Академии Российской и других лексикографических источниках XVIII в. фиксируются также названия *смоковное/смоковничное дерево* [Вейсман 1731: 191; САР 1794 (5): 592].

На протяжении XVIII и XIX вв. слово *смоковница* имело в словарях одно значение — название растения *Ficus carica* L. В XX в. словари различают уже два значения. В Словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова первым дано значение ‘дерево сем. тутовых с плодами, напоминающими винную ягоду или фигу, то же, что сикомор в 1 знач. (иначе — библейская смоковница)’, а вторым — ‘инжир, дерево из сем. тутовых, с опадающей листвою и с плодами, известными под названием винных ягод’ [Ушаков 1940: 305]. С точки зрения современной ботанической номенклатуры первое значение соотносится с растением *Ficus sycomorus* L. (сикомор), а второе — с *Ficus carica* L. (инжир).

В Словаре современного русского литературного языка очередность значений изменилась: «Смоко́вница, ы, ж. 1. То же, что инжир (в 1-м знач.). 2. Субтропическое дерево сем. тутовых из рода фикусов с твердой древесиной и съедобными плодами; сикомор (в 1-м знач.), так называемая библейская смоковница» [Чернышев (гл. ред.) 1962: 1401]. В свою очередь, инжир в 1-м значении — это «Субтропическое плодое дерево из сем. тутовых; фиговое дерево, смоковница» [Чернышев (гл. ред.)

1956: 351]. При этом выражение *библейская смоковница* приводится в качестве синонима не к инжиру, как в словаре Ушакова, а сикомору. В Большом академическом словаре русского языка очередность значений снова меняется (первым идет ‘сикомор’, а вторым — ‘инжир’); выражение *библейская смоковница* не дается вовсе [Горбачевич, Герд (ред.) 2019: 378].

Можно предположить, что формирование второго значения слова *смоковница* связано с Синодальным переводом Библии, вышедшем в 1876 г. Фрагмент Евангелия от Луки 19: 4, повествующий о низкорослом Закхее, был переведен следующим образом «и, забѣжавъ впередъ, взлѣзъ на смоковницу, чтобы увидѣть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нея» [Библия 1907: 333]. На месте «смоковницы» в греческом тексте находится слово *συκομορέα* ‘сикомор’ [LSJ], поэтому перевод представляется не совсем корректным, хотя до некоторой степени оправданным традицией: в текстах XVII в., в том числе в азбуковниках, для обозначения сикомора могло использоваться название *дивия / дикая смоковница* [Азбуковник Сергия Шелонина, л. 414, 420об., 502]. В древнерусском тексте Остромирова Евангелия греческое слово *συκομορέα* переведено как *сукомория* [ОЕ, л. 113г], в Елизаветинской библии — *ягодичина* [Библия 1907: 333]. Некоторые переводы на русский язык также используют слово *сикомор* (перевод Международной Библейской лиги в редакции 1993–1996 гг.) или *сикомора* (перевод еп. Кассиана 1970 г.), наряду со *смоковницей* (перевод С. С. Аверинцева в публикации 2004 г.), *шелковицей* (перевод Библии при Заокской духовной академии и Библейско-богословским институтом св. апостола Андрея под редакцией Кулаковых 2015 г.; перевод А. С. Десницкого 2021 г.) и *тутовым деревом* (перевод Л. Лутковского 1990 г.) [Библия онлайн].

Значение слова *смоковница* ‘сикомор’ в Большом академическом словаре снабжено иллюстративным материалом: цитатами из «Жизни европейских народов» Е. Н. Водовозовой (том 1), «Жизни растения» К. Тимирязева, «Третьего глаза Шивы» Е. Парнова и «Лекарства против страха» А. и Г. Вайнеров. Если в первой и последних двух цитатах контекст не позволяет однозначно установить вид растения, то в третьей цитате это становится возможным благодаря детальному описанию, имеющемуся в книге: «Или возьмемъ другой примѣръ изъ древесныхъ растений: извѣстная индѣйская смоковница способна изъ своихъ далеко распростертыхъ вѣтвей выпускать придаточные корни, которые, достигая земли и утолщаясь, подпираютъ эти вѣтви на подобіе столбовъ, доставляющихъ имъ одновременно и опору и необходимую пищу. Такимъ образомъ, одно дерево можетъ покрывать цѣлыя десятины. Здѣсь также главный стволъ могъ бы разрушиться, но это, казалось бы, не помѣшало укоренившимся вѣтвямъ продолжать свое существованіе неопредѣленное время»

[Тимирязев 1896: 193–194]¹. По описанию растение «индийская смоковница» можно идентифицировать как еще один вид рода фикус — *Ficus benghalensis* L. (фикус бенгальский, или баньян). В этом значении *индийская смоковница* употребляется и в настоящее время [Индийская смоковница].

Словосочетание *библейская смоковница*, которое приписывается то инжиру, то сикомору, встречается в художественной литературе и публицистике начиная с конца XIX в. Нам удалось найти лишь несколько цитат с довольно расплывчатой семантикой рассматриваемого словосочетания. Так, например, С. М. Степняк-Кравчинский пишет: «Народовольцы уверовали и в свою “легальную” революцию, и в туманное пятно мужицкого земского собора, и в открывающий к нему путь гигантский заговор, который будет расти вечно из ничего, как философский гриб, пока под его сенью не приютятся, как под библейской смоковницей, все звери земные и птицы небесные» (С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия [автоперевод]. 1883–1893)². В разделе «Текущие вопросы внутренней жизни» журнала «Новое слово» за октябрь 1897 г., автором которого был, по-видимому, П. Б. Струве, о чуждом воззрении говорится, что эта мысль «уродлива и бесплодна, как библейская смоковница» [Струве 1897: 249 (2 паг.)]. Возможно, *библейская смоковница* употреблена здесь вместо фразеологизма *бесплодная смоковница*. В романе Бориса Пильняка словосочетание приводится в следующем контексте: «И у Капитолины Карповны теперь — только одна жизнь: жизнь Риммы, Варвары, Клавдии, внучат. Ее целомудрие библейской смоковницы и все коломенские честь и честность оказались ни к чему» (Б. А. Пильняк. Волга впадает в Каспийское море. 1938).

Фразеологизм *бесплодная смоковница* имеет два значения: ‘о бездетной женщине’ и ‘о ком-либо, чья деятельность безрезультатна, бесполезна и т. п.’ [Чернышев (гл. ред.) 1962: 1402; Горбачевич, Герд (гл. ред.) 2019: 378]. В обеих редакциях словаря он сопровождается пояснением: «Выражение возникло из евангельской легенды о засохшей навсегда смоковнице, которую проклял Иисус, не найдя на ней плодов» [Горбачевич, Герд (гл. ред.) 2019: 378]³ и приводится в рамках значения ‘сикомор’, несмотря на то что греческое слово *συκῆ*, стоящее в греческом оригинале (Мк 11:13), обозначает инжир *Ficus carica* L.

¹ В словаре цитата дана в следующем виде: «Индийская смоковница способна из своих далеко распростертых ветвей выпускать придаточные корни» [Горбачевич, Герд (гл. ред.) 2019: 378].

² Цитаты из произведений С. М. Степняка-Кравчинского и Б. А. Пильняка найдены через Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>).

³ Другая версия происхождения фразеологизма — из притчи о неплодной смоковнице в винограднике (Лк. 13:6–9) — представлена в работе А. В. Григорьева [Григорьев 2019: 163].

Слово *смокы* в ранних текстах могло обозначать как растение, так и его плод, однако с XVIII в. этим словом стали обозначать преимущественно плод — по крайней мере, в тех контекстах, которые позволяют это понять. В Большом академическом словаре *смоква* имеет три значения: ‘плод смоковницы; винная ягода, инжир (во 2-м знач.)’, ‘вяленая ягода (обычно вишня, слива); так называемое сухое варенье’ и ‘то же, что смоковница’ (без конкретизации значения) [Горбачевич, Герд (гл. ред.) 2019: 377–378]. Первое и третье значения — традиционные (хотя в значении растения, по данным НКРЯ, *смоква* употребляется значительно реже). Второе значение, вероятно, перешло с другого названия инжира — *винная ягода* (см. ниже).

По данным НКРЯ, с XVIII в. по настоящее время слова *смоковница* и *смоква* употребляются не только в Священном Писании, но и в художественной литературе — преимущественно при аллюзиях на новозаветные притчи о засохшей смоковнице и о неплодной смоковнице в винограднике, а также для создания колорита черноморского побережья, стран Средиземноморья и Ближнего Востока.

2. Винная ягода и винное дерево

С конца XVI в. фитонимы *смоква*, *смоковница* и их дериваты начинают вытесняться лексемами *винная ягода* и *винное дерево*. Если в разговорниках XVI в. — анонимном разговорнике 1596 г. [Ein Rusch Boeck... 1994: 76] и русско-немецком разговорнике Фенне 1607 г. [Tonnies Fenne's... 1970: 86] — для обозначения инжира дается только слово *смоковъ*, то в словаре Марка Ридли 1599 г. приводятся уже оба названия: **смоковъ** и **винои ягоды** [A dictionarie... 1996: 380, 508], а в последующих разговорниках — русско-английском словаре Ричарда Джемса 1618–1619 гг., разговорнике Невенбурга 1629 г., Тронхеймском русско-немецком разговорнике 1676–1700 гг., русско-латинско-немецком разговорнике Лудольфа конца XVII в. — русский эквивалент только один: «*vinoyágoti, figs*» [Ларин 1959: 377], «*feyen* вин'ные ягоды» [Günther 1964: 133], «*Винные ягоды — feygen*» [The Trondheim... 1961: 42v], «*Ficus* виннiе ягоди Feigen» [Ларин 2002: 95]. С XVII в. название *винная ягода* регулярно используется и в рецептах Аптекарского приказа, и в различных книгах, описывающих меню богатых вельмож, становясь символом богатства: «Изюмные и винные ягоды, и виноград на все стороны лопатами мечут» — читаем мы в «Сказании о роскошном житии и веселии» XVII в. [Русская... 1954: 41].

В азбуковниках Московской Руси, в частности в Азбуковнике Сергия Шелонина, *винная ягода* приводится как эквивалент для слова *вавцына*

[Азбуковник Сергия Шелонина, л. 105, 418] — возможно, от греч. βαβατ-σινιά ‘смоковница’ [Gennadios 1914: 166]) и *сика* — от греч. σικῆ [LSJ]. Кроме того, в азбуковниках встречается еще одно иноязычное название инжира — *олифа*: «Псинь⁴ есть животнище нѣкое крилато, тончайше, якоже прах, еже раждается *от* дѣвиих смѡкъвъ, гл(агол)емых олинѣвъ, ихже садовницы вѣшают на добрых смѡкъвницах на укрѣпление плодовъ их, ражаемии бо *от* олинѣвъ псини, прилѣтающе и прилѣпляющесе къ концом смѡкъвным, крѣпят смѡкъвы, и не *отпадаютъ* прежде созрѣльства. Исаи(я) 28. Максим Грек, Слово 15» [Азбуковник Сергия Шелонина, л. 534]. Слово попало в азбуковник из сочинения Максима Грека «Слово душеполезное зело внимающим ему. Беседует ум к души своей. В нем же и на лихоимство» и является транслитерацией греч. ὄλυνθος ‘фига, которая растет зимой под листьями, но, как и преждевременная весенняя фига, редко вызревает’ [LSJ].

В разговорнике Фенне 1607 г. *винная ягода* употребляется в своем раннем значении — ‘виноград’: «iagodi vini wyndruuen» [Tonnie Fenne’s... 1970: 59]⁵. В этом значении словосочетание *винная ягода* фиксируется и позднее, например в азбуковниках XVII в., а также в цитате из Библии в словарной статье «Изгнetaan» Словаря Академии Российской: «Никако же изгнетай винну ягоду по обычаю пѣсни воспоеть» (Иерем. 48:33) [САР 1790 (2): 111], при том что в словарной статье «Смоковница» это слово означает вид десерта из инжира: «просушенная же и сахарнымъ пескомъ приправленная называется винною ягодою» [САР 1794 (5): 591].

Винное древо/дерево сначала также могло обозначать виноград. Например, в Шестодневе Георгия Пизиды по списку XV в.: «кто вида гроздіе винное, неѣдивитса давшемѣ теплоую мокротоу винномуу древѣ» [Шестоднев 1882: 43]. Однако в текстах XVI–XVIII вв. под *винным деревом* имеется в виду растение *Ficus carica* L. [Бархударов (гл. ред.) 1975: 182; Флоринова Экономия... 1738: 183, 188, 191]. Показательно, что словосочетание зафиксировано не только в переводной литературе, но и в разговорнике: «*Винное древо — ein feigen baum*» [The Trondheim... 1961: 42v]; в дальнейшем, однако, это наименование не получило распространения в русском языке.

В Словаре современного русского литературного языка *винная ягода* толкуется как ‘плод фигового дерева, смоковницы; инжир’ [Чернышев (гл. ред.) 1951: 379], во втором издании Словаря внесено уточнение —

⁴ От греч. σικῆ ‘насекомое Cypripis psenes, которое живет в плодах дикого инжира и пальмовых’ [LSJ].

⁵ Редакторы публикации Л. Л. Хаммерих и Р. Якобсон считают, что здесь наблюдается ошибка переводчика и что *винные ягоды* должны были быть переведены на нижненемецкий как инжир, а не как виноград [Tonnie Fenne’s... 1970: XI], однако для обозначения инжира в разговорнике используется слово *smokoff* [Tonnie Fenne’s... 1970: 86].

‘сушеный плод’ [Горбачевич (гл. ред.) 1991: 259], которое сохранилось и в издании начала XXI века [Горбачевич, Герд (гл. ред.) 2005: 575]. По данным НКРЯ, употребление словосочетания *винные ягоды* на протяжении XIX–XXI вв. неуклонно снижается.

3. Фига и фиговое дерево

С начала XVI в. в азбучовниках фиксируется еще одно слово для обозначения *Ficus carica* L. — *фигка* — в написании, свойственном заимствованиям из простой мовы (письменного языка Великого княжества Литовского) [Золтан 2014: 36]. Игумен Дамаскин в своем произведении начала XVIII в. «Афонская гора и Соловецкий монастырь» подтверждает западно-русское происхождение слова: «Еикъ древо, по Болгарски же и по Сербски смоковница, ростомъ велико бываетъ, но въ Аѳонской горѣ не само велико обрѣтается (сіе древо Кіевляне называютъ фига), распространяется сіе древо въ широту болѣе нежели въ высоту, и покрываетъ многую часть земли...» [Афонская гора... 1883: 79–80].

В XVIII в. слово *фига* не являлось распространенным, однако в конце века оно было включено в Словарь Академии Российской как синоним *смоквы*, и на протяжении XIX в. употреблялось достаточно активно. Словарь современного русского языка выделяет у слова *фига* три значения: ‘то же, что фиговое дерево (см. *Фиговый*); смоковница’, ‘плод этого дерева; то же, что инжир или винная ягода, или смоква’ и просторечное ‘то же, что кукиш’ [Чернышев (гл. ред.) 1964: 1337]. К сожалению, из-за многозначности невозможно использовать статистические сведения из НКРЯ, однако на основании просмотра цитат можно сделать вывод, что в XX и XXI вв. слово используется преимущественно в исторических произведениях для воссоздания атмосферы Древней Греции, ближневосточных стран и Китая.

4. Инжир

Первая фиксация современного названия плода *Ficus carica* L. относится к 1785 г. Его употребляет Самуил Георг Гмелин в своем «Путешествии по России для исследования трех царств естества»: «Плоды, сажаемые въ здѣшнихъ огородахъ [в Дербенте], суть разныя породы самыхъ вкуснѣйшихъ яблокъ, груши, айвы, также персики, априкозы, миндаль, инжиръ и гранаты» [Гмелин 1785 (3): 31–32]. Этимологический словарь Фасмера приводит следующую этимологию: «Из тур., крым.-тат., тат., кыпч. *anžir, inžir* — то же» [Фасмер 1967 (2): 133]. По данным Google Ngram и НКРЯ, с конца XVIII до начала XX в. фиксации слова единичны,

а с 1910-х гг. его частотность резко возрастает⁶. Сравнительный график частотности употребления лексем *инжир*, *смоква*, *смоковница* и *винная ягода* в НКРЯ также демонстрирует, что в современном русском языке *инжир* является самым употребительным по сравнению с другими названиями *Ficus carica* L., обозначая как само растение, так и его плоды [Горбачевич, Герд (гл. ред.) 2007: 278–279].

Выводы

Таким образом, богатая синонимия в названии растения *Ficus carica* L. обусловлена культурными и языковыми контактами. На протяжении длительного времени использовались старославянизмы *смокы*, *смоковница* и их морфологические и словообразовательные варианты. С конца XVI в. в разговорном языке для обозначения инжира начинают активно употребляться словосочетания *винная ягода*, обозначавшая ранее виноград, и *винное дерево*. В XIX в. они вытесняются наименованиями *фига* и *фиговое дерево*, а в XX на смену приходит *инжир* — заимствование из тюркских языков. При этом часть фитонимов не уходит из русского языка, а продолжает использоваться: в религиозных текстах — по традиции, а в художественных — для создания местного колорита.

В исторических текстах фиксируются также и другие иноязычные лексемы, которые не были заимствованы в русский язык: *вавцина*, *сюка*, *олинфа*, а также гапакс неизвестного происхождения *еикъ*. Контексты, в которых встречаются эти и другие названия растений на протяжении XI–XVIII вв., можно найти в непрерывно пополняемой этноботанической базе данных PhytoLex.

Источники

Азбуковник Сергия Шелонины. Рукопись РНБ, Соловецкое собрание, 18/18, 1650-е гг.

Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакона Дамаскина (1701–1706 гг.). СПб.: Типография В. С. Балашева, 1883. 108 с.

⁶ URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=%D0%B8%D0%BD%D0%B6%D0%B8%D1%80&year_start=1790&year_end=2019&corpus=ru-2019&smoothing=0 (дата обращения: 18.07.24); URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CtEBEp4BCpsBChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChcKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxJrChMKA2xleBIMCgrQuNC90LbQuNGACgoKBGZvcm0SAgoACgsKBWdyYW1tEgIKAaoJCgNzZW0SAgoAChUKB3NlbS1tb2QSCgoIc2VtfHNlbXgKDAoGc3ludGF4EgIKAaoLCgVmbGFncxI CCgAqIwoICAQChgyIAoQBSAAQAVKB2NyZWFOZWRqBDAuOTV4AJgBAaABATICCAE6AQUqFhgAlhIKBwj%2BDRABGAESBwjIDxAMGB8%3D> (дата обращения: 18.07.24).

Библия Господа нашего Иисуса Христа, Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на славянском и русском языках. СПб.: Синодальная типография, 1907. 464 с.

Библия онлайн. Библия в синодальном, современном и других переводах. Симфония, словари, собрание толкований и комментариев. [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/> (дата обращения: 18.07.2024).

Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон. СПб.: Gedr. in der Kayserl. Acad. der Wissenschaften Buchdruckerey, 1731. [4], 788, 48 с.

Гмелин Самуил Готлиб. Самуила Георга Гмелина, доктора медицинской науки, Императорской Академии наук, Лондонского, Гарлемского и Вольного экономического Санктпетербургского общества члена Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 3. Половина первая. В Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, 1785. 336 с.

Индийская смоковница // Добрый домостроитель благодати. 1997. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://molokan.narod.ru/d/d0918.html> (дата обращения: 18.07.2024).

Комов И. М. О земледелии. М.: В тип. Пономарева, 1788. [10], VIII, 378, [1] с.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 423 с.

Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 684 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.07.2024).

ОЕ — Остромирово Евангелие, 1056–1057 гг., рукопись РНБ Ф.п.1.5 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prilib.ru/item/355487> (дата обращения: 18.07.2024).

Русская демократическая сатира XVII века / Подготовка текстов, статьи и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 292 с.

САР — Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794, ч. 1–6.

[Струве] П. Б. Текущие вопросы внутренней жизни // Новое слово. Год III, книга I. Октябрь 1897. С. 246–266 (2-я паг.).

Тимирязев К. А. Жизнь растения. М.: Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1896. 335 с.

Флоринова Экономия с немецкого на российской язык сокращенно переведена [Сергеем Волчковым]. СПб.: При Имп. Академии наук, 1738. 8, 304, 309–312, 305–308, 313–320, 4 с.

Шестоднев Георгия Пизиды в славяно-русском переводе 1385 года... И. А. Шляпкина // Памятники древней письменности и искусства. Вып. XXXII. СПб., 1882. 71 с.

A dictionarie of the vulgar Russe tongue: attributed to Mark. Ridley ed. from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introd. by Gerald Stone. Köln; Weimar; Wien: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co, 1996. 508 p.

“Ein Rusch Boeck...”: Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A. Falowski. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1994. 398 S.

Gennadios P. Lexicon Phytologicon. Athens, 1914. 1148 p.

Günther E. Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jahrhundert. Berlin: Peter Lang, 1964. 143 s.

LSJ — Henry George Liddell. Robert Scott. A Greek-English Lexicon. revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones. with the assistance of. Roderick McKenzie. Oxford, Clarendon Press, 1940. [Электронный ресурс]. URL: https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.04.0057%3Aalphabetic+letter%3D*a%3Aentry+group%3D1%3Aentry%3D*a (дата обращения: 18.07.2024).

PhytoLex — Этноботаническая база данных [Электронный ресурс]. URL: <https://phytolex.eusp.org>.

The Trondheim Russian-German MS vocabulary: A contribution to 17th-century Russian lexicography by Siri Sverdrup Lunden. Oslo — Bergen — Tromsø: Universitetsforlaget, 1961. 374 p.

Tonnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. Transliteration and Translation. Editors L. L. Hammerich and Roman Jakobson. Copenhagen: Munksgaard, 1970. 566 p.

Литература

Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975. 319 с.

Богатова Г. А. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 25. М.: Наука, 2000. 273 с.

Горбачевич К. С. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 20 тт. 2-е изд. Т. I–VI. Т. 2. М.: Русский язык, 1991. 960 с.

Горбачевич К. С., Герд К. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. М.; СПб.: Наука, 2004–. Т. 2. 2005. 658 с.; Т. 4. 2007. 678 с.; Т. 26. 2019. 696 с.

Григорьев А. В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М.: МПГУ, 2019. 200 с.

Золтан А. Interslavica. Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М.: Индрик, 2014. 224 с.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 1502 стлб.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. М.: Прогресс, 1964–1973.
Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л. 1948–1965. Т. 2. 1951. 1393 стлб.; Т. 5. 1956. 1918 стлб.; Т. 13. 1962. 1516 стлб.; Т. 16. 1964. 1610 стлб.

References

- Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th c.]. Iss. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975. 319 p.
- Bogatova G. A. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th c.]. Iss. 25. Moscow, Nauka Publ., 2000. 273 p.
- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the modern Russian literary language]. Vols. 1–17. Moscow, Leningrad, Publ. house and 1st printing House of the Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR in Leningrad, 1948–1965. Vol. 2. 1951. 1393 clmn.; Vol. 5. 1956. 1918 clmn.; Vol. 13. 1962. 1516 clmn.; Vol. 16. 1964. 1610 clmn.
- Gorbachevich K. S. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 20 tomakh* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 20 vols.]. 2nd ed. Vols. I–VI. Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1991. 960 p.
- Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (ch. eds.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big Academic Dictionary of the Russian language]. Vol. 1–. Moscow; St. Petersburg, Nauka Publ., 2004–. Vol. 2. 2005. 658 p.; Vol. 4. 2007. 678 p.; Vol. 26. 2019. 696 p.
- Grigor'ev A. V. *Russkaya bibleiskaya frazeologiya v kontekste kul'tury* [Russian biblical phraseology in the context of culture]. Moscow, MPSU Publ., 2019. 200 p.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1940. 1502 clmn.
- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Moscow, Progress Publ., 1964–1973.
- Zoltan A. *Inter-slavica. Issledovaniya po mezhslyavianskim yazykovym i kul'turnym kontaktam* [Inter-slavica. Researches on inter-Slavic language and cultural contacts]. Moscow, Indrik Publ., 2014. 224 p.

«И горкуши, и кардыки, и цокалы, и сюсюкалы» в описаниях диалектологов XIX века

Георгий Анатольевич Мольков, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), georgijmolkov@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611725030067

АННОТАЦИЯ: Сложный процесс зарождения диалектологии как науки в XIX в. наглядно отражается в используемой в этот период терминологии для названия разных диалектных фонетических явлений. В статье прослежен путь от первых примеров специальных наименований этих явлений — еще за рамками профессиональной лингвистической литературы до крупных централизованных проектов по описанию русских говоров. За это время произошли наиболее активные процессы, связанные с формированием терминов, конкуренцией синонимов, их стилистическим распределением и отсеиванием излишних средств. Лексика для наименования фонетических особенностей говора оказалась на пике всех этих процессов, т. к. легла в основу диалектного членения, варианты которого во второй половине XIX в. предлагали фольклористы, историки, этнографы, публицисты и собственно лингвисты. В статье показано, что интересующие нас обозначения были почерпнуты диалектологией непосредственно из народной речи и вплоть до начала XX в. сохраняли связь с изначальной средой использования. Они часто содержали оценку диалектной речи как малограмотной и испорченной, а также включали в свой состав лексику из сферы обозначения дефектов речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая лексикология, история диалектологии, терминология, В. И. Даль

для цитирования: Мольков Г. А. «И горкуши, и кардыки, и цокалы, и сюсюкалы» в описаниях диалектологов XIX века // Русская речь. 2025. № 3. С. 90–99. DOI: 10.31857/S0131611725030067.

From the History of the Russian Language

“And Gorkushas, and Kardyks, and Tsokalas, and Syusyukalas” in the Descriptions of Dialectologists of the 19th Century

Georgiy A. Molkov, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg), georgiymolkov@gmail.com

ABSTRACT: The article analyzes the names of dialect phonetic phenomena used in the works of scientists in the 19th century. They most clearly reflect the thorny path of the emergence of dialectology as a science in this period. We will follow the development of this group of vocabulary from the first examples that remained outside the framework of professional scientific discourse to large generalizing projects for the description of Russian dialects, which were undertaken at the beginning of the 20th century. During this time, the most active processes related to the formation of terms, competition of synonyms, their stylistic distribution and the elimination of unnecessary means occurred. We pay attention to the methods of designating the phonetic features of the dialect, since this vocabulary formed the basis for the description of the dialect continuum. Many folklorists, historians, ethnographers, publicists and linguists themselves proposed their own

versions of dialect classification in the second half of the 19th century. In the article, we show that the designations of interest to us were drawn by dialectology directly from folk speech and until the beginning of the 20th century retained a connection with the original environment of use. They often contained an assessment of dialectal speech as illiterate and corrupted, and included vocabulary from the area of speech defects.

KEYWORDS: historical lexicology, history of dialectology, terminology, V. Dal

FOR CITATION: Molkov G. A. “And Gorkushas, and Kardyks, and Tsokalas, and Syusyukalas” in the Descriptions of Dialectologists of the 19th Century. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2025. No. 3. Pp. 90–99. DOI: 10.31857/S0131611725030067.

Наблюдать за особенностями диалектного произношения можно разными способами, в прямо противоположных регистрах — на бытовом уровне (например, заметить, что в соседней деревне говорят как-то иначе) и в научном тексте (описать диалектную фонетику для определенной территории). Исторически бытовой способ, конечно, первичен, и научное описание неизбежно складывается на его основе. Именно на XIX в. приходится зарождение диалектологии как науки, а уже к началу XX в. дисциплина прошла путь от первых, подчас полулюбительских рассуждений до разработанного университетского курса со своей терминологией и проблематикой. В первую очередь были необходимы базовые наименования — основных диалектов и их групп. Удобнее всего оказалось обозначать диалекты по фонетическим особенностям говора [Оссовецкий 1961: 14] как наиболее заметным для наблюдения. Именно фонетические черты и их названия легли в XIX в. в основу диалектного членения, варианты которого на этом раннем этапе предлагали фольклористы, историки, этнографы, публицисты и собственно лингвисты.

Первые следы будущей терминосистемы можно проследить с 1830-х гг. Они выражаются в использовании глаголов со значением ‘произносить какой-либо звук’ и производных от них существительных, обозначающих саму особенность: *акать* > *аканье*, *дзекать* > *дзеканье* и т. п. В 1830–1840-е гг. эти обозначения появляются точно и бессистемно, хотя уже встречаются в контексте рассуждений о диалектном членении русского языка.

Самый ранний встретившийся нам пример — парные глаголы *дзвякать* и *цвякать* ‘произносить аффрикату *дз/тс* (вм. *д’* и *т’*)’, употребленные казанским историком Н. А. Ивановым в 1837 г. Пример интересен еще и тем, что автор указывает на источник, откуда он почерпнул такие глаголы, — из просторечия:

Малороссияне и Кривичи говорят Джбан, Великороссияне жбан, Малороссияне дождж, Великороссияне дощ. О Кривичах, в просторечии, говорится, что они цвякают и дзвякают, т. е. где Великороссияне и Малороссияне произносят д и т, Кривичи употребляют звуки: дз и ц [Иванов 1837: 273].

Ту же диалектную особенность филолог М. А. Максимович в своей книге 1839 г. называет *дзеканьем*. Как и Иванов, он указывает на нелитературный характер такого названия:

Это употребление звука дз Малороссияне называют дзеканьем [Максимович 1839: 127].

В 1840-е гг. диалектные особенности попадают в поле зрения художественной литературы и могут использоваться для характеристики героя произведения. Действие рассказа Н. И. Хмельницкого «Мундир», вышедшего в 1845 г., происходит в Архангельске, и автор упоминает об *оканье* героев:

Фаддей Фаддеевич был человек ловкий и грамотный, а потому и десятилетний сын его Петруша был, по тогдашнему, не дурно образован. Он отучился даже от местного оканья и начинал говорить языком порядочного человека [Хмельницкий 1845: 42].

Автор специально указывает, что это «местное» — видимо, как явление, так и само слово, которое Хмельницкий в тексте выделяет курсивом. Мы видим, что при обозначении черт народной, нелитературной речи авторы пользуются тем, что уже было в языке — фактически заимствуют диалектные слова.

И возможно, так бы и продолжалось скромное прозябание подобных словечек в литературном языке, если бы с середины века не началась словарная деятельность в сфере диалектологии. В 1851 г. в своем докладе на заседании Русского географического общества И. И. Срезневский уже безо всяких оговорок пользуется глаголами *акать* и *окать*, характеризуя говор Москвы [Срезневский 1851: 11]. Срезневский же был автором проекта первого диалектного словаря — «Опыта областного великорусского словаря». После выхода этого словаря в 1852 г. вышла рецензия В. И. Даля

под названием «О наречиях русского языка», где был дан «сжатый очерк наречий великорусского языка в том виде, как он сам их себе представлял, с указанием основных особенностей этих наречий» [Кузнецов 1958: 26]. В этом сочинении Даль уже массово «прописывает» в литературном языке всевозможные названия особенностей произнесения в диалектах гласных и согласных звуков, допуская такие суждения:

Губ<ерния> Тверская по говору самая безобразная, пестрая и смешанная <...>; здесь много Карелы, и дикой и обрусевшей, например село Василево, у Торжка. Вообще окают, дзekaют, цокают и чвакают, слышно и вместо ь, даже иногда вместо е [Даль 1852: 23].

Все эти обозначения спустя десятилетие вошли в «Словарь живого великорусского языка» Даля, и это послужило, кажется, основным фактором дальнейшего успеха словообразовательной модели в целом и большинства предложенных конкретных наименований. В. И. Даль делает систему обозначений регулярной и более пространной — придает ей черты терминологии. Во-первых, образует причастия, которые в адъективированном смысле становятся обозначением типа говоров — *акающие, цокающие* и т. п. Во-вторых, Даль стремится встроить в ту же систему и обозначение диалектоносителя: тот, кто *окает*, — *окальщик* или *окала*, тот, кто *дзekaет*, — *дзeкала* и т. д.

Этот подход стал образцом для последующих систем описания говоров в XIX в. Например, преподаватель словесности Н. И. Алябьев в своей «Практической грамматике русского языка», вышедшей в 1868 г., целиком оформил классификацию «наречий», или групп говоров, с помощью причастий. Он разделил все русские говоры на пять групп: *окающую, икающую, акающую, акающую с дзеканьем и цоканьем* и последнюю — *экающую, ыкающую, икающую и окающую* (одновременно!), обозначив так «малороссийское наречие» [Алябьев 1868: 15].

Подобные обозначения могут усложняться и дальше — входить в сложносоставные наименования, добавлять приставки. Например, в работах А. А. Потебни и А. А. Шахматова выделяются *неакающие* и *неоакающие* говоры. Характерно для периода активного терминотворчества, что каждый из авторов даже такие конкретные обозначения использует в разных значениях. Работа Потебни называется «Заметки о малорусском наречии», и *неакающие* для него — это «малорусские» говоры, т. е. говоры юго-запада восточнославянского ареала [Потебня 1871: 50]. У Шахматова наоборот — речь идет о севернорусских говорах, и он использует слово в более специальном значении, обозначая так только часть *окающих* говоров, в которых предполагаемое им «о склонное к а» не переходило в а [Шахматов 1899: 32]. Это создает некоторую путаницу, но решение

Шахматова выглядит логично, т. к. направлено на устранение дублетности терминов. В понимании Потебни *неакающий* — это то же самое, что *окающий*, а у Шахматова это единица более дробной классификации диалектного членения: есть говоры *окающие*, а есть говоры *неакающие* — и это не одно и то же.

Крайней степенью развития специальной лексики на основе причастий можно считать образование из них сложносоставных слов. В одной из работ А. И. Соболевского «белорусское наречие» названо *акающе-дзекающим* [Соболевский 1891: 70]. Но дальше всех пошел Н. М. Каринский. В работе «О говорах восточной половины Бронницкого уезда» 1903 г. ученый использует целый ряд двойных обозначений, деля говоры на *окающие-цокающие*, *акающие-цокающие* и даже *акающие-нецокающие*. В результате его описание диалектов выглядит следующим образом:

Акающие-цокающие говоры по нашему мнению следует считать результатом смешения акающих-нецокающих (южно-великорусских) с окающими-цокающими (северно-великорусскими) говорами [Каринский 1903: 35].

Эта модель образования терминов на рубеже XIX–XX вв. пережила бурное развитие, но далее ни одна из авторских систем — с усложненными составными названиями — не оказалась востребованной. В научном языке сохранились только базовые причастные обозначения типа *акающий*, *цокающий* и т. п.

По-другому развивалась судьба второго нововведения В. И. Даля — системно обозначать соответствующих диалектоносителей, взяв словообразовательные модели напрямую из просторечия — с суффиксами *-л*, *-щик*, *-ун*, типа *акала* (или *акало*), *акальщик* или *шипун* [Даль I: XXVII]. Эти термины до нашего времени не дожили, но в XIX в. они использовались в научном языке, появляясь в историко-филологических журналах. Например, ими пользуется А. А. Потебня в одной из своих рецензий:

Для характеристики говора известного околотка вовсе ненужно знать, что там встречаются и горкуши, и кардыки, и цокалы, и сюсюкалы и пр. [Потебня 1879: 773].

В другой своей работе Потебня использует подобные названия, указывая их нелитературный характер:

Королевская речь отличается от Заблудовского говора отсутствием дзеканья: поойде, поеде, буде, а не пуойдзэ, поедзэ, как в Заблудовском. Оттого соседи и прозывают одни других дэкалами и дзекалами [Потебня 1866: 141].

Примеры из работ Потебни показывают, что рассматриваемая лексическая группа в текстах XIX в. не ограничена единицами, которые использовал В. И. Даль.

Разговорное происхождение у этих слов, очевидно, ощущалось. Глаголы и образованные от них существительные, изначально взятые из говоров, даже в контексте научных работ сохраняют память о своем происхождении. Некоторые исследователи используют их с оговорками, отмечая их не вполне терминологичный характер. Например, А. А. Шахматов говорит об этом напрямую:

Для характеристики отличительных особенностей говора нашей местности существует очень меткое выражение: здесь «окают», в отличие от того говора, где преимущественное употребление буквы «а» дает основание говорить: тут «акают» [Шахматов 1896: 980].

Другие исследователи также последовательно ставят такие слова в кавычки:

«Цоканье», т. е. изменение этимологического ч в ц, тесно связано с «чваканьем», т. е. изменением этимологического ц в ч, и иногда употребляется рядом с ним [Ляпунов 1894: 5].

Помимо нелитературного происхождения нейтральному употреблению этой лексики мешает на раннем этапе и многозначность некоторых обозначений. Хорошо это заметно на примере названий особого произношения согласных звуков. Глагол *цвякать* и производное от него *цвяканье* у разных исследователей, по нашим наблюдениям, используются как минимум в четырех разных значениях: произношение *т'*, *д'* как *ц'*, *дз'* (у И. И. Срезневского), произношение только глухого *т'* как *ц'* (у Е. Ф. Карского), произношение шипящих вместо свистящих (у К. П. Петрова) и в значении цоканья — т. е. совпадения *ц* и *ч* (у Н. А. Попова)¹. В круг значений некоторых из таких названий, кроме диалектных особенностей речи, входит и обозначение дефектов речи. Ситуация осложняется тем, что авторы, не являющиеся профессиональными лингвистами, могут смешивать понятия диалектной и дефектной речи и проявлять явную оценочность при описании говора, воспринимая иное произношение звука в диалекте как неправильное и испорченное:

«Русское» население Киренского округа такое странное, что не даром местных крестьян прозвали «белыми якутами». Нужно сознаться, что

¹ Подробнее с примерами использования можно ознакомиться в словарной статье *цвякать* в [СлРЯ XIX].

кликка не совсем несправедлива. Киренцы так сюсюкают, пришепетывают и картавят, что, на первых порах, трудно догадаться, что разговор идет по-русски [Дионео 1895: 263].

Автор очерка, описывая один из говоров северо-востока Сибири, использует глагол *сюсюкать*, значение которого В. И. Даль определяет в лингвистическом ключе — «произносить з, с, ц вместо ж, ш, ч и наоборот» [Даль IV: 574], но с явной негативной окраской. В XIX в. этот глагол чаще используется не по отношению к диалектным явлениям, а именно применительно к речи людей, которые не могут выговаривать шипящие звуки, в частности к речи детей:

На правильность, чистоту и усовершенствование речи не обращается ни малейшего внимания ни в семье, ни в школе. На каждом шагу извращают и коверкают этот драгоценный дар. Один сюсюкает, другой пришепетывает, третий заикается, четвертый картавит, пятый шепелявит, шестой гнусавит, седьмой бормочет сквозь зубы, восьмой проглатывает отдельные звуки и даже целые слоги [Бродовский 1887: 37].

Таким образом, к концу XIX в. слова рассмотренного ряда еще не утратили своей изначальной просторечной окраски, хотя и имели своих сторонников среди лингвистов, склонных к их нейтральному употреблению. За первые полвека существования диалектологии как науки в ее распоряжении оказывается избыточное количество способов описания фонетических особенностей русских говоров. В дальнейшем предстояло произвести отбор — отсеять лишние, стилистически маркированные и неустойчивые по значению слова — например, такие глаголы, как *сюсюкать* или *чвакать*, исходно обозначавшие речевые дефекты и имевшие негативные коннотации; на основе нейтральной лексики выработать классификацию, которая соответствовала бы новым данным в науке: в частности, глаголы *акать* и *окать* сохранились со всеми их производными, став основой для составных терминов (*полное оканье*, *диссимилятивное аканье*). Такие процессы начинают проходить на рубеже XIX–XX вв., когда «важным шагом в развитии диалектологии стала централизация анализа диалектных данных — составление первых областных словарей, диалектологической карты русского языка и сводной грамматики говоров» [Королькова, Мызникова 2024: 290]. При систематизации диалектных данных в виде общих карт, сводных словарей и грамматик задается общий стандарт и программа диалектных исследований в России. В соответствии с ним приводятся в порядок и названия диалектных явлений.

Источники

Алябьев Н. И. Практическая грамматика русского языка для народных училищ. Ч. 2. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1868. 155 с.

Бродовский М. М. Искусство устного изложения (чтение вслух, декламация, ораторская речь и проч.). СПб.: изд. Герман Гоппе, 1887. 119 с.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863–1866.

Даль В. И. О наречиях русского языка. По поводу Опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. 72 с.

Дионео (Шкловский И. В.). На крайнем северо-востоке Сибири. СПб.: изд. Л. Ф. Пантелеева, 1895. 287 с.

Иванов Н. А. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях: ручная книга для русских всех сословий Фаддея Булгарина. СПб.: В тип. А. Плюшара, 1837. 287 с.

Каринский Н. М. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. М.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. 56 с.

Ляпунов Б. М. Несколько слов о говорах Лукояновского уезда Нижегородской губернии. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1894. 40 с.

Максимович М. А. История древней русской словесности. Кн. 1. Киев: Унив. тип., 1839. 227 с.

Потебня А. А. Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий. Воронеж: Тип. В. Гольдштейна, 1866. 156 с.

Потебня А. А. Заметки о малорусском наречии. Воронеж: Тип. В. А. Гольдштейна, 1871. 134 с.

СлРЯ XIX — Словарь русского языка XIX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xix.iling.spb.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

Соболевский А. И. Древний церковно-славянский язык: фонетика. М.: Унив. тип., 1891. 153 с.

Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Императорского русского географического общества. 1851. Ч. 1. Отд. 5. С. 1–24.

Хмельницкий Н. И. Мундир // Библиотека для чтения. 1845. Т. LXXI. Отд. 5. С. 40–43.

Шахматов А. А. Материалы для изучения великорусских говоров // Известия Отделения русского языка и словесности. 1896. Т. 1. Кн. 4. С. 952–1004.

Шахматов А. А. Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Критический отзыв. СПб.: Тип. Акад. наук, 1899. 105 с.

Литература

- Королькова М. Д., Мызникова Я. В. Из истории системного собирания и представления сведений о русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2024 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 289–323.
- Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М.: АН СССР, 1958. 76 с.
- Оссовецкий И. А. Начальные этапы развития русской диалектологии // История русской диалектологии / Отв. ред. Б. В. Горнунг. М.: АН СССР, 1961. С. 7–29.
-

References

- Korolkova M. D., Myznikova Y. V. [Several notes on the history of systemic collection and representation of Russian dialect data]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research)]. St.-Petersburg, ILS RAS Publ., 2024, pp. 289–323. (In Russ.)
- Kuznetsov P. S. *U istokov russkoi grammaticheskoi mysli* [At the origins of Russian grammatical thought]. Moscow, RAS Publ., 1958. 76 p.
- Ossovetskii I. A. [The initial stages of the development of Russian dialectology]. *Istoriya russkoi dialektologii* [History of Russian Dialectology]. Moscow, RAS Publ., 1961, pp. 7–29. (In Russ.)

«Молотком по зубилу» (история одной поэтической метафоры в творчестве Н. Асеева и В. Сосноры)

Екатерина Владимировна Болнова, Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород), eka332@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725030077

АННОТАЦИЯ: В статье обращается внимание на метафору «молотком по зубилу», встречающуюся в художественных (стихотворение «Мы будем, мы будем...») и эпистолярных (письмо Д. С. Лихачеву) текстах Н. Асеева в тех случаях, когда речь идет о поэте В. Сосноре, в судьбе которого Н. Асеев сыграл важную положительную роль. Не без помощи Н. Асеева были опубликованы первые поэтические сборники В. Сосноры. При этом метафора «молотком по зубилу» неоднократно используется и самим В. Соснорой в поэтических («Гимн зубилу», «Ремонт моря») и прозаических произведениях («День зверя», «Дом дней»). Кроме того, данное словосочетание встречается в воспоминаниях поэтессы Е. Иоффе о В. Сосноре, переданных Н. Королевой. Обращение к обозначенной метафоре обусловлено, с одной стороны, биографией В. Сосноры, который после армии некоторое время работал слесарем на заводе. С другой стороны, метафора «молотком по зубилу» становится элементом творческого диалога В. Сосноры с Н. Асеевым в разрешении вопроса о назначении поэта и поэзии. Делается вывод о переходе словосочетания «молотком по зубилу» в сферу индивидуально-авторской фразеологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. Асеев, В. Соснора, метафора, поэтический диалог, индивидуально-авторская фразеология

для цитирования: Болнова Е. В. «Молотком по зубилу» (история одной поэтической метафоры в творчестве Н. Асеева и В. Сосноры) // Русская речь. 2025. № 3. С. 100–110. DOI: 10.31857/S0131611725030077.

The Language of Fiction

“With a Hammer on a Chisel” (the Story of a Poetic Metaphor in the Works of N. Aseev and V. Sosnora)

Ekaterina V. Bolnova, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod),
eka332@yandex.ru

ABSTRACT: The article draws attention to the metaphor of “hammer on chisel” found in artistic (poem “We will, we will...”) and epistolary (letter to D. S. Likhachev) N. Aseev’s texts in those cases when it comes to the poet V. Sosnora, in whose fate N. Aseev played an important positive role. It was not without the help of N. Aseev that the first poetry collections of V. Sosnora were published. At the same time, the metaphor “hammer on a chisel” is repeatedly used by V. Sosnora himself in poetic (“Hymn to the Chisel”, “Repair of the Sea”) and prose works (“Day of the Beast”, “House of Days”). This phrase is also found in the memoirs of the poetess E. Ioffe about V. Sosnora, as told by N. Koroleva. The appeal to this metaphor is due, on the one hand, to the biography of V. Sosnora, who worked for a while as a locksmith at a factory after the army. On the other hand, the metaphor of “hammer on chisel” becomes an element of the creative dialogue between V. Sosnora and N. Aseev in resolving the issue of the purpose of the poet and poetry. The conclusion is made about the transition of the phrase “hammer on chisel” into the sphere of individual authorial phraseology.

KEYWORDS: N. Aseev, V. Sosnora, metaphor, poetic dialogue, individual author’s phraseology

FOR CITATION: Bolnova E. V. “With a Hammer on a Chisel” (the Story of a Poetic Metaphor in the Works of N. Aseev and V. Sosnora). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 3. Pp. 100–110. DOI: 10.31857/S0131611725030077.

Николай Асеев сыграл важную роль в судьбе молодого ленинградского поэта Виктора Сосноры, поэтому неудивительно, что история их личных и художественных взаимоотношений уже попадала в фокус внимания исследователей [Лощилов, Соснора 2022]. Однако творческий диалог данных авторов еще практически не изучен. Далеко не все частные случаи художественных заимовлияний были зафиксированы и отмечены литературоведами и лингвистами. Одним из примеров творческого диалога Н. Асеева и В. Сосноры является их обращение к метафоре «молотком по зубилу».

В. Соснора — крупнейший поэт второй половины XX в., творчество которого начинает систематически осмысляться в последние годы, чему немало способствовало издание трехтомного собрания сочинений автора в 2018 г. К анализу особенностей поэтического языка Сосноры обращались многие исследователи, в том числе Л. В. Зубова. В статье «Синекдоха в поэзии Виктора Сосноры» [Зубова 2009] автор приходит к следующему выводу: «Соснора — поэт, еще не прочитанный культурой. Дело даже не в том, что первое аутентичное по составу и внутренней композиции издание стихов Сосноры появилось только в 2006 году. Дело в абсолютной индивидуализированности языка поэта и соответственно — предельной семантической сложности. “Язык Сосноры — не филологическая метонимия, а реальность. Здесь нет нетрансформированных слов”. Прав А. Арьев: язык Сосноры — “это язык становления, намечающейся связи, известной единственно творцу. Изнутри его легче понять, чем снаружи»» [Зубова 2009]. Если в статье Л. В. Зубовой внимание уделяется синекдохе как разновидности метонимии, то в работе К. М. Балашова-Ескина акцент делается на обращении Сосноры к метафорам в поэтическом сборнике «Дева-рыба» [Балашов-Ескин 2020]. Автор отмечает многоуровневость метафор Сосноры, а также их усложнение через аллюзии и поэтические диалоги. При этом, говоря о поэтическом языке Сосноры, важно учитывать и биографический контекст при осмыслении значения отдельных средств художественной выразительности. На этом сходятся все исследователи творчества поэта. Так, говоря об употреблении названий металлов

Работа тяжелая,
трудная очень,
но труд этот прочен,
всей жизнью оплочен [Асеев 1964: 175].

В следующую далее, предпоследнюю строфу автор вносит одно лексическое изменение. Эпитет «живой» («...всех прожитых лет // живой отпечаток» [Асеев 1961: 6]) заменяет на «стальной» («...всех прожитых лет // стальной отпечаток» [Асеев 1964: 175]). Можно предположить, что на данную замену косвенно повлиял тот факт, что неназванный в собрании сочинений адресат стихотворения — Виктор Соснора — после армии, как уже говорилось, работал на заводе.

Н. Асеев сыграл важную положительную роль в судьбе молодого поэта В. Сосноры, поспособствовав, в частности, выходу в печать его первых сборников. Предисловие Д. Лихачева к сборнику «Всадники» также появилось благодаря Н. Асееву. Его стихотворение «Молотком по зубилу» является, с одной стороны, заветом состоявшегося поэта поэту, начинающему свой творческий путь, с другой стороны, признанием таланта молодого литератора и включением его в круг избранных поэтов, способных оставить ощутимый след в искусстве. Подобные поэтические наставления-послания отнюдь не новы и являются жанром настолько традиционным, что не нуждаются в выстраивании генеалогии претекстов.

В случае со стихотворением Н. Асеева интересной представляется метафора, к которой прибегает автор, обращаясь к молодому поэту:

Молотком по зубилу,
удар за ударом... [Асеев 1964: 175].

Эта метафора повторяется в стихотворении в двух строфах. Н. Асеев, как и Д. Лихачев, поддерживавшие первые шаги поэта, педалировал рабочую специальность своего протеже, ведь это могло помочь публикации его сборников. Следовательно, метафоры, уподобляющие поэтическую деятельность работе на заводе, в данном случае обоснованы в том числе и биографически.

С точки зрения литературной генеалогии подобные производственные метафоры также не новы и отработаны футуристами, к числу которых в молодые годы принадлежал и Н. Асеев. Однако не лишенной основания выглядит и интерпретация, связанная с повышенной семантической значимостью звукописи в стихах В. Сосноры. В его дневниках неоднократно встречаются рассуждения о том, что в поэзии самое главное — звучание, именно оно способно влиять на читателей. С данной творческой установкой самого В. Сосноры может быть связан акцент на звучании поэтического

текста, оказывающем сильное воздействие на любого воспринимающего, в стихотворении Н. Асеева:

Молотком по зубилу,
удар за ударом,
чтоб слышимо было
и юным и старым!
Молотком
по зубилу,
удар за ударом,
чтоб понято стало
всем земным шаром! [Асеев 1964: 175]

Словосочетание «молотком по зубилу» в начале 1960 г. используется Н. Асеевым не только в указанном стихотворении. В письме Лихачеву от 25 ноября 1961 г. Н. Асеев пишет о В. Сосноре: «Я очень хочу, чтобы Вы взяли шефство над очень талантливым поэтом-ленинградцем, замечательно понимающим значение и роль летописного искусства, которое он бережно переносит в практику своих стихов. Переносит не стилизуя, не подделываясь под тогдашний строй речи, но проникая в нее со всей чуткостью поэта. Чтобы характеризовать его творческую особенность, приведу только один абзац его недавнего письма ко мне.

“...Странно — когда я сажусь за современные стихи я фантазирую; когда сажусь за исторические — вижу все до того реально, до того зримо, что хочется оттолкнуться от летящей стрелы (сохранена пунктуация оригинала. — Е. Б.)”.

Согласитесь, что так и в художественном произведении не напишет так четко, даст такой образ, каким Виктор Александрович Соснора — так его мимоходом обмолвливается в простом письме. И вот он вынужден работать слесарем на одном из заводов Ленинграда, стуча **молотком по зубилу** (курсив мой. — Е. Б.), хотя он на это и не жалуется. Однако для стихов это не подмога. Он молод, только недавно пришел с военного обучения, пишет очень много, но напечататься для него почти “не показано”. Все редакции берутся за голову, — дескать, куда нам стихи тематикой 1111 года! Наконец я пробил стену и добился принятия его тысячи строк в издательстве Совпис в Ленинграде» [Самойлова (ред.) 1980: 267–268]. Таким образом, словосочетание «молотком по зубилу» не является случайным или проходным для Н. Асеева: через него поэт осмысляет жизненный и творческий путь молодого литератора В. Сосноры.

Не только Н. Асеев использует словосочетание «стучать молотком по зубилу», говоря о работе В. Сосноры на заводе. Оно встречается и в статье

Н. Королевой «О Викторе Сосноре и его стихах»: «Из письма нашей общей приятельницы того времени, поэтессы Елены Иоффе: “Мы познакомились с Витей во время моей первой работы после окончания института. Я была послана технологом цеха на Невский машиностроительный завод. Его мать <...> работала в отделе технического обучения. Она устроила Витю в цех контрольно-измерительных приборов — КИП — электриком. Их цех находился рядом с нашим технологическим бюро, и Витя частенько отсиживался у нас в комнате. Он ходил в замурзанной робе, таскал с собой какие-то инструменты. Посидев у нас какое-то время, он произносил: “Ну все, пойду стучать **молотком по зубилу**” (курсив мой. — Е. Б.). И не спеша удалялся. Он мне показывал и поэму, посвященную его Марине, и первые стихи на темы “Слова”. Я была изумлена этим поворотом от современности и спросила, как он на это вышел. Он сказал, что как-то услышал в трамвае, как кто-то сказал: “Ярослав, передай билет”. И завертелось: Ярослав, Ярославна и т. д. Я ему поверила, ведь так бывает у поэтов — от слова, от музыки. <...> Ева Вульфовна, его мама, очень им гордилась, рассказывала: “Вчера звонил Асеев, он называл его Виктор Александрович”. К сожалению, написанное им позднее во мне не отзывчивало, как я ни старалась понять и полюбить”» [Королева 2007].

Исходя из приведенного фрагмента воспоминаний Иоффе, можно предположить, что данная конструкция для самого В. Сосноры связывалась с вынужденным, подневольным механическим трудом, противоположным вдохновенному труду поэта, таким образом словосочетание «молотком по зубилу» становится индивидуально-авторским фразеологизмом.

Сам В. Соснора неоднократно обыгрывает данную речевую конструкцию и ее отдельные элементы в собственных художественных текстах, но в ином, чем Н. Асеев, ключе. Так, в 1962 г. он пишет стихотворение «Гимн зубилу» [Соснора 2018: 186–187], в котором обращается к метафоре, предложенной в качестве ориентира Н. Асеевым, существенно переосмысляя ее. Текст начинается утверждением того пафоса, которым проникнуто стихотворение Н. Асеева:

Зубилом быть!
Быть злобным, белозубым,
заботливым о судьбах производства,
звучать произведением труда!

Однако данный образ поэта автором воспринимается как навязанный, несоприродный, что раскрывается, во-первых, через отказ от приложения

его к собственному поэтическому «я». «Зубилом» в стихотворении В. Сосноры может выступать только «он» — некто отличный от лирического героя стихотворения:

Он нынче полон пламенным желаньем
зубилом быть!
Рубить по начертаньям
начитанных, умелых чертежей
любой узор на розовом железе!

Во-вторых, гротескный сатирический тон стихотворения раскрывает истинное отношение автора данных строк к подобной поэзии, таким образом, «гимн зубилу» оборачивается полной противоположностью — антигимном. Возможно, «Гимн зубилу» стоит интерпретировать как поэтический полемический ответ Н. Асееву.

В сценах «Ремонт моря», которые были написаны примерно в это же время (1961–1963 гг.), метафора, впервые прозвучавшая в стихотворении Н. Асеева, возникает дважды. Первый раз в реплике третьего слесаря:

«3-ий Слесарь:

Очень уж однообразная у нас жизнь: все молоток да зубило, зубило да молоток. Давай хоть будем называть друг друга Николя. Для романтики» [Соснора 2018: 252].

Второй раз в речи Алгебраиста в сцене взаимных упреков героев:

«1-ый Слесарь:

Нет, не капитан виноват. Это виноват Алгебраист. Зачем он занимался вычислениями, когда мы жили хорошей, белой жизнью.

Алгебраист:

Ты тоже виноват, Слесарь, и твои три друга виноваты. Зачем вы стучали молотком по зубилу» [Соснора 2018: 262].

Метафора «молотком по зубилу» встречается и прозе В. Сосноры. В «Доме дней» (1986 г.) во фрагменте, озаглавленном «Николай Асеев», В. Соснора вновь обращается к метафоре «стучать молотком по зубилу»; это свидетельствует о том, что спустя долгие годы данные образы связывались автором с историей взаимоотношений, творческих и личных, с Н. Асеевым: «Я был раб и пришел к нему с бриллиантом вместо галстуха. Он не поверил, что перед ним — раб. Он сказал мне слово, как Высшему Существу, которое выстукивает ноту за нотой алмазом по серебру. Но это молоток и зубило, из рабовладения. Я был продан в 18 (лет), а он меня выкупил из рабства своим жестом — в 27! Он поставил поэтику на

колени предо мною и сказал им: — Вы — денщики, а он — офицер Бога, из бриллиантов! Чисть Ему сапог, неумытое рыло!

А потом он кричал, как ночь на мир:

— Пред Вами — Явление, Иоанн Новый, Лермонтов нео-вин! Он поднял полки и зажег костры. Но штурм не вышел. Все его полки погибли.

— Ну, в-о-о-т! Да! — сказал Асеев, задумчиво, склонив голову на крыло.

— Продажные шкуры! — сказала Ксана.

— Кошачьи шкуры! — сказал Асеев, с крыла, — неценные, кошки.

Раб вышел из рабов, и не мог он уж жить от ужаса в свободном мире, и пел только в полях, чтоб никто не подставил стул; стоя.

О если б! — стоять в дверях ада и петь головою скал! Без человечины! С соловьем в свите! С поясом из ценных роз! Двадцатитрехлетним! Иду, красивый, сорокадевятилетний...» [Соснора 2001: 599–600].

В приведенном фрагменте метафора «стучать молотком по зубилу» напрямую связана с рабским трудом, именно в этом ключе герой, alter ego автора, воспринимает свой труд на заводе, а Н. Асеева, помогшего ему стать признанным поэтом, давшего возможность жить писательским трудом, воспринимает как человека, выкупившего его из рабства.

Таким образом, речевая конструкция «стучать молотком по зубилу», связанная с работой В. Сосноры на заводе, возникала в его разговорах с друзьями, вероятно, и в разговорах с Н. Асеевым, происходивших в это же время. В данный момент представляется затруднительным установить, кто первым использовал данную фразу, однако она прочно закрепилась в памяти и В. Сосноры, и Н. Асеева. Из разговоров данная конструкция перебралась в письма Н. Асеева Д. Лихачеву, рассказывающие о судьбе молодого поэта. Но, как это часто бывает, удачно найденный оборот из речи переключивается в поэтическое высказывание. Так метафора «молотком по зубилу» обнаруживается и в стихах Н. Асеева, и в поэтических и прозаических текстах В. Сосноры. Однако семантическое наполнение данной метафоры выглядит не просто различным, а противоположным, что обусловлено в большей степени разницей во взглядах пожилого Н. Асеева и В. Сосноры на назначение поэзии и место поэта в мире, на что сам В. Соснора указывает во фрагменте «Николай Асеев» в «Доме дней»: «Он жил в высшем идеализме — и как эстет, и как фантазер, что поэзия кому-то и зачем-то нужна. Его глобальная ошибка — он верил в народ, он вообразил неэвклидова читателя» [Соснора 2001: 598]. Сам В. Соснора чаще склоняется к эстетизации искусства, к теории «чистого искусства».

Е. В. Болнова. «Молотком по зубилу» (история одной поэтической метафоры в творчестве Н. Асеева и В. Сосноры)
E. V. Bolnova. "With a Hammer on a Chisel" (the Story of a Poetic Metaphor in the Works of N. Aseev and V. Sosnora)

Источники

Асеев Н. Н. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. Стихотворения и поэмы 1941–1963. Переводы. М.: Художественная литература, 1964. 594 с.
Соснора В. Проза: Романы. СПб.: Амфора, 2001. 767 с.
Соснора В. Стихотворения. СПб., М.: Пальмира, 2018. 910 с.
Асеев Н. Н. Признания // Огонек. 1961. № 1. 43 с.

Литература

Балашов-Ескин К. М. «О, мания метафор!»: стиливые особенности метафоры в книге В. А. Сосноры «Дева-рыба» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 1 (37). С. 147–154.
Зубова Л. Синекдоха в поэзии Виктора Сосноры // Новое литературное обозрение. 2009. № 3 (97). [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/3/sinekdoha-v-poezii-viktora-sosnory.html?ysclid=m4l3w7xbx980948025> (дата обращения: 12.12.2024).
Зубова Л. Металлы Виктора Сосноры // Новое литературное обозрение. 2019. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/6/metally-viktora-sosnory.html?ysclid=m4l3ytkoja965287506> (дата обращения: 12.12.2024).
Королева Н. О Викторе Сосноре и его стихах // Звезда. 2007. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/9/o-viktore-sosnore-i-ego-stihah.html?ysclid=lzl729ees4918057051> (дата обращения: 11.12.2024).
Лоцилов И., Соснора Т. Асеев о Сосноре – Соснора об Асееве: к эдиционной истории книги «Январский ливень: Стихи» (1962) // Восемь великих. М.: РГГУ, 2022. С. 551–560.
Новиков В. И. Роман с литературой. М.: Intrada, 2007. 282 с.
Самойлова М. И. (ред.). Воспоминания о Николае Асееве: сборник. Сост. К. М. Асеева, О. Г. Петровская. М.: Советский писатель, 1980. 304 с.

References

Balashov-Eskin K. M. ["Oh, metaphor mania!": stylistic features of metaphor in V. A. Sosnora's book "Virgo-Pisces"]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, 2020, no. 1 (37), pp. 147–154. (In Russ.)
Koroleva N. [On Victor Sosnor and his poems]. *Zvezda*, 2007, no. 9. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/9/o-viktore-sosnore-i-ego-stihah.html?ysclid=lzl729ees4918057051> (accessed 11.12.2024).

- Loshchilov I., Sosnora T. [Aseev about Sosnor – Sosnora about Aseev: towards the traditional history of the book “January Downpour: Poems” (1962)]. *Vosem’ velikikh* [The Eight Great Ones]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2022, pp. 551–560. (In Russ.)
- Novikov V. I. *Roman s literaturoi* [Love affair with literature] Moscow, Intrada Publ., 2007. 282 p.
- Samoilova M. I. (ed.). *Vospominaniya o Nikolae Aseeve: sbornik* [Memories of Nikolai Aseev: a collection]. Sost. K. M. Aseeva, O. G. Petrovskaya. Moscow, Sovetskii Pisatel’ Publ., 1980. 304 p.
- Zubova L. [Synecdoche in the poetry of Victor Sosnora]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no. 3 (97). (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/3/sinekdoha-v-poezii-viktora-sosnory.html?ysclid=m4l3w7xbx980948025> (accessed 12.12.2024). (In Russ.)
- Zubova L. [Viktor Sosnora's Metals]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, no. 6. (In Russ.) Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2019/6/metally-viktora-sosnory.html?ysclid=m4l3ytkoja965287506> (accessed 12.12.2024). (In Russ.)

Скорость деклинации частоты основного тона в русском стихотворном тексте

Александр Эдмундович Костюк¹, Татьяна Владимировна Скулачева²,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), kostyuk.ae@gmail.com¹,
skulacheva@yandex.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725030083

АННОТАЦИЯ: В статье предлагается сравнительный анализ параметра скорости деклинации в стихотворной строке и предложении прозаического текста. Явление деклинации в звучащей речи — это постепенное понижение уровня частоты основного тона от начала произнесения фразы к ее концу. По всей видимости, деклинация является одним из естественных свойств речевого интонационного паттерна (подобные явления наблюдались в криках младенцев и приматов), хотя с помощью определенного усилия данный эффект можно нейтрализовать, при наличии соответствующей интенции. Отдельное внимание уделяется вопросу о необходимости выделения деклинационных явлений в интонационных исследованиях, предлагается краткий обзор существующих взглядов на деклинацию, формулируются различные подходы к ее описанию. В работе приводятся основные методы вычисления данного параметра, стандартные исходные формулы и алгоритмы. Доказано соответствие скорости деклинации стихотворной строки ожидаемым универсальным значениям данного параметра; зафиксирована повышенная стабильность деклинации и отсутствие значимых деформаций ее начального сегмента в стихе относительно прозы. Представлены результаты сопоставительного анализа для конечных значений частоты основного тона в стихе и в прозе. Отдельно предлагаются результаты сопоставительного анализа скорости деклинации в стихотворных

текстах различной метрической структуры; подчеркивается, что скорость деклинации в целом практически не зависит от ритмики стиха. Обнаружена тенденция стихотворной строки к сохранению интонационного единства независимо от своей структуры. Поднимается вопрос о возможности преобладания стремления стихотворной строки к целостности над остальными лингвистическими параметрами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: структура стихотворной строки, звучащий стих, деклинация, линия деклинации, деклинационные явления, скорость деклинации, частота основного тона (ЧОТ), F_0

для цитирования: Костюк А. Э., Скулачева Т. В. Скорость деклинации частоты основного тона в русском стихотворном тексте // Русская речь. 2025. № 3. С. 111–125. DOI: 10.31857/S0131611725030083.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-28-01812.

The Language of Fiction

Pitch Declination Rate in Russian Verse

Alexander E. Kostyuk¹, Tatyana V. Skulacheva², Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), kostyuk.ae@gmail.com¹, skulacheva@yandex.ru²

ABSTRACT: The paper provides a comparison of pitch declination rate in a verse line and a prosaic sentence. Pitch declination in speech is a gradual lowering of pitch from the beginning to the end of each phrase. Declination seems to be one of the natural characteristics of speech intonation pattern. This phenomenon is observed in baby cries and primate vocal signals as well, though certain intentional efforts may deliberately prevent it. The article discusses the necessity of the pitch declination analysis in intonation studies and reviews existing views on declination and different approaches to its description. The basic methods of its calculation, standard formulas and algorithms are presented. We have found that declination rate in verse meets the expected values for this parameter. The paper also observes and

describes the high consistency of the declination phenomenon and the absence of its considerable deformations in its initial segment in comparison to prose. The results of the comparative analysis for the pitch offset levels in verse and prose are presented. The article also describes the results of comparing pitch declination in verse texts of different structure. We have shown that declination rate does not normally depend on rhythmical peculiarities of the verse. The tendency towards preserving its gradually descending intonational structure dominates over other linguistic parameters.

KEYWORDS: verse line structure, verse recitation, declination, declination line, declination phenomenon, declination rate, pitch, F_0

FOR CITATION: Kostyuk A. E., Skulacheva T. V. Pitch Declination Rate in Russian Verse. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 3. Pp. 111–125. DOI: 10.31857/S0131611725030083.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article is written within the RSF grant project № 23-28-01812.

Настоящая статья посвящена некоторым особенностям фонетической организации стихотворной строки — основной, базовой единицы стихотворного текста.

Еще задолго до появления методов точного компьютерного измерения частоты основного тона (ЧОТ, F_0) в фундаментальной работе [Pike 1945] можно найти описание некой «общей закономерности понижения среднего уровня ЧОТ в пределах одного предложения». Пайк отметил, что уровень тона, перцептивно воспринимаемый как «ровный», при измерении на самом деле демонстрирует постепенное последовательное понижение уровня ЧОТ на каждом из слогов от начала сегмента к его концу, предлагая для этого явления термин «drift». Сегодня благодаря работе [Cohen, 't Hart 1965] это явление широко известно под названием «деклинация». Для ее описания повсеместно используется специальный фонетический конструкт, представляющий собой две деклинационные линии: «top line» (верхняя) и «baseline» (нижняя) соответственно. Угол наклона данных линий и степень их сближения от начала высказывания к его концу представляют собой основные количественные характеристики деклинационных явлений.

Исходно формально описанная в первую очередь для задачи автоматического синтеза звучащей речи (в [Mattingly 1966] отмечается резкая

«неестественность» звучания синтезированных интонационных контуров, лишенных деклинационных явлений), деклинация быстро стала предметом оживленных дискуссий и многочисленных исследований. Крайне важным вопросом оказалась степень контролируемости деклинации — предположительно обусловленная физиологически неконтролируемыми механизмами (в качестве физиологического коррелята деклинационных явлений предлагается уровень подсвязочного давления при фонации, см. [Collier 1975]), деклинация, по всей видимости, все же в определенной степени поддается контролю со стороны говорящего. Так, в работах [Thorsen 1980] и [Heuven, Naan 2000] показано отсутствие деклинационных явлений в вопросительных предложениях в нидерландском и датском языках, что свидетельствует о потенциальной коммуникативной функции данного явления. Более того, наличие деклинации было зафиксировано в последовательных криках приматов [Hauser, Fowler 1992] — независимо от степени ее контролируемости, деклинация ЧОТ совершенно очевидно является крайне важным элементом интонационного контура высказывания.

Отдельный интерес представляет собой проблема описания деклинационных явлений в мелодической структуре стихотворной строки. Деление на строки — самый устойчивый, базовый признак стиха, который не исчезает вплоть до самой границы с прозой, и в рамках текущего исследования предлагается обратить особое внимание именно на этот уровень организации текста как на основной и, гипотетически, перцептивно наиболее значимый. Стихотворный текст (независимо от своей ритмической структуры) имеет целый ряд особенностей на всех лингвистических уровнях, в первую очередь направленных на создание определенного воздействия на читателя. Мелодическая структура звучащего стихотворного текста (в стандартном информантском чтении, об особенностях авторского и актерского чтения см. [Янко 2015]) явным образом тяготеет к некому единообразию, большинство строк следуют определенному паттерну, заметному при прослушивании озвученных стихотворных текстов даже без использования специального инструментального анализа. Так, например, выделенные в работе [Златоустова 1981] «завершители интонационных типов» были в дальнейшем адаптированы в [Ерешко 1996; Скулачева 1996] для описания единообразности интонационного оформления стихотворной строки с обязательным сужением диапазона для конечного снижения тона.

Некоторые мелодические особенности строки озвученного стихотворного текста уже были частично описаны нами в более ранних работах: были найдены такие перцептивно значимые признаки, как сужение тонального диапазона, максимальное тональное выделение первого ударного

слога и низкая частотность конечных граничных тонов ([Костюк 2017]). В [Кривнова, Костюк 2020] мы обратились к тональному коридору и структуре деклинационных линий для сравнительного анализа стихотворной строки и синтагмы прозаического текста. В настоящей работе предлагается использование методики из работы [Maeda 1976] для определения угла наклона нижней деклинационной линии применительно к строке стихотворного текста и сравнение полученных данных с аналогичными показателями для прозаических текстов.

Данное исследование проведено на материале собранного нами ранее корпуса озвученных стихотворных текстов в чтении дикторов женского пола без профессионального актерского образования. В качестве материала для корпуса были отобраны стихотворные тексты нескольких авторов, сортированные по своей метрической структуре на четыре сбалансированные по объему группы:

- 1) Классический силлабо-тонический стих:
 - А. С. Пушкин
«19 октября» (пятистопный ямб)
 - Н. А. Некрасов
«Перед дождем» (четырёхстопный хорей)
 - О. Э. Мандельштам
«За то, что я руки твои не сумел удержать...» (трехстопный амфибрахий)
 - А. А. Блок
«Днем вершу я дела суеты...» (трехстопный анапест)
- 2) Равнострочный рифмованный дольник:
 - А. А. Блок
«Дух пряный марта был в лунном круге...»
«Девушка пела в церковном хоре...»
 - А. А. Ахматова
«Новогодняя Баллада»
 - О. Э. Мандельштам
«Отчего душа — так певуча...»
- 3) Неравнострочный белый дольник и тактовик:
 - В. В. Хлебников
«Я видел юношу-пророка...» (неравнострочный белый тактовик)
«Пасха в Энзели» (неравнострочный белый дольник)
 - М. А. Кузмин
«Александрийские песни — 1» (неравнострочный белый тактовик)
«Александрийские песни — 2» (неравнострочный белый тактовик)

4) Неравнострочный белый акцентный стих (без ограничения на длину интервала):

В. В. Хлебников

«Я не знаю, Земля кружится или нет...»

«Праотец»

И. А. Бродский:

«Пьеса с двумя паузами для сакс-баритона» (фрагмент)

«Памяти Феди Добровольского» (фрагмент)

Для проведения сравнительного инструментального анализа нами также были записаны отрывки из прозаических произведений, коррелирующих с созданной выборкой стихотворений по дате написания:

А. С. Пушкин «Капитанская дочка» (фрагмент), 1836 г.;

Н. В. Гоголь «Мертвые души» (фрагмент), 1842 г.;

А. П. Чехов «Анна на шее» (фрагмент), 1895 г.;

М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» (фрагмент), 1940 г.;

В. Г. Распутин «Уроки французского» (фрагмент), 1973 г.

Запись производилась в лабораторных условиях на профессиональном оборудовании (Tascam) в помещении со звукоизоляцией. Акустический анализ проводился на материале фрагмента корпуса продолжительностью около 2 часов. Для анализа использовалось программное обеспечение Praat. Корпус был аннотирован вручную, к стандартной слоговой разметке добавлены маркировки ударных слогов (*) и пограничных тонов (%) в соответствии с обозначениями, принятыми в стандарте просодической разметки ToBI [Pierrehumbert 1980; Silverman 1992].

Методически настоящее исследование в первую очередь опирается на работу [Maeda 1976]. С. Маэда отметил, что конечное значение ЧОТ («offset») для каждого из дикторов с учетом небольшой погрешности является постоянной величиной [Maeda 1976: 55]. На тот момент относительно универсальный характер деклинационных явлений уже был зафиксирован в целом ряде работ на материалах различных языков ([Cohen and t'Hart 1967], [Ohman 1965, 1967], [Fujisaki and Sudo 1971], [Vaissiere 1971]). Учитывая линейную структуру деклинации, измерение ее количественных показателей было вопросом времени — С. Маэда в своей работе предложил описание через параметр угла наклона. Для измерения степени наклона деклинационной линии он предложил формулу $r = \Delta F/t$, где t — длительность звучания сегмента, ΔF — разность начального и конечного значения ЧОТ для сегмента, а r — собственно скорость деклинации [Maeda 1976: 53].

Отдельно следует отметить размерность величин, предлагаемых в данной формуле. Безусловно, в качестве стандартного способа измерения времени используются секунды (с) и миллисекунды (мс), однако ЧОТ может измеряться как в герцах (Гц), так и в полутонах (semitones) в зависимости от текущей задачи. Полутон как относительная величина (в отличие от абсолютных измерений в герцах) в первую очередь успешно решает проблему различных тональных диапазонов у разных информантов, позволяя сравнивать совершенно различные голоса в одной группе (например, мужские и женские). Соответственно, параметр r также может измеряться как в герцах, так и в полутонах в секунду.

В работе [Maeda 1976] автор приводит данные в абсолютных величинах для каждого отдельного информанта. Однако в более поздних работах предложена несколько иная формула для вычисления скорости деклинации, уже в полутонах за единицу времени — для универсальной применимости к любому материалу [Cohen et al. 1982: 264]:

$$\begin{aligned} D1 &= -8,5/t && \text{при } t > 5 \text{ сек,} \\ D2 &= -11/(t + 1,5) && \text{при } t \leq 5 \text{ сек} \end{aligned}$$

Важным отличием данной формулы является ее способность предсказывать скорость деклинации исключительно на основании параметра длительности звучания рассматриваемого сегмента, независимо от тонального диапазона конкретного информанта или синтаксической и семантической структуры прочитанного им предложения. Отметим также, не вдаваясь в теорию просодических швов (подробнее о распределении пауз различной длительности см. в [Кривнова, Князев, Моисеева 2016]), что обе вышеупомянутые работы для вычисления деклинации рассматривали сегменты между просодическими швами размера 3–5, в большинстве случаев соответствующие предложениям.

В рамках настоящего исследования мы отобрали фрагмент исходного звучащего стихотворного корпуса для подробного инструментального анализа. Ниже приводятся усредненные данные для вычисления скорости деклинации в стихотворной строке для четырех информантов (табл. 1):

Таблица 1. Скорость деклинации в стихотворной строке

Table 1. Declination rate in verse

	r (Гц/сек)	t (сек)	ΔF (Гц)	F_{onset} (Гц)	F_{offset} (Гц)
Информант 1	10,5	2,47	26	186	160
Информант 2	12,3	2,34	29	226	197
Информант 3	11,0	2,55	28	203	175
Информант 4	9,8	2,54	25	194	169

В рамках данной статьи предлагаем обозначать начальную точку для измерения как F_{onset} , а конечную — как F_{offset} . Промежуток между ними — собственно время t звучания сегмента; r вычисляется по формуле $r = \Delta F/t$ [Maeda 1976].

Для всех информантов можно наблюдать крайне сходные значения параметра скорости деклинации, независимо от их исходного диапазона или тембра голоса. Небольшое отклонение от общей картины наблюдается только у одного из информантов, что объясняется меньшей средней длительностью прочтения и более высокой скоростью чтения в целом.

Следует отметить, что в данном исследовании все измерения параметров деклинации, ее скорости и особенностей основаны исключительно на нижней деклинационной линии («baseline»). Именно данную линию принято считать основной; часть исследователей выдвигала гипотезы об отсутствии необходимости во второй верхней линии, выводя ее из нижней логарифмически ([Cohen et al. 1982]). Тем не менее существуют работы, опирающиеся исключительно на ударные слоги и верхнюю линию деклинации ([Kocharov et al. 2015]). Кроме того, далеко не всегда интонационные контуры строго следуют своей линейной деклинационной основе: в той же работе [Cohen, t'Hart 1967] упомянуты случаи «нестандартного» поведения интонационных контуров с высокой длительностью сегмента. Авторы предлагают в таких случаях либо выделять начальный отрезок как отдельный сегмент с собственной скоростью деклинации, либо считать скорость деклинации с «момента выравнивания», задавая ΔF как разницу между этой точкой и конечной и вычитая из суммарной длительности сегмента отрезок до этого самого момента.

Безусловно, все эти решения далеки от идеала, поскольку противоречат исходной концепции об универсальности деклинации. С другой стороны, если принять во внимание возможность контроля степени деклинации со стороны говорящего, ее возможная неоднородность и все потенциальные деформации укладываются в эту концепцию. Более того, учитывая частое наличие подобных резких начальных падений в длительных сегментах, можно предположить, что начальное усиление деклинации тоже является относительно универсальным явлением. Часть работ ([Cohen et al. 1982]) объясняла это с точки зрения принципа look-ahead: стабильная и ровная деклинация появляется только в тот момент, когда говорящий может «увидеть» конец высказывания (стратегия опережения).

Для нас представляется значимым практически полное отсутствие подобных случаев в рассмотренном материале. С одной стороны, данный феномен может объясняться небольшой средней длительностью сегмента — однако в работе [Maeda 1976: 66] указан случай резкого падения

на начальной секунде у сегмента суммарной длительностью в 3 секунды. Даже с учетом поправки на более высокую среднюю длительность высказывания для русского языка относительно английского, в нашем корпусе встречались строки длительностью более 4 секунд. При этом высокий начальный подъем на первом ударном слоге был описан еще в [Костюк 2017] — и тем не менее существенных интонационных словов внутри строки систематически не наблюдается. Можно предположить, что стихотворная строка стремится к сохранению своей целостности и интонационного единства при прочтении, поскольку воспринимается говорящим как единый целостный объект.

В рамках исследования также была выдвинута гипотеза, что параметр скорости деклинации может варьироваться в зависимости от ритмической структуры стиха. Обусловлено это полученными в [Костюк 2023] данными, согласно которым расстояние между верхней и нижней деклинационными линиями в среднем уменьшается с ростом расшатанности ритмической структуры (на 10–15% при переходе от классического стиха к неравнострочному белому акцентному), однако и сужение между ними также уменьшается (на 25–40%), т. е. деклинационные линии больше стремятся к параллельности. Ниже приводятся усредненные значения скорости деклинации r , вычисленные по той же формуле, для различных метрических типов стиха (табл. 2):

Таблица 2. Скорость деклинации для стихотворных текстов, сортированных метрически

Table 2. Declination rate for rhythmically grouped texts

	Классический стих (г, Гц)	Равнострочный рифмованный дольник (г, Гц)	Неравнострочный белый дольник (г, Гц)	Неравнострочный белый акцентный стих (г, Гц)
Информант 1	12,2	11,3	9,6	8,6
Информант 2	14,5	13,4	11,2	10,0
Информант 3	13,0	12,1	10,0	9,3
Информант 4	11,3	10,4	8,9	8,3

Согласно результатам анализа, гипотеза не подтвердилась. Предложим интерпретацию полученных нами данных: расстояние между верхней и нижней деклинационными линиями представляет собой тональный диапазон, т. е. значения ΔF также должны уменьшаться при переходе от классического стиха к неравнострочному белому акцентному. Вместе с тем средняя длительность строки пусть незначительно, но растет. Согласно формуле $r = \Delta F/t$, значения r также в таком случае будут уменьшаться, что мы и можем наблюдать на полученных нами данных. Таким образом,

динамика изменения скорости деклинации остается стандартной: на более коротких отрезках мы получаем более резкое падение.

Заметим, что разница в 25–40%, обнаруженная нами ранее, является довольно значительной, поэтому в случае, если основной причиной этого является угол наклона именно нижней деклинационной линии, скорость падения не должна была бы уменьшаться столь значительно (или в отдельных случаях не должна была уменьшаться вообще). Однако анализ имеющихся у нас данных подтверждает, что в целом нижняя линия ведет себя согласно своим стандартным характеристикам: более короткие строки демонстрируют более резкий угол наклона, на длинных строках он меньше. Таким образом, можно постулировать, что основной причиной уменьшения сужения является динамика верхней деклинационной линии. Отчасти это коррелирует с наблюдением относительно высоты начального подъема на первом ударном слоге ([Костюк 2017]) — в менее ритмически расшатанном стихе тонально выделяется именно первый ударный слог, в то время как более ритмически сложный организованный стих может требовать дополнительных акцентов. Здесь авторы хотели бы обратиться к гипотезе, ранее упомянутой Т. Е. Янко и связанной с ее работами по исследованию интонации стиха [Янко 2010] и [Янко 2015]: наличие единственного тонального акцента на первом ударном слоге независимо от синтаксической и семантической структуры строки может свидетельствовать о нарушении восприятия информантом темы и ремы при прочтении, поскольку их наличие должно требовать на себе акцент. Данная гипотеза, безусловно, требует дополнительной проработки, однако ее возможная связь с уже обнаруженными нами явлениями представляется крайне интересной.

Исследование скорости деклинации в стихе как таковой представляет собой важную задачу. Более того, сравнение полученных нами данных с результатами, представленными в [Maeda 1976], демонстрирует поразительное сходство: показатели скорости деклинации в стихотворной строке в крайне высокой степени схожи с аналогичными ожидаемыми значениями для прозы (например, для предложений со средним временем прочтения в 2,4 секунды у разных информантов получились сходные значения $r_1 = 10,7$ и $r_2 = 10,4$; в нашем случае на приблизительно аналогичных по средней длительности строках мы получили $r = 10,5$). Таким образом, стихотворный текст в отношении деклинационных явлений демонстрирует максимально стандартную модель оформления не только по более общей формуле $D_2 = -11/(t + 1,5)$ при $t \leq 5$ сек [Cohen et al. 1982], но стремится к универсальным средним значениям для прозы даже при более точных подсчетах в абсолютных единицах (Гц).

Тем не менее представляется интересным провести дополнительный сравнительный анализ. Ниже представлены данные для сегментов прозаического текста в прочтении тех же самых информантов (табл. 3):

Таблица 3. Скорость деклинации в прозаических текстах

Table 3. Declination rate in prose

	r (Гц/сек)	t (сек)	$\Delta\bar{F}$ (Гц)	F_{onset} (Гц)	F_{offset} (Гц)
Информант 1	8,1	4,92	40	197	155
Информант 2	9,7	4,85	47	241	194
Информант 3	8,0	5,11	41	218	177
Информант 4	11,4	5,07	58	226	168

Прозаические сегменты демонстрируют значительно меньшую степень единообразия, что объясняется вышеупомянутой деформацией начального отрезка интонационного контура, где скорость деклинации иногда может отличаться от всего остального сегмента. В этом месте хотелось бы вновь вернуться к проблеме сегментации: большинство работ по измерению скорости деклинации старается использовать простые предложения. Отчасти это объясняется возможностью возникновения начальных деформаций. Тем не менее в более ранних работах в материалах наблюдалась значительная степень вариативности. С. Маэда, результаты которого считаются отправной точкой для всех дальнейших формул и подсчетов, упоминает два основных критерия выделения сегмента — наличие длинной паузы (300 мсек и более) и единый речевой такт («breath group») или синтагма [Maeda 1976: 62]. При этом анализ его материалов позволяет предположить, что первичным признаком для его сегментации является именно паузация, и различать синтагмы по другим признакам (например, по наличию интонационного слома) он не предлагает. Можно сделать вывод, что приоритетным для него является именно предложение.

В своей работе С. Маэда отмечал, что для каждого диктора конечное значение ЧОТ является константой независимо от сегмента: это представляется странным для синтагм, но не вызывает никаких существенных возражений в отношении предложений [Maeda 1976: 55]. Сопоставление конечных значений F_{offset} для стихотворных строк и предложений прозаического текста, полученных нами в ходе нашего исследования, обнаруживает их сходство; таким образом, можно сделать вывод, что по параметру скорости деклинации стихотворная строка скорее стремится к просодическому оформлению, аналогичному именно предложениям, а не синтагмам. Можно было бы предположить, что значительную роль

в этом играет обязательность конечного просодического шва, обусловленного ритмикой, однако вкупе с обнаруженной нами тенденцией к сохранению интонационного единства независимо от своей внутренней структуры это является значительным аргументом в пользу определенного сходства стихотворной строки и предложения.

Представляется, что стремление стихотворной строки к интонационному единству является лингвистически более важным параметром для говорящего, чем ее семантическое наполнение, поскольку позволяет в значительной степени его игнорировать.

Заметим, что вышеописанные результаты анализа угла наклона нижней деклинационной линии никак не противоречат полученным нами ранее данным о существенных различиях в интонационном оформлении стиха и прозы: средняя ширина тонального коридора стихотворной строки приблизительно в два раза меньше средней ширины тонального коридора прозаической синтагмы, а заметное сужение тональной рамки в динамике для стиха является более частотным явлением [Кривнова, Костюк 2020]; также было выявлено статистически значимое различие по количеству восходящих граничных тонов по сравнению с прозой [Костюк 2017].

Безусловно, полноценное комплексное описание стихотворной строки и ее интонационной структуры еще далеко от завершения, но предполагается, что полученные в рамках нашего исследования данные могут стать еще одним значимым его элементом.

Литература

- Ерешко А. Е. Интонационное оформление строки стихотворного текста // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика: материалы международной конференции 19–23 июня 1995 г. М.: Наука, 1996. С. 99–104.
- Златоустова Л. В. Фонетические единицы русской речи. М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 104 с.
- Костюк А. Э. Просодия строки в русском стихе // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 14. С. 27–40.
- Костюк А. Э. Рамочная тональная конструкция в фонетической структуре стихотворных строк различной метрики // «...Вперёд и вверх по лестнице звучащей». Сб. ст. к 80-летию О. Ф. Кривновой. М.: Буки-Веди, 2023. С. 97–108.
- Кривнова О. Ф., Князев С. В., Моисеева Е. В. Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2016. № 4. С. 7–33.

- Кривнова О. Ф., Костюк А. Э. Рамочная тональная конструкция в фонетической структуре стиха и прозы // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна. М.: Буки-Веди, 2020. С. 86–98.
- Скулачева Т. В. Лингвистика стиха: структура стихотворной строки // Славянский стих: стиховедение лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1996. С. 18–23.
- Янко Т. Е. Просодия предложений со «снятой» иллокутивной силой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Междунар. конф. по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог-2010». М.: Изд-во РГГУ, 2010. С. 609–621.
- Янко Т. Е. Лингвистические технологии анализа звучащего поэтического текста // Когнитивные исследования языка. 2015. № 23. С. 174–183.
- Cohen A., 't Hart J. Perceptual analysis of intonation patterns // Proc. Vth ICA, Liège, 1965. Vol. 16. P. 124–139.
- Cohen A., 't Hart J. On the Anatomy of Intonation // Lingua. 1967. Vol. 19. P. 177–192.
- Cohen A., Collier R., 't Hart J. Declination: construct or intrinsic feature of speech pitch? // Phonetica. 1982. Vol. 39. № 4–5. P. 254–273.
- Collier R. Physiological correlates of intonation patterns // The Journal of the Acoustical Society of America. 1975. Vol. 58. № 1. P. 249–255.
- Fujisaki H., Sudo H. Synthesis by rule of prosodic features of connected Japanese // Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971. Vol. 3. P. 133–136.
- Hauser M. D., Fowler C. A. Fundamental frequency declination is not unique to human speech: Evidence from nonhuman primates // The Journal of the Acoustical Society of America. 1992. Vol. 91. № 1. P. 363–369.
- Kocharov D., Volskaya N., Skrelin P. F₀ declination in Russian revisited // Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences, TSC for ICPhS. 2015. Vol. 293. P. 1–5.
- Maeda S. A characterization of American English intonation: PhD thesis. Cambridge, 1976. 334 p.
- Mattingly I. G. Synthesis by rule of prosodic features // Lang. Speech. 1966. Vol. 2. P. 91–113.
- Ohman S. On the Coordination of Articulatory and Phonatory Activity in Production of Swedish Tonal Accents // Speech Transmission Laboratory Report. 1965. Vol. 2. P. 14–19.
- Ohman S. Word and Sentence Intonation: a Quantitative Model // Quarterly Progress and Status Report, Speech Transmission Laboratory, Royal Institute of Technology. Stockholm, 1967. Vol. 2–3. P. 20–54.
- Pierrehumbert J. B. The phonology and phonetics of English intonation. Ph.D. diss. Massachusetts Institute of Technology, 1980. 402 p.
- Pike K. L. The intonation of American English. University of Michigan: Ann Arbor, 1945. 200 p.
- Silverman K. E., Beckman M. E., Pitrelli J. F., Ostendorf M., Wightman C. W., Price P. J., Pierrehumbert J. B., Hirschberg J. TOBI: a standard for labeling English prosody // The Second International Conference on Spoken Language Processing, ICSLP, 1992. P. 5.

- Thorsen N. A study of the perception of sentence intonation — evidence from Danish // J. acoust. Soc. Am. 1980. Vol. 67. P. 1014–1030.
- Van Heuven V. J., Haan J. Phonetic correlates of statement versus question intonation in Dutch // *Intonation: Analysis, modelling and technology*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2000. P. 119–143.

References

- Cohen A., 't Hart J. Perceptual analysis of intonation patterns. *Proc. Vth ICA, Liège*, 1965, vol. 16, pp. 124–139. (In Eng.)
- Cohen A., 't Hart J. On the Anatomy of Intonation. *Lingua*, 1967, vol. 19, pp. 177–192. (In Eng.)
- Cohen A., Collier R., 't Hart J. Declination: construct or intrinsic feature of speech pitch? *Phonetica*, 1982, vol. 39, № 4–5, pp. 254–273. (In Eng.)
- Collier R. Physiological correlates of intonation patterns. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1975, vol. 58, № 1, pp. 249–255. (In Eng.)
- Ereshko A. E. [Intonation of a Verse Line]. *Slavyanskii stikh: stikhovedenie, lingvistika i poetika* [Slavic Verse: Verse Study, Linguistics and Poetics], 1996, pp. 99–104. (In Russ.)
- Fujisaki H., Sudo H. Synthesis by rule of prosodic features of connected Japanese. *Akadémiai Kiadó*, Budapest, 1971, vol. 3, pp. 133–136. (In Eng.)
- Hauser M. D., Fowler C. A. Fundamental frequency declination is not unique to human speech: Evidence from nonhuman primates. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1992, vol. 91, № 1, pp. 363–369. (In Eng.)
- Kocharov D., Volskaya N., Skrelin P. F₀ declination in Russian revisited. *Proceedings of the 18th International Congress of Phonetic Sciences, TSC for ICPhS*, 2015, vol. 293, pp. 1–5. (In Eng.)
- Kostyuk A. E. [Prosody of a Verse Line in Russian Verse]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2017, no. 14, pp. 27–41. (In Russ.)
- Kostyuk A. E. [Tonal Pitch Frame in the Phonetic Structure of Verse Lines of Different Rhythmical Organisation]. "...Vpered i vverkh po lestnitse zvuchashchei". *Sbornik statei k 80-letiyu Ol'gi Fedorovny Krivnovoi* ["...Onwards and Upwards the Melodic Stairs". Tribute to Olga Fedorovna Krivnova]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2023, pp. 97–108. (In Russ.)
- Krivnova O. F., Knyazev S. V., Moiseeva E. V. [The Study of Prosodic Segmentation of Russian Speech]. *Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya*, 2016, no. 4, pp. 7–33. (In Russ.)
- Krivnova O. F., Kostyuk A. E. [Tonal Pitch Frame in the Phonetic Structure of Verse and Prose]. *VAProsy yazykoznaniya: Megasbornik nanostatei. Sb. st. k yubileyu V. A. Plungyana* [Questions of linguistics: Mega collection of nanoarticles. Collection of articles dedicated to the anniversary of V. A. Plungyan]. Moscow, Buki-Vedi Publ., 2020, pp. 86–98. (In Russ.)

- Maeda S. *A characterization of American English intonation. Ph.D. diss.* Cambridge, 1976. 334 p.
- Mattingly I. G. Synthesis by rule of prosodic features. *Lang. Speech*, 1966, vol. 2, pp. 91–113. (In Eng.)
- Ohman S. On the Coordination of Articulatory and Phonatory Activity in Production of Swedish Tonal Accents. *Speech Transmission Laboratory Report*, 1965, vol. 2, pp. 14–19. (In Eng.)
- Ohman S. Word and Sentence Intonation: a Quantitative Model. *Quarterly Progress and Status Report, Speech Transmission Laboratory, Royal Institute of Technology*. Stockholm, 1967, vol. 2–3, pp. 20–54. (In Eng.)
- Pierrehumbert J. B. *The phonology and phonetics of English intonation. Ph.D. diss.* Massachusetts Institute of Technology, 1980. 402 p.
- Pike K. L. *The intonation of American English*. University of Michigan, Ann Arbor Publ., 1945. 200 p.
- Silverman K. E., Beckman M. E., Pitrelli J. F., Ostendorf M., Wightman C. W., Price P. J., Pierrehumbert J. B., Hirschberg J. *TOBI: a standard for labeling English prosody*. The Second International Conference on Spoken Language Processing, ICSLP Publ., 1992, p. 5. (In Eng.)
- Skulacheva T. V. [Linguistics of Verse: Structure of a Verse Line]. *Slavyanskii stikh: stikhovedenie lingvistika i poetika* [Slavic Verse: Verse Study, Linguistics and Poetics], 1996, pp. 18–23. (In Russ.)
- Thorsen N. A study of the perception of sentence intonation – evidence from Danish. *J. acoust. Soc. Am.*, 1980, vol. 67, pp. 1014–1030. (In Eng.)
- Van Heuven V. J., Haan J. Phonetic correlates of statement versus question intonation in Dutch. *Intonation: Analysis, modelling and technology*. Dordrecht: Springer Netherlands Publ., 2000, pp. 119–143. (In Eng.)
- Yanko T. E. [Prosody of Sentences Without Illocution]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Tr. Mezhdunar. konf. po komp'yuternoi lingvistike i ee prilozheniyam "Dialog-2010"* [Computational linguistics and intellectual technologies: proc. 6th Int. Conf. on computational and applied linguistics "Dialog-2010"], 2010, pp. 609–621. (In Russ.)
- Yanko T. E. [Linguistic Technologies of Analyzing the Spoken Poetic Text]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Language Studies], 2015, no. 23, pp. 174–183. (In Russ.)
- Zlatoustova L. V. *Foneticheskie edinitsey russkoi rechi* [Phonetic Units of Russian Speech]. Moscow, MSU Publ., 1981. 104 p.

Защитник Отечества — защитник культуры русской речи

**К 100-летию со дня рождения К. С. Горбачевича
(20.05.1925–02.11.2005)**

Defender of the Fatherland — Defender of the Culture of Russian Speech

**On the 100th Anniversary of the Birth
of K. S. Gorbachevich (20.05.1925–02.11.2005)**

Весьма символично, что столетие доктора филологических наук, профессора, главного специалиста ИЛИ РАН К. С. Горбачевича совпало с 80-летием Великой Победы: он служил науке с той же страстью, с какой сражался за свое Отечество на фронтах войны. Кавалер ордена Славы III степени, ордена Отечественной войны I степени и других боевых наград, прошедший дорогами войны от Ленинграда до Вены, нормализатор и популяризатор русской речи, лексиколог и лексикограф, стилист, историк русского языка, топонимист, специалист по культуре речи, блестящий оратор, член общества «Знание», преподаватель ЛГУ — это все о нем.

Один из питерских атлантов послевоенного поколения старой классической школы филологов, он счастливо сочетал глубину исторического погружения в язык с широким охватом языковой современности.

Его книги: «Вариантность слова и языковая норма» (1978) и «Нормы современного русского литературного языка» (1978), «Словарь трудностей произношения и ударения» (2000) — не устарели во многом и сегодня.

К. С. Горбачевич был автором-составителем словарных статей в 14 и 16 томах «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах (1948–1965). Он являлся главным редактором его второго издания, а также возглавил работу над «Большим академическим словарем русского языка», издание которого началось в 2004 году. А сколько оригинальных словарей он создал сам: «Словарь эпитетов» (1979), «Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке» (2004), «Краткий словарь синонимов русского языка» (2005), «Словарь синонимов русского языка» (2007)! В соавторстве — «Толковый словарь русского языка. Пособие для учащихся национальных школ» (1981), «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (1973).

Он широко печатался в газетах и журналах, в том числе и в «Русской речи», выступал на ТВ, читал лекции в разных аудиториях, раскрывая душу русского языка во всем его богатстве и экспрессии.

Фундаментальное знание законов языкового развития позволяло К. С. Горбачевичу строить прогнозы о развитии языка. Его книга «Русский язык. Прошлое. Настоящее. Будущее» (1990) — тому подтверждение.

Как топонимист он (в соавторстве с Е. П. Хабло) оставил петербуржцам выдержавший несколько изданий бесценный справочник «Почему так названы?» о происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов города на Неве.

Множество его идей остались еще не осуществленными. Они ждут своих исследователей.

*Т. А. Корованенко, к. ф. н., почетный работник
общего образования, преподаватель
Международной школы
Герценовского университета
(бывший научный сотрудник ИЛИ РАН)*

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *М. А. Пузина*

Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*

Корректор *Н. Н. Занегина*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

(Роскомнадзор)

Подписано к печати .

Дата выхода в свет .

Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.

Зак. .

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр-кт, д. 14

20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+